СОЧИНЕНІЯ

Н. В. ГОГОЛЯ

СО СТОРОНЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ.

„Внемлютъ *имъ* твореніямъ поэтовъ мудрые цари, глубокіе правители, прекрасный старецъ и полный благороднаго стремленія юноша"...

Гоголь.

ДВѢ СТАТЬИ

ПРОФЕССОРА

Н. Я. АРИСТОВА.

(СЪ ПОРТРЕТОМЪ Н. В. ГОГОЛЯ)

Цѣна 1 руб. 50 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Книгопродавца Н. Г. МАРТЫНОВА.

1887.




LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

Гоголь со стороны отечественной науки

Н. Аристова.

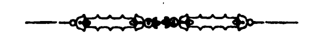
Изданіе Н. Г. Мартынова.

Ф. Aristov

СОБРАНІЕ СТАТЕЙ

Н. Я. АРИСТОВА,

ПРОФЕССОРА НѢЖИНСКАГО ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА.



I.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ СОЧИНЕНІЙ ГОГОЛЯ.

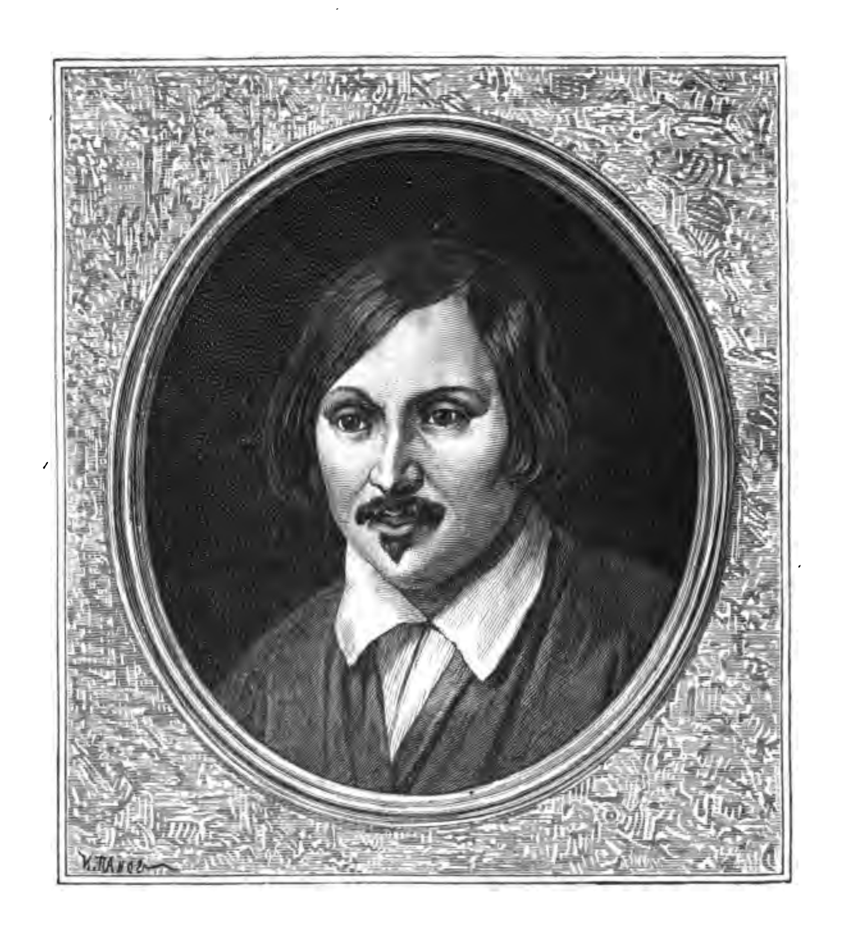
II.

ИНОЗЕМНОЕ ВЛІЯНІЕ ВЪ РОССІИ, ИЗОБРАЖЕННОЕ ГОГОЛЕМЪ ВЪ ЕГО СОЧИНЕНІЯХЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
ИЗДАНІЕ КНИЖНАГО МАГАЗИНА Н. Г. МАРТЫНОВА.

1887.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 19 Февраля 1887 года.



Николай Васильевичъ Гоголь-Яновскій

родился 19 Марта 1808 г. въ Миргородскомъ уѣздѣ,
умеръ 21 Февраля 1852 г. въ Москвѣ.

Изданіе Н. Г. Мартынова.

СОЧИНЕНІЯ

Н. В. ГОГОЛЯ

СО СТОРОНЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ.

„Внемлютъ *имъ* твореніямъ поэтовъ мудрые цари, глубокіе правители, прекрасный старецъ и полный благороднаго стремленія юноша“...

Гоголь.

ДВѢ СТАТЬИ

ПРОФЕССОРА

Н. Я. АРИСТОВА.

(СЪ ПОРТРЕТОМЪ Н. В. ГОГОЛЯ)





С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Книгопродавца Н. Г. МАРТЫНОВА.

1887.



Въ типографіи В. Безобразова и Комп. (Вас. Остр., 8 л., № 45).

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Января 29-го Россія такъ славно чтила память пятидесятилѣтія со дня кончины геніальнѣйшаго своего поэта, А. С. Пушкина, прекрасныя созданія котораго стали съ этого времени достояніемъ всего общества! А чрезъ 15 лѣтъ русскому народу предстоитъ получить еще наслѣдство въ видѣ безсмертныхъ твореній одного изъ первоклассныхъ своихъ писателей-художниковъ, Николая Васильевича Гоголя.

Но эти высокія и безсмертныя творенія великаго писателя, хотя и обстоятельно разработанныя въ литературномъ отношеніи и достаточно изслѣдованныя со стороны словеснаго искусства, къ сожалѣнію, еще весьма мало изслѣдованы со стороны отечественной науки, ибо въ нашей литературѣ почти совсѣмъ не встрѣчается подробнаго разбора изображеній Гоголя домашняго быта, быта экономическаго и иностраннаго вліянія въ Россіи въ первой половинѣ текущаго столѣтія. Между тѣмъ, подобныя изслѣдованія чрезвычайно важны для всякаго современнаго образованнаго человѣка: съ помощью ихъ можно будетъ гораздо правильнѣе и вѣрнѣе судить о нравахъ и обычаяхъ дѣйствительной жизни русской, тѣмъ болѣе, что типы лицъ и явленія событій, художественно изображенные Гоголемъ, исполнены животрепещущей правды и не расходятся съ историческими данными.

Въ видахъ этихъ соображеній, профессоръ Нѣжинскаго историко-филологическаго института, Н. Я. Аристовъ, и задумалъ было, въ 1881 году, произвести рядъ изслѣдованій надъ сочиненіями Н. В. Гоголя. Но... г. Аристовъ самъ скончался въ 1882 году (26-го августа), *) успѣвъ написать по этому предмету всего лишь двѣ статьи, именно: 1) „Историческое значеніе сочиненій Гоголя" и 2) „Иноземное вліяніе въ Россіи, изображенное Гоголемъ въ его сочиненіяхъ".

Такъ какъ обѣ эти статьи, довольно талантливо написанныя авторомъ, чрезвычайно интересны и по своему содержанію, то появленіе ихъ въ настоящемъ, отдѣльномъ изданіи представляется, кажется, вполнѣ необходимымъ, а въ виду наступающаго въ этомъ мѣсяцѣ (21-го числа) тридцатипятилѣтія со дня кончины незабвеннаго писателя, Н. В. Гоголя, и вполнѣ умѣстнымъ.

В. Симанскій.

С.-Петербургъ.
1887 г., 16-го февраля.

---

*) См. журналъ «Вѣкъ» за 1882 г., книги XI и XII: «Жизнь, труды и сочиненія Н. Я. Аристова».

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ

СОЧИНЕНІЙ ГОГОЛЯ.



ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ СОЧИНЕНІЙ ГОГОЛЯ.

Слишкомъ 50 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ стали появляться въ печати литературныя произведенія одного изъ первоклассныхъ русскихъ писателей-художниковъ, *Николая Васильевича Гоголя* *). Получивъ образованіе въ стѣнахъ нашего заведенія **), которое носило тогда названіе «Гимназіи высшихъ наукъ», онъ оставилъ на память о себѣ начертанія начальныхъ буквъ своего имени и фамиліи на нѣкоторыхъ стеклахъ зимнихъ рамъ, вѣроятно, въ часы безделья отъ скуки, и на деревьяхъ въ саду, подъ которыми любилъ отдыхать послѣ обѣда. По собственному сознанію его, первые опыты въ сочиненіяхъ, къ которымъ онъ получилъ навыкъ въ послѣднее время пребыванія своего въ школѣ, были

---

*) Глава изъ историческаго романа «Гетьманъ» помѣщена въ альманахѣ «Сѣверные Цвѣты» на 1831 годъ. Статья «Нѣсколько мыслей о преподаваніи дѣтямъ географіи» напечатана въ «Литературной Газетѣ» за 1831 годъ (*Полн. собр. сочиненій Н. В. Гоголя.* Изд. 4-е. М. 1880 года. Т. IV, стр. 23—197).

**) Нѣжинскаго историко-филологическаго института.

почти всѣ въ лирическомъ и серьезномъ родѣ,—комическихъ или сатирическихъ онъ не писалъ; но въ характерѣ его, несмотря на меланхолическій складъ, была наклонность къ веселости и охота къ шуткамъ, которыми онъ надоѣдалъ иногда товарищамъ. Въ самыхъ раннихъ его сужденіяхъ о людяхъ выражалось умѣнье замѣчать особенности крупныя или мелкія и смѣшныя, которыя ускользаютъ отъ вниманія другихъ,—умѣнье *угадать* человѣка, съ оттѣнкомъ его разсужденій, съ удержаніемъ самаго склада и образа его мыслей и рѣчей (Собр. соч. Гоголя IV, 795).

Рано задумываясь о своемъ будущемъ, Гоголь увѣренъ былъ, что онъ непремѣнно сдѣлается человѣкомъ знаменитымъ и совершитъ много добра для общества на государственной службѣ. «Прежде, чѣмъ вступить на поприще писателя, говоритъ онъ—я перемѣнилъ множество разныхъ мѣстъ и должностей, чтобы узнать, къ которой изъ нихъ я былъ больше способенъ; но не былъ доволенъ ни службой, ни собой, ни тѣми, которые надо мной были поставлены» (IV, 798). Такимъ образомъ, эта окольная дорога только помогла ему шире раздвинуть кругъ воззрѣній на разныя занятія и на русскій міръ, не угасивъ божественнаго пламени таланта, которое сильнѣе разгоралось въ душѣ поэта. Чуткая способность угадывать отличительныя особенности человѣка и нѣсколькими чертами выставлять его вдругъ всего, какъ живаго, даръ смѣяться надъ пошлостью жизни, развиваясь постепенно, заставили его бросить служебную дѣятельность и создали великаго писателя. Пока Гоголь наблюдалъ и изображалъ малороссійскую жизнь, въ произведеніяхъ его замѣтны только проблески таланта, по его скромному замѣчанію, «это—ученическіе опыты»; но когда онъ выступилъ на болѣе широкую дорогу и сдѣлался живописцемъ всей Россіи, тогда онъ заявилъ себя неподражаемымъ мастеромъ и глубокимъ сердцевѣдцемъ. Сперва и смѣхъ его отличался свѣтлымъ игривымъ

настроеніемъ, почти безцѣльнымъ, потомъ сталъ навѣвать грусть на читателя и, наконецъ, производилъ потрясающее дѣйствіе, при яркомъ и вѣрномъ изображеніи людскихъ пороковъ, несправедливости и пошлости (IV, 796).

Одаренный высокими движеніями души и святой любовью къ ближнему, онъ пріобрѣлъ познанье земли своей въ корнѣ и въ вѣтвяхъ, какъ истинный гражданинъ своего отечества, изучилъ русскую душу «не по книгамъ и разсказамъ, но по опыту, влекомый отъ младенчества желаніемъ знать человѣка». При всѣхъ великихъ дарахъ своихъ, онъ съ священнымъ благоговѣніемъ смотрѣлъ на высокую обязанность писателя; Грибоѣдовъ указывалъ на смѣхъ, какъ на орудіе обузданія подлыхъ людей:

Хоть есть охотники поподличать вездѣ,
Да нынче смѣхъ страшитъ и держитъ ихъ въ уздѣ.

Но Гоголь смѣхъ считалъ средствомъ исправленія общественной нравственности, смѣялся не отъ злости, а изъ жалости къ падшимъ. Въ душѣ его созрѣло просвѣщенное сознаніе недостатковъ русской жизни, загорѣлась искренняя любовь къ великому народу, онъ весь проникнулся желаніемъ вывести заблудшихъ изъ тьмы къ свѣту разумной естественности, добра и гармоніи. Онъ смѣялся и плакалъ горькими слезами, когда создавалъ въ поученье людей живые образы, которые, какъ полные хозяева, растворяли двери сердецъ и входили свободно въ глубину души съ своей таинственной проповѣдью. Проницающей силою смѣха онъ заставлялъ выступать ярко мелочь и пустоту жизни, мимо которыхъ равнодушно проходитъ человѣкъ всякій день, и заставлялъ вскрикивать съ содроганіемъ: «Неужели есть такіе люди?» Онъ пригвоздилъ къ позорному столбу неотразимые образы безчувственныхъ обитателей Россіи, «страшныхъ недвижнымъ холодомъ души своей и безплодной пустыней сердца» г

отбилъ охоту у другихъ—быть похожими на нихъ (IV, 565, 575, 814, 815, 818; II, 465).

Художественныя созданія Гоголя отрицательнаго направленія проложили новую широкую дорогу въ русской литературѣ и образовали громадную школу писателей. Монополисты тогдашней журналистики—Булгаринъ, Гречъ, Сеньковскій и Полевой—встрѣтили ихъ ожесточенной бранью и насмѣшками; напротивъ, люди, обладавшіе высокимъ развитіемъ ума и вкуса, какъ В. Г. Бѣлинскій и московскіе образованные писатели, приняли ихъ съ крикомъ восторга—и своими замѣчательными отзывами достойно возвысили въ глазахъ общества значеніе поэтическихъ созданій Гоголя. Особенно увлечена была ими современная молодежь; вотъ что замѣтилъ питомецъ «Училища Правовѣдѣнія» конца тридцатыхъ годовъ: «Новое поколѣніе подняло великаго писателя на щитахъ съ первой же минуты его появленія. Тогдашній восторгъ отъ Гоголя ни съ чѣмъ несравнимъ. Его всюду читали точно запоемъ. Необыкновенность содержанія, выпуклость типовъ, небывалый, неслыханный по естественности языкъ, отроду еще неизвѣстный никому юморъ—все это дѣйствовало просто опьяняющимъ образомъ. Съ Гоголя водворился въ Россіи совершенно новый языкъ; онъ безгранично нравился своей простотой, силой, мѣткостью, поразительною бойкостью и близостью къ натурѣ. Всѣ гоголевскіе обороты, выраженія быстро вошли во всеобщее употребленіе» *). И чѣмъ далѣе, тѣмъ сильнѣе возрастала слава геніальнаго писателя; враждебная партія рѣдѣла и только немногіе глубокіе старцы оставались при своемъ невыгодномъ мнѣніи о сочиненіяхъ Гоголя къ концу его жизни. Такъ, послѣ погребенія его, послали изъ Москвы Булгарину въ насмѣшку нѣсколько лавровыхъ

*) *В. Стасовъ.* «Русская Старина» 1881 года, кн. 2, стр. 414—418.

листьевъ съ гроба; 28-го февраля 1852 года онъ отвѣчалъ между прочимъ П. В. Хавскому, извѣстному скромному писателю о русской хронологіи: «Если Гоголь для васъ и для редактора «Московскихъ Полицейскихъ Вѣдомостей» кажется знаменитымъ писателемъ, то онъ вовсе не такимъ кажется мнѣ и Гречу. Сравнивать Гоголя съ Карамзинымъ—и грѣхъ и смѣхъ! Никто не нанесъ пагубнѣйшаго удара чистотѣ, правильности русскаго языка и изящному вкусу, какъ Гоголь. Партія *натуральной школы* возвеличила его, а почести, оказанныя ему въ Москвѣ, не дѣлаютъ чести ея литературному вкусу... Лавровые листы, которые вы мнѣ прислали съ его гроба, не расцвѣтутъ въ потомствѣ, всегда справедливомъ» *). Но Булгаринъ оказался плохимъ пророкомъ. Гоголь былъ дальновиднѣе писателей старой школы и заранѣе зналъ, какъ высоко со временемъ поставитъ потомство его неподражаемыя сочиненія! «Міръ, какъ водоворотъ, замѣчаетъ онъ:—движутся въ немъ вѣчно мнѣнія и толки, но все перемалываетъ время. Какъ шелуха слетаетъ ложь, и какъ твердыя зерна остаются неподвижны истины. Что признавалось пустымъ, можетъ явиться потомъ вооруженное строгимъ значеніемъ. Въ глубинѣ холоднаго смѣха могутъ отыскаться горячія искры вѣчной, могучей любви» (II, 466; III, 138).

Громадное достоинство и значеніе сочиненій Гоголя давно оцѣнила и признала исторія русской литературы. Теперь вся Россія желаетъ увѣковѣчить заслуги великаго поэта *отрицательнаго направленія* постановкою достойнаго памятника въ Москвѣ, какъ недавно воздвигла геніальному поэту *положительнаго направленія,* А. С. Пушкину. Даже гдѣ трудно было ожидать, здѣсь, въ уѣздномъ городкѣ Нѣжинѣ, нашлись образованные и благородные люди, которые позаботились въ короткое время соорудить бюстъ Н. В. Го-

*) «Русская Старина» 1872 года, кн. 3, стр. 482.

голю, въ память его образованія въ Нѣжинской гимназіи высшихъ наукъ.

Высокія творенія Гоголя обстоятельно разобраны въ литературномъ отношеніи; но я сдѣлаю попытку коснуться его художественныхъ произведеній не со стороны словеснаго *искусства*, а со стороны отечественной *науки*, — позволю себѣ остановиться на вопросѣ, который не разработанъ въ литературѣ, а именно: «Какое историческое значеніе имѣютъ сочиненія Гоголя?»

По самому свойству своего таланта и характеру творчества Гоголь изображалъ извѣстную ему до подробностей современную жизнь, выставляя на показъ выпуклыя и яркія стороны характера живыхъ тогдашнихъ людей или общественныхъ и частныхъ явленій. Онъ воплощалъ въ жизненные образы личностей дѣйствительныя черты несущагося передъ нимъ народнаго движенія и пишетъ объ этомъ слѣдующее:— «Мнѣ нужны были свѣдѣнія о внутренней жизни Россіи, какъ этюды съ натуры художнику, чтобы не погрѣшить ни въ чемъ противъ дѣйствительности, противъ времени или эпохи, какая взята. Я никогда ничего не создавалъ въ воображеніи и не имѣлъ этого свойства. У меня только то и выходило хорошо, что взято было мной изъ дѣйствительности, изъ данныхъ мнѣ извѣстныхъ. Угадывать человѣка я могъ только тогда, когда мнѣ представлялись самыя мельчайшія подробности его внѣшности. Я никогда *не писалъ* портрета, въ смыслѣ простой копіи. Я *создавалъ* портретъ, но создавалъ его вслѣдствіе соображенія, а не воображенія. Чѣмъ болѣе вещей принималъ я въ соображеніе, тѣмъ у меня вѣрнѣй выходило созданіе... Всѣ только удивлялись, какъ могъ я требовать такихъ мелочей и пустяковъ, тогда какъ имѣю такое воображеніе, которое можетъ само творить и производить. Но воображеніе мое до сихъ поръ не подарило меня ни чимъ замѣчательнымъ характеромъ и не создало ни одной

такой вещи, которую гдѣ нибудь не подмѣтилъ бы мой взглядъ въ натурѣ. Мнѣ нужны были безчисленныя мелочи и подробности, которыя говорятъ, что взятое лицо дѣйствительно жило на свѣтѣ, иначе оно станетъ идеальнымъ,—надо было, чтобы русскій читатель почувствовалъ, что выведенное лицо взято именно изъ того самаго тѣла, изъ котораго созданъ и онъ, что это живое и какъ бы его собственное тѣло. У меня въ этомъ отношеніи умъ тотъ самый, какой бываетъ у большей части русскихъ людей, т. е. способный больше выводить, чѣмъ выдумывать» (IV, 804, 810, 811). Однако, герои послѣднихъ произведеній Гоголя не портреты дѣйствительныхъ людей, т. е. не личности, не копіи современниковъ, потому что онъ «озарялъ картину, взятую изъ презрѣнной жизни, и въ глубинѣ душевной возводилъ въ перлъ созданія» (II, 136; IV, 644, 647).

Такимъ образомъ, созданія Гоголя состоятъ изъ прочнаго, фактическаго матеріала современной жизни и получили мастерскую отливку и художественную отдѣлку. Разрушая цѣльные образы, мы получимъ дѣйствительные факты тогдашняго состоянія Россіи, при томъ не одиночные или рѣдкіе факты, а характерные, которые оттѣняютъ настрой множества лицъ и отличія событій даннаго времени, столь важные и дорогіе для историка. Эти историческія данныя, обрисованныя художникомъ, не уступятъ по правдѣ и вѣрности изображеній мемуарамъ частныхъ лицъ, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ превзойдутъ ихъ, напримѣръ, тонкимъ подборомъ содержанія, типическимъ значеніемъ явленій и силой жизненности, потому что художникъ, какъ и современный дѣеписатель, собственно не выдумывалъ никакихъ несуществовавшихъ мелочей жизни. Какъ великій талантъ, Гоголь въ своихъ произведеніяхъ не бралъ рѣзкія исключенія или выдающіяся лица и событія, но рисовалъ ярко обыденныя черты характеровъ, что ежеминутно двигалось предъ глазами, всю дрянь пошлой дѣйствительно-

сти, «всю страшную потрясающую тину мелочей, опутавшихъ нашу жизнь» (II, 136). Въ тупой средѣ своей дикіе и безнравственные люди не выдавались подлостью, а величались—кто добрымъ малымъ, а кто отличнымъ человѣкомъ; ничтожныя дамы съ самой мелкой дрянной душонкой, пошлыя сплетницы носили названіе въ городѣ—однѣ *просто пріятныя*, а другія *пріятныя во всѣхъ отношеніяхъ*.

Эта глубина изображеній силой неумолимаго рѣзца художника повседневныхъ характеровъ, которыми кишитъ земная скучная дорога, была весьма жизненна и производила глубокое впечатлѣніе своей выпуклой правдой. Самъ авторъ прекрасно понималъ, что даже названія созданныхъ имъ личностей перейдутъ въ родовыя или бранныя; «пройди мимо какой нибудь знакомый, говоритъ онъ, другой толкнетъ подъ руку сосѣда и скажетъ со смѣхомъ: смотри, Чичиковъ пошелъ!» (III, 258). О комедіи «Ревизоръ» онъ замѣтилъ: «Прежде всего разсердится всякій уѣздный городишка въ Россіи и будетъ утверждать, что это злая сатира, пошлая, низкая выдумка, направленная на него» (II, 456, 458). Дѣйствительно, созданные Гоголемъ образы такъ ярко отразили въ себѣ современную жизнь, что читатели впопыхахъ, при первой раздражительности, приняли ихъ за личности, отыскивали въ нихъ черты своихъ знакомыхъ или свойства собственнаго характера и закричали, чтобы запретили неблагонамѣренныя сочиненія (II, 451, 452, 455). Въ «Ревизорѣ» Гоголь *собралъ въ кучу* все дурное въ Россіи, какое тогда зналъ, всѣ несправедливости, какія дѣлались въ тѣхъ мѣстахъ и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ больше всего отъ человѣка требовалась справедливость,—и за одинъ разъ посмѣялся надъ всѣмъ. *Это произвело потрясающее дѣйствіе.* «Мертвыя души» тоже произвели много шума, много ропота, задѣли за живое многихъ и насмѣшкою, и правдою, и каррикатурою, «коснулись порядка вещей, который у всѣхъ ежедневно передъ глазами» (IV, 797, 638). Видимо, что

авторъ превосходно изучилъ тогдашнее состояніе внутренней жизни Россіи, подробно ознакомился съ кругомъ занятій должностныхъ лицъ, съ дѣятельностью каждаго класса общества и съ теченіемъ обстоятельствъ въ разныхъ мѣстностяхъ обширнаго нашего отечества. Онъ зналъ несравненно болѣе и гораздо крупнѣе и разительнѣе фактовъ, чѣмъ сколько представлялъ ихъ въ сочиненіяхъ. Какъ точный наблюдатель и справедливый судья современной жизни, Гоголь не навязывалъ своимъ собратьямъ того, чего въ нихъ не видалъ самъ, да и замѣченныя имъ мерзости были безчисленны и, при отсутствіи любви къ человѣку, способны были подавить любую душу (IV, 676). Многія событія, изображенныя въ литературныхъ произведеніяхъ, упоминаются и въ письмахъ Гоголя, гдѣ онъ разсуждаетъ объ нихъ, какъ объ извѣстныхъ фактахъ своего времени; такихъ указаній встрѣчается не мало въ «Перепискѣ съ друзьями» и въ «Авторской исповѣди». Иногда онъ нарочно старался отыскать живыхъ людей извѣстныхъ занятій для изученія ихъ, чтобы соблюсти точную правду въ изображеніи характера и обстановки; написавъ двѣ главы «Мертвыхъ душъ», онъ сообщалъ А. С. Пушкину: «Ищу теперь хорошаго ябедника... Мнѣ хочется въ этомъ романѣ показать, хотя съ одного боку, всю Русь» *).

Очевидно, для своихъ поэтическихъ созданій онъ пользовался, какъ дорогимъ матеріаломъ, случаями дѣйствительными, явленіями живой среды, а не выдумками фантазіи. Въ этомъ мы еще глубже убѣдимся, когда станемъ сопоставлять различныя черты изображеній Гоголя съ несомнѣнными историческими данными и частными записками русскихъ людей тогдашняго времени.

Во все царствованіе императора Александра I кипѣла преобразовательная работа, а еще болѣе было намѣчено замы-

*) «Русскій Архивъ» 1880 года, № 2.

словъ по улучшенію внутренняго строя русской жизни. Но эти стремленія прекратилъ несчастный бунтъ декабристовъ, подавъ поводъ правительству скрутить и ложное и истинное развитіе образованія и заковать желѣзнымъ кольцомъ кругъ гражданской дѣятельности. Съ 1825 года настало тяжелое время, явилось не стремленіе къ улучшенію разныхъ недостатковъ русскаго общественнаго строя, сознанныхъ въ началѣ XIX столѣтія, но «строгое охраненіе порядка извнѣ и внутри». Введеніе суровой централизаціи простерло власть и сдержу на самыя мелкія и даже частныя явленія жизни; охранительныя начала пришлись по вкусу чиновникамъ и помѣщикамъ, которые считали себя главной силой и опорой государства. Гоголь смѣется надъ этими любителями стѣсненія людской свободы и разсказываетъ слѣдующее: когда распространились въ Петербургѣ слухи, что носъ коллежскаго ассесора Ковалева прогуливается во фракѣ по Невскому проспекту и любопытные собирались толпами смотрѣть, — «небольшая часть почтенныхъ и *благонамѣренныхъ* людей была чрезвычайно недовольна. Одинъ господинъ говорилъ съ негодованіемъ, что онъ не понимаетъ, какъ въ нынѣшній просвѣщенный вѣкъ могутъ распространяться нелѣпыя выдумки, что онъ удивляется, какъ не обратитъ на это вниманія правительство. Господинъ этотъ, какъ видно, принадлежалъ къ числу тѣхъ господъ, которые желали бы впутать правительство во все, даже въ свои ежедневныя ссоры съ женою»... (II, 83).

Царствованіе Николая I по историческому теченію было подготовительнымъ къ дальнѣйшему движенію и улучшенію внутренней жизни Россіи; между тѣмъ все вниманіе правительства поглощено было внѣшними дѣлами, расширеніемъ строгой формальности, постоянными войнами, часто совсѣмъ ненужными и безполезными. Гоголь понималъ отчетливо запросы современной жизни, при узкомъ и одностороннемъ направленіи правительственной дѣятельности, и говорилъ: «Въ это время,

которое недаромъ называютъ переходнымъ, у всякаго замѣтно стремленіе преобразовывать, поправлять и вообще торопиться средствами противъ всякаго зла. Вопросы нравственные взяли перевѣсъ и надъ политическими, и надъ учеными, и надъ всякими другими вопросами. И мечъ, и громъ пушекъ не въ силахъ занимать міръ. Вездѣ обнаруживается болѣе или менѣе мысль о внутреннемъ строеньи: все ждетъ какого-то болѣе стройнаго порядка» (IV, 805, 803). Но правительство не отзывалось на общія стремленія къ улучшенію внутренняго порядка, сильно содѣйствовало размноженію чиновничества безъ всякой надобности, которое составило громадное сословіе, надѣленное властью, бездушное и безжизненное, неимѣющее понятія о мѣстныхъ нуждахъ и народномъ благоустройствѣ и благосостояніи.

Послѣ войны съ Турціей 1829 года, русское правительство, покоившееся на мнимо-незыблемыхъ основахъ священнаго союза, могло бы вздохнуть свободно и обратить вниманіе на внутреннее благоустройство; но съ одной стороны появленіе холеры въ нашемъ отечествѣ, а съ другой—революція, вспыхнувшая во Франціи, затѣмъ польскій бунтъ отвлекли императора отъ внутренней дѣятельности. Николай I искренне преданъ былъ началу законности и основамъ священнаго союза; впечатлѣнія при восшествіи на престолъ внушали ему глубокую ненависть къ революціоннымъ движеніямъ. Онъ писалъ 13-го ноября 1830 года фельдмаршалу Дибичу: «Слѣдуетъ доказать якобинцамъ всѣхъ государствъ, что ихъ не боятся и вездѣ стоятъ подъ ружьемъ. Если бы даже провидѣніе, по неисповѣдимымъ судьбамъ своимъ, рѣшило намъ погибнуть, то мы погибнемъ съ честью, и грудью защищая пробитую брешь. *Таковыя чувства я питаю уже 5 лѣтъ и таковыми они останутся на всю мою жизнь*» *). Дѣйствительно, императоръ

*) «Русская Старина» 1881 г., кн. 6, стр. 393.

до конца дней оставался вѣренъ этому убѣжденію; между тѣмъ еще въ 1826 году все общество ожидало преобразованій самыхъ широкихъ и искорененія вопіющихъ злоупотребленій, пресѣченія наглаго произвола и неурядицъ *). Впрочемъ общество скоро узнало о новомъ учрежденіи III Отдѣленія государевой канцеляріи.

Оставляя права крѣпостничества почти нетронутыми, правительство цѣлые милліоны народа отдавало въ рабство и безотчетное распоряженіе помѣщиковъ. Образованіе въ Россіи отодвинулось на задній планъ, потому что на него смотрѣли подозрительно и держали въ тискахъ, опасаясь развитія разрушительныхъ началъ, какъ у декабристовъ. Цѣнилась одна формальная служба: для благонамѣренной бездарности нехитрыхъ пройдохъ открылись лучшія должности, стали предпочитать тупыя бритвы вострымъ, какъ обрисовывалъ Крыловъ въ баснѣ и Гоголь въ своихъ сочиненіяхъ (IV, 756). Злоупотребленія властью разростались по всей Россіи въ ужасающихъ размѣрахъ; угнетеніе народа дворянами и чиновниками дошло до высокой степени развитія — и недовольство крестьянъ обнаруживалось въ частыхъ бунтахъ противъ помѣщиковъ и управляющихъ изъ нѣмцевъ. На всѣ эти выдающіяся черты царствованія Николая Павловича Гоголь обратилъ особенное вниманіе.

Разсуждая о высокомъ значеніи монарха въ Россіи и о сердечной привязанности къ нему народа, который видитъ въ немъ представителя святой правды и защитника всѣхъ угнетенныхъ и бѣдствующихъ, великій писатель смѣло говорилъ о прекрасныхъ качествахъ императора Николая, не опасаясь прослыть льстецомъ, какъ и Пушкинъ, рѣзко изображалъ и слабыя стороны его царствованія, не боясь преслѣдованій. Личность государя онъ выставлялъ, какъ высокую и благород-

*) «Русская Старина» 1881 г., сентябрь, стр. 163—194.

ную, что онъ сокрушается о несчастной Россіи, стонущей отъ грабительствъ и неправды, что болитъ сердце его, какъ никто не знаетъ, не слышитъ и не можетъ знать (IV, 720). Между прочимъ, онъ разсказываетъ, что императоръ два раза спасалъ его своей помощью, когда онъ былъ въ чужомъ городѣ «безъ всякихъ средствъ, рискуя умереть не только отъ болѣзни и страданій душевныхъ, но даже отъ голода. Услышалъ ли онъ сердцемъ, что бѣдный подданный его на своемъ неслужащемъ и незамѣтномъ поприщѣ помышлялъ сослужить ему такую же честную службу, какую сослужили ему другіе на своихъ служащихъ и замѣтныхъ поприщахъ, или это было просто обычное движеніе милости его. Но эта помощь меня подняла вдругъ» (IV, 690). За то отзывы Гоголя о тогдашнихъ главныхъ дѣятеляхъ Россіи весьма не лестны: всѣ они только и думаютъ, какъ бы выставиться хитростью и обманомъ и удовлетворить свое громадное самолюбіе, приписавъ всякія заслуги себѣ, стремятся прославиться и схватить орденишку (IV, 641—2,656). Подъ личиной усердія къ царю и отечеству, подъ видомъ добра и благонамѣренности общественной, съ жадностью хватали личныя выгоды, говорили неправду и творили безчестныя дѣла (IV, 554). Все это исторически совершенно точно. Императоръ Николай дѣйствительно, какъ рыцарски-честный и великодушный монархъ, любилъ покровительствовать талантливымъ людямъ, къ сожалѣнію, окруженъ былъ бездарными въ большинствѣ и недобросовѣстными сановниками. Не даромъ онъ въ минуты тяжелаго разочарованія высказалъ, что «онъ одинъ честный человѣкъ въ Россіи». Поэтому напрасно на него одного сваливаютъ многіе вину въ печальныхъ для нашего отечества явленіяхъ тяжелаго порядка вещей. Современный сатирическій писатель насмотрѣлся на горькое положеніе Россіи и причины его искалъ въ испорченности вліятельныхъ лицъ, въ высшихъ переднихъ классахъ общества, поработившихъ народъ; онъ показываетъ всю гниль

и ветошь началъ ихъ дѣятельности, смѣется надъ ложной искусственной дорогой, которая приводила ихъ въ восторгъ, на злое горе и бѣдствіе нашей родной страны.

Изображая отличительныя особенности жизни своего времени, Гоголь всюду слѣдитъ за иностраннымъ вліяніемъ въ Россіи и представляетъ его ядовитыя свойства, разъѣдающія русскій бытъ. Первыми и главными надежными слугами престола и отечества считались тогда вообще иностранцы и въ частности остзейскіе нѣмцы: у нихъ въ рукахъ находились высшія государственныя должности и они прославляли другъ друга за геніальную дѣятельность на пользу отечества, вывозили одинъ другаго изъ всякихъ напастей. Какого склада были эти высшіе правители изъ иностранцевъ, показываетъ письмо маркиза Паулуччи, которое онъ писалъ государю въ 1830 году, по сдачѣ должности генералъ-губернатора псковскаго, лифляндскаго, эстляндскаго, курляндскаго и рижскаго:

... «Дай найду я въ благости в. и. величества великодушное прощеніе моей дерзости и да позволено мнѣ будетъ присовокупить еще всеуниженнѣйшую просьбу, продлить могущественный кровъ в. в. на меня и семейство мое, даже за предѣлами почіющаго подъ скипетромъ вашимъ государства. Угрюмый Борей оледнѣваетъ наружныя только очерки въ сей странѣ, внутреннія ощущенія согрѣваются солнцемъ престола. Я принужденъ отдалиться отъ сего солнца, но до послѣдняго издыханія не перестану ловить даже въ переломѣ благотворные лучи онаго, согрѣвающіе душу, какъ воля творца сердцевину природы, и каждое мгновеніе изъ гиперборейскихъ странъ напомнитъ мнѣ, среди палящихъ жаровъ юга, усладительную тѣнь матери Россіи» и проч. Императоръ Николай приказалъ копію съ этого изліянія признательности за милости отослать в. кн. Константину Павловичу, собиравшему

рѣдкія и курьезныя бумаги *). Подобныхъ господъ, согрѣвавшихъ душу и нагрѣвавшихъ карманъ насчетъ матери Россіи, Гоголь хорошо зналъ и считалъ ее несчастной отъ наглой неправды, когда закружился въ ней вихрь запутанностей, «которыя застѣнили всѣхъ другъ отъ друга и отняли почти у каждаго просторъ дѣлать добро и пользу истинную своей землѣ, при видѣ повсемѣстнаго помраченія и всеобщаго уклоненія отъ духа земли своей, при видѣ этихъ безчестныхъ плутовъ, продавцовъ правосудія и грабителей, которые какъ вѳроны налетѣли со всѣхъ сторонъ клевать еще живое наше тѣло и въ мутной водѣ ловить свою презрѣнную выгоду» (IV, 721). «Нѣмцу всегда везетъ», замѣчалъ Гоголь. Не напрасно разсказываютъ, что князь Меньшиковъ просилъ Николая Павловича *пожаловать его въ нѣмцы*, вмѣсто всякой другой награды, а «тогда я всего достигну», добавлялъ онъ.

Не любилъ Гоголь также отечественныхъ правителей изъ русскихъ бояръ, бросившихъ все прадѣдовское и пичкавшихъ заморское всюду безъ толку.

Европейскіе аристократы справедливо восхваляли свое сословіе, которое создало культуру, и гордились плодотворной дѣятельностью своихъ предковъ; русскій же владѣльческій классъ, по своему началу и происхожденію, не похожъ на европейское дворянство, не создалъ никакого особаго пути историческаго, а взялъ готовую культуру съ запада и притомъ одни вершки ея и внѣшнюю форму (IV, 720). Къ концу царствованія Николая Павловича, помѣщиковъ и чиновниковъ въ Россіи насчитывалось до 445,400 человѣкъ: изъ нихъ 342,000 вовсе не имѣли помѣстьевъ и жили службой,

---

*) «Русская Старина» 1881 года, кн. 2 стр. 448—449. О Паулуччи см. «Сборникъ постановл. и распоряж.» 1875 г., II, 79.

79,000 владѣли каждый менѣе 100 душъ, 24,000 бояръ насчитывали болѣе 100 душъ; самыхъ крупныхъ владѣльцевъ было только 3,800, у которыхъ находилось въ распоряженіи 4.971,724 души, и они, конечно, вполнѣ были обезпечены и могли пользоваться матеріальнымъ довольствомъ и всѣми благами цивилизаціи. Но Гоголь показываетъ, что они не умѣли съ честью и выгодой воспользоваться своимъ прекраснымъ положеніемъ. Самое названіе *баринъ* на народномъ языкѣ означаетъ бездѣльнаго лежебока и празднаго бѣлоручку. Накопленное кровавымъ трудомъ крестьянъ состояніе одинъ спускалъ въ карты, другой тратилъ на собакъ, среди которыхъ былъ «совершенно какъ отецъ среди семейства» (III, 63, 64, 73); иной кутилъ во всю ширину русской удали и барства, прожигалъ насквозь жизнь, заводилъ театры и балы, всю ночь сіялъ его садъ, убранный огнями и оглашенный громомъ музыки, полъ-губерніи разодѣто и весело гуляло и пило подъ деревьями; а рядомъ съ нимъ господинъ, раззоряя крестьянъ своихъ, жилъ скаредомъ, копилъ деньги и добро—и самъ обратился въ какую-то прорѣху на человѣчествѣ, какъ въ кладовой пожитки его становились гнилью и прорѣхой (III, 122, 123). Петръ Петровичъ Пѣтухъ самъ воспитывалъ теленка на молокѣ для жаркого, какъ родного сына, и закармливалъ на убой знакомыхъ, а Пульхерья Ивановна жила для гостей, и въ кладовой у ней разныхъ вареній, соленій и настоекъ было столько, что они могли бы затопить дворъ и садъ, если бы наполовину не крала ихъ дворня. Одинъ баринъ одурѣлъ отъ сна и отъ бездѣлья, протиралъ на кровати утромъ глаза свои по два часа, пока лакей стоялъ съ умывальникомъ и полотенцемъ; другой усиливался заставить всѣхъ деревенскихъ бабъ ходить въ корсетахъ; третій на бесѣдкѣ въ саду сдѣлалъ надпись: «Храмъ уединеннаго размышленія» и мечталъ, что высшее начальство, узнавъ о горя-

чей дружбѣ его съ пріятелемъ, пожаловало ихъ генералами (III, 29, 37, 266, 328) *).

Крестьяне въ отношеніи помѣщиковъ были совершенно безправными юридически и повинности ихъ не были опредѣлены закономъ, а зависѣли отъ воли господина, который могъ дать и отнять землю, увеличить и уменьшить надѣлъ, иногда присвоивалъ движимое имущество, нажитое крестьяниномъ. Баринъ свободно переселялъ крѣпостныхъ, куда вздумается; продавалъ по одиночкѣ и мѣнялъ, проигрывалъ въ карты, запрещалъ жениться или вѣнчалъ по произволу; онъ могъ отдать въ солдаты, сослать на поселеніе и отправить въ каторжную работу, а наказывалъ крестьянъ, какъ ему вздумается; законъ преслѣдовалъ его только, если человѣкъ умиралъ во время самаго истязанія. Единственная обязанность лежала на господинѣ—прокармливать крестьянъ во время голода, да и та часто не исполнялась. Произволъ бояръ доводилъ иногда подчиненныхъ до крайности и они отказывались повиноваться. Народъ не вѣрилъ ни помѣщикамъ, ни чиновникамъ, но питалъ полное довѣріе къ разсказамъ бывалыхъ странниковъ, отставныхъ солдатъ. Гоголь разсказываетъ, что въ одной изъ губерній мужики взбунтовались противъ помѣщиковъ и капитанъ-исправниковъ. «Какіе-то бродяги пропустили между ними слухи, что наступаетъ такое время, когда мужики должны быть помѣщиками и нарядиться во фраки, а помѣщики нарядиться въ армяки и будутъ мужиками, и цѣлая волость, не размысля того, что слишкомъ много тогда выйдетъ помѣщиковъ, отказались платить капитанъ-исправникамъ всякую подать. Нужно было прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ» (IV, 546) **).

---

*) О малорусскихъ помѣщикахъ-ябедникахъ, происшедшихъ изъ дегтярей, см. I, 233. О глупомъ гостепріимствѣ бояръ, тамъ же I, 208, 210, 244. Обращеніе помѣщиковъ съ крѣпостными. I, 201—4, 210, 236, II, 3—4, 18, 75, III, 316.

**) Такія отношенія существовали и при Екатеринѣ II. («Русская Мысль» 1880 г., октября 19-го). Императоръ Николай старался запретить продавать крестьянъ безъ земли, но напрасно.

По ложнымъ убѣжденіямъ западно-европейскихъ мыслителей, дворянство въ Россіи по преимуществу считали самой надежной опорой престола, оплотомъ государственнаго строя противъ опасныхъ стремленій низшихъ классовъ общества. Разумѣется, эту мысль и пріятно и выгодно было развивать цѣлому сословію боярскому, которое не любилъ народъ за его исключительныя права и привилегіи и не имѣлъ къ нему довѣрія, какъ воспитанному и живущему на чужую стать и разучившемуся понимать русскаго человѣка. Правительство и боярство считали крестьянъ опасными либералами, на подобіе западныхъ демократовъ и пролетаріевъ, готовыхъ подкапываться подъ основы правленія; въ сороковыхъ годахъ даже защитниковъ крестьянъ-славянофиловъ, стоявшихъ за благосостояніе народное, нѣмецкія власти представили разрушителями основъ государства и опасными революціонерами и подвергли преслѣдованіямъ. Гоголь рѣзкими чертами рисуетъ, какъ крѣпостное право заслонило значеніе народа, который былъ творцомъ силы и мощи государства, выносилъ на своихъ могучихъ плечахъ изъ всѣхъ невзгодъ и укрѣпилъ его, создавъ единую власть,—какъ этотъ народъ старались тотчасъ представить бунтовщикомъ, неповинующимся правительству, если онъ выражалъ недовольство противъ невыносимыхъ притѣсненій. Такая система управленія по всей Россіи была въ большомъ ходу при Николаѣ Павловичѣ, даже волостныя власти прибѣгали къ ней; Гоголь разсказываетъ, какъ въ Малороссіи сельскій голова управлялъ народомъ, словно гетманъ какой, и подъѣзжалъ старикъ къ дивчатамъ; за это паробки сочинили ему пасквильную пѣсню и устроили ночью кошачью музыку. Голова взбѣсился и кричалъ: «этого дьявола въ вывороченномъ тулупѣ, въ примѣръ другимъ, заковать въ кандалы и наказать примѣрно! Пусть знаютъ, что значитъ власть! Отъ кого же и голова поставленъ, какъ не отъ царя? Потомъ доберемся и до другихъ хлопцевъ». Затѣмъ голова

приказывалъ крестьянамъ изловить наряженныхъ парней, а когда они неохотно соглашались, начальникъ закричалъ: «Дамъ я вамъ переполоху! Что вы? не хотите слушаться? Вы, вѣрно, держите ихъ руку? Вы бунтовщики! Что это?... Вы заводите разбои!... Вы... Я донесу коммисару!...» (I, 74, 77). Помѣщики, изображенные Гоголемъ, были русскіе люди, но совсѣмъ испорченные съ дѣтства разными иноземными снадобьями; жили они по деревнямъ, каждый день толковали съ крестьянами, но смотрѣли на нихъ сквозь чужіе очки и не понимали ихъ, не обращая вниманія на общественный русскій бытъ, даже презирая его. Отношенія бояръ къ крѣпостнымъ обрисованы писателемъ-художникомъ до высокаго совершенства и вполнѣ взяты изъ современной жизни; эти отношенія какъ будто стали мягче сравнительно съ прежнимъ временемъ. По изображенію Грибоѣдова, помѣщики мѣняли самыхъ приверженныхъ къ нимъ слугъ на борзыхъ собакъ: теперь мы не видимъ, чтобы кто нибудь приравнивалъ христіанскую крѣпостную душу къ собачьей, даже такой безалаберный любитель псарни, какъ Ноздревъ, и тотъ давалъ въ придачу къ шарманкѣ и собакамъ ревизскія души, мертвыя, а не живыя (III, 80—81). Вотъ и миргородскій помѣщикъ Антонъ Прокофьевичъ Голопузя большой охотникъ былъ мѣняться, но и тотъ выбиралъ предметы одушевленные и неодушевленные болѣе благороднаго свойства; такъ онъ тройку гнѣдыхъ промѣнялъ на скрипку и дворовую дѣвку, взявши придачи 25 р., «а дѣвку промѣнялъ на сафьянный кисетъ, и теперь у него кисетъ такой, какого ни у кого нѣтъ» (I, 460), заключаетъ Гоголь.

Въ XVIII и первой половинѣ XIX столѣтія, экономные помѣщики сильно заботились о размноженіи своихъ крѣпостныхъ; въ разсужденіи, присланномъ въ 1791 году въ «Вольное экономическое общество», мы читаемъ: «Дѣвокъ отъ 18 лѣтъ въ супружество отдавать; добрые экономы отъ скотин-

и птицъ стараются племя разводить, а человѣкъ, *просвѣщенiе разумѣющiй*, паче долженъ о размноженiи рода человѣческаго при помощи божiей печность приложить», т. е. позаботиться *). Настасья Петровна Коробочка, какъ кредитная женщина, и въ сороковыхъ годахъ руководствовалась тѣмъ же соображенiемъ: она разводила крѣпостныхъ, какъ куръ и свиней, и видѣла одинаковую выгоду въ продажѣ сала, птичьихъ перьевъ и мертвыхъ душъ холопскихъ. Глубокая идея о *мертвыхъ душахъ* основывалась на ложной податной системѣ, введенной Петромъ Великимъ, на знаменитой ревизiи душъ, когда узаконена была *подушная подать*, вмѣсто прежней поимущественной. Еще Посошковъ видѣлъ всю нелѣпость такой раскладки сборовъ и писалъ: «Душа — вещь неосязаемая, надо цѣнить грунтованныя вещи». Исторiя и показала, что плата за умершихъ, пока ревизiя не исключала ихъ изъ списковъ, горько отзывалась въ жизни народа, произвела множество недоразумѣнiй и злоупотребленiй. Во второй половинѣ XVIII столѣтiя появилось между раскольниками сатирическое сочиненiе «Объ антихристѣ, еже есть Петръ I», гдѣ отвергаются всѣ нововведенiя, пущенныя подъ влiянiемъ иноземныхъ идей, отрицается ревизiя душъ, сословiя и подушная раскладка подати. То же злостное отрицанiе не разъ повторяли раскольники и въ XIX столѣтiи; въ царствованiе Николая I распространилась рукопись, подъ заглавiемъ: «Общая бесѣда пустынножителей нынѣшняго плачевнаго времени». Между прочимъ старовѣры изумлялись лукавому ухищренiю антихриста, какъ онъ «и съ мертвыхъ дани востребова, чтобы уловить въ свои пагубныя сѣти всякую душу и живую и умершую». Очевидно, Гоголь хорошо зналъ, какъ обнаруживались на практикѣ убѣжденiя раскольниковъ во второй четверти XIX столѣтiя, когда императоръ Николай старался преобразовать по-

*) «Русская Мысль» 1880 года, октябрь, 6—8.

датную систему, но и его «Уставъ о земскихъ повинностяхъ» 1851 года не уничтожилъ подушнаго оклада. Знаменитый писатель сообщаетъ: «Въ губерніи разшевелились раскольники. Кто-то пропустилъ между ними, что народился антихристъ, который и мертвымъ не даетъ покоя, скупая какія-то мертвыя души. Каялись и грѣшили, и подъ видомъ какъ бы изловить антихриста, укокошили неантихристовъ» (IV, 546).

Гоголь какъ будто слегка и мимоходомъ касался крѣпостнаго права: у него нѣтъ изображеній тиранства крестьянъ или жестокихъ типовъ, а впечатлѣніе остается глубокое. «Мнѣ бы скорѣе простили, пишетъ онъ, если бы я выставилъ картинныхъ извергов; но пошлости не простили мнѣ» (IV). Одна мысль о торговлѣ мертвыми душами рисуетъ все нравственное растлѣніе помѣщика, пропитаннаго самымъ жалкимъ деспотизмомъ; для него нипочемъ душа холопа, если не даетъ выгоды. Вотъ какъ отзываются помѣщики: — «Умершая душа въ нѣкоторомъ родѣ — совершенная дрянь... Проку въ нихъ никакого нѣтъ... Воробьевъ что ли ими пугать въ огородѣ?... Дѣло яйца выѣденнаго не стоитъ... Я не стану снимать плевы чортъ знаетъ съ чего!... Мертвымъ тѣломъ хоть заборъ подпирай... У васъ душа человѣческая словно пареная рѣпа... Вѣдь предметъ просто фу, фу!... — Такъ издѣваются бояре надъ прахомъ тѣхъ покойниковъ, которымъ они обязаны своимъ благосостояніемъ, всю жизнь работавшихъ на нихъ. Какая глубокая потрясающая идея! — Гоголь также слегка касался разврата помѣщиковъ, которые устраивали гаремы изъ своихъ крѣпостныхъ; въ тридцатыхъ годахъ подобныя явленія даже не считали злоупотребленіемъ власти господина; были случаи самые возмутительные. Когда Гоголь писалъ «Мертвыя души», флигель-адъютантъ И. И. Гогель въ 1836 году производилъ слѣдствіе по злоупотребленіямъ помѣщичьей властью дмитровскаго помѣщика П. В. Милорадовича, который слишкомъ далеко простеръ амурныя отношенія

къ своимъ крѣпостнымъ дѣвицамъ и женщинамъ. Слѣдствіе раскрыло, что по количеству дѣтей своихъ въ вотчинѣ Милорадовичъ могъ по праву назваться отцомъ своихъ крѣпостныхъ. Между прочимъ въ показаніи его обращаетъ вниманіе одна любопытная черта: «Чувствуя, говоритъ онъ, облегченіе во всегдашней почти у меня головной боли отъ чесанья головы гребенкою и *шаренья въ головѣ рукою,* я иногда приказываю дѣлать сіе кому либо изъ людей моихъ», т. е. дѣвушекъ *). Какъ тутъ не припомнить знаменитаго предложенія Коробочки отправлявшемуся опочивать Чичикову: «Прощай, батюшка; желаю покойной ночи. Да не нужно ли еще чего? Можетъ, ты привыкъ, отецъ мой, чтобы кто нибудь почесалъ на ночь пятки. Покойникъ мой безъ этого никакъ не засыпалъ...» (III, 45). Положимъ, тамъ шаренье въ головѣ, а не въ ногахъ, но вѣдь одинаковы поросячьи наклонности... Гоголю, конечно, извѣстны были цѣлые ряды фактовъ о любовныхъ похожденіяхъ помѣщиковъ; но поэтическое чутье не позволило ему касаться рѣзко этихъ обыденныхъ явленій: онъ даетъ только знать, что эти заурядные случаи всплывали наружу и попадали на судъ при особыхъ обстоятельствахъ раздраженія и ссоры. Такъ, Иванъ Никифоровичъ аттестовалъ въ прошеньи своемъ бывшаго пріятеля Ивана Ивановича весьма отчетливо: «Его сестра, пишетъ онъ, была извѣстная всему свѣту потаскуха и ушла за егерскою ротою, а мужа своего записала въ крестьяне. Отецъ и мать его тоже были пребеззаконные люди и оба невообразимыя пьяницы. Упоминаемый же дворянинъ и разбойникъ Перерепенко своими скотоподобными и порицанія достойными поступками превзошелъ всю свою родню» (I, 448).

Повсемѣстный упадокъ хозяйства въ помѣщичьихъ имѣніяхъ Гоголь приписываетъ прямо иностраннымъ способамъ

*) «Древняя и Новая Россія» 1880 г., VII, 783—798.

ихъ улучшенія. Одинъ изъ его героевъ даетъ отзывъ: «Поправились было послѣ француза 12-го года, такъ вотъ теперь все давай разстраивать съизнова. Вѣдь хуже француза разстроили, вводя въ нихъ преобразованія на чужой ладъ» (III, 333).

Русскіе дворяне, обезпеченные крестьянскими доходами, предпочитали всегда военную службу гражданской, по историческому складу государственнаго порядка. Начиная съ Петра Великаго, заключившаго русскую жизнь въ чужія формы и перенесшаго къ намъ военныя и гражданскія иностранныя готовыя учрежденія, правительство русское полтораста лѣтъ заботилось о внѣшнемъ политическомъ могуществѣ и блескѣ, оставляя внутреннее развитіе государства въ сторонѣ. Солдаты роптали на Петра, что у него «одно *воевать* только и вытвержено, а у иного мужика и овцы не осталось»; рядъ преемниковъ его и преемницъ держались той же намѣченной цѣли расширенія предѣловъ и внѣшняго усиленія Россіи. Поэтому войско всегда казалось самымъ необходимымъ и первымъ дѣятелемъ въ государствѣ; правительство открыто признавало военную службу почетнѣе, выше и благороднѣе гражданской, а офицера считало способнымъ ко всѣмъ статскимъ должностямъ. При такихъ убѣжденіяхъ и стремленіяхъ правительства, учебныя военныя заведенія пріобрѣли значительныя преимущества и получали огромныя суммы на устройство и содержаніе, особенно при Николаѣ I. Онъ лучшія должности въ государствѣ раздавалъ всегда почти военнымъ, напримѣръ, должности губернаторовъ, попечителей учебныхъ округовъ, оберъ-прокурора св. Синода и проч. Кромѣ внѣшнихъ блестящихъ побѣдъ, въ дѣйствіяхъ военныхъ нерѣдко настояла нужда внутри отечества, такъ какъ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ по всей Россіи вспыхивали частые бунты: военныхъ поселянъ и мирныхъ, противъ чиновниковъ и противъ помѣщиковъ, бунты холерные, картофельные, раскольничьи и мужичьи. Одинъ изъ

позднихъ сатириковъ главной заслугой выведеннаго имъ стараго генерала считалъ его славный подвигъ, какъ онъ перешелъ Валдайскія горы и усмирилъ бунтъ крестьянъ. Гоголь, хотя и касался часто военнаго сословія, но весьма осторожно; онъ замѣтилъ, что современники стали охладѣвать къ блеску и грому оружія, начали углубляться во внутреннее состояніе жизни русской. Въ то время прямо выставлять на показъ недостатки военнаго круга были дѣломъ невозможнымъ: слишкомъ ужь были щекотливы балованныя дѣти Марса насчетъ своей чести, да и самъ императоръ считалъ сатиру противъ нихъ легкомысленной насмѣшкой надъ заслуженными защитниками отечества. Гоголь и насмѣялся надъ бранными недотрогами, которые, при малѣйшей иронической выходкѣ литературы, тотчасъ бросались подъ защиту властей. «Вѣдь вотъ вы какіе, господа военные! Вы говорите надо выводить на сцену (*недостатки*), вы готовы вдоволь насмѣяться иадъ какимъ нибудь статскимъ чиновникомъ, а затронь какъ нибудь военныхъ, скажи только, что есть въ такомъ-то полку офицеры, не говоря уже о прочихъ наклонностяхъ, но просто скажи: есть офицеры дурнаго тона, съ неприличными ухватками, — да вы изъ одного этого готовы съ жалобою полѣзть въ самый государственный совѣтъ» (II, 447). Не ускользнуло отъ вниманія великаго писателя ходячее тогдашнее самохвальство военныхъ, которые спорили съ гражданскими чиновниками о высотѣ военной службы передъ статской, и всѣ дамы помогали имъ отстоять свою выгодную позицію. Такъ одна пожилая петербургская дама говоритъ своему сыну титулярному совѣтнику: «Пуслушай, Миша, ты долженъ перемѣнить свою службу на военную... Это слово *титулярный* тиранитъ мои уши; мнѣ такъ и приходитъ на умъ, Богъ знаетъ что. Я хочу, чтобы сынъ мой служилъ въ гвардіи. На штафирку просто не могу и смотрѣть теперь!... На это есть очень ...жная причина, не знаю даже, поймешь ли ты хорошенько.

Губолизова, эта дура, нарочно говоритъ третьяго дня такъ, чтобы я слышала: «Я очень рада, что на знатныхъ балахъ не пускаютъ штатскихъ. Это такіе все, говорятъ, mauvais genre,—что-то неблагороднымъ отъ нихъ отзывается. Я рада, говоритъ, что мой Алексисъ не носитъ этого сквернаго фрака»... А ея сынъ просто дуракъ набитый; только всего и умѣетъ, что подымать ногу. Такая противная мерзавка!... О, я ей покажу! Ужь какъ она хочетъ, я употреблю всѣ старанія, и мой сынъ будетъ тоже въ гвардіи. Ужь хоть чрезъ это потеряетъ, а ужь непремѣнно будетъ. Чтобы я позволила всякой мерзавкѣ дуться передо мною и подымать и безъ того курносый носъ свой! Нѣтъ, ужь этого-то никогда не будетъ!...» (II, 418—419).—Свѣтскіе чиновники съ своей стороны хвалились, что они не хуже офицеровъ — и въ какихъ же доблестяхъ?—бѣгать по улицамъ за хорошенькими, вмѣсто того, чтобы спѣшить въ департаментъ. «Что это за бестія нашъ братъ чиновникъ! — разсуждаетъ Поприщинъ. — Ей Богу, не уступитъ никакому офицеру: пройди какая нибудь въ шляпкѣ, непремѣнно зацѣпитъ» (IV, 249). Что Гоголь изображалъ въ своихъ произведеніяхъ комически, о томъ разсуждаетъ въ письмахъ, какъ о современныхъ событіяхъ, серьезно: «Когда нѣкоторые черезчуръ военные люди стали было уже утверждать, что все въ государствахъ должно быть основано на одной военной силѣ и въ ней одно спасеніе, а чиновники штатскіе начали, въ свою очередь, притрунивать надъ всѣмъ, что ни есть военнаго, изъ-за того только, что нѣкоторые обратили военное дѣло въ одни погончики да петлички, Крыловъ напасалъ знаменитый споръ пушекъ съ парусами, подъ которыми разумѣлъ гражданскую часть. «Безъ пушекъ не защитишься, а безъ парусовъ и вовсе не поплывешь» (IV, 755—756).

При такомъ высокомъ положеніи военнаго сословія, созданномъ искуственно, мысль о блестящей карьерѣ не давала

покоя юнымъ дворянамъ; изъ исторіи петербургскаго университета видно, что онъ сталъ привлекать барченковъ съ 1835 г., чтобы еще несовершеннолѣтнимъ получить чинъ IX-го класса; ходили они на лекціи съ иностранцами-гувернерами, словно ученики 3-го класса гимназіи. Но большая часть студентовъ изъ дворянъ усумнились въ пользѣ гражданскихъ знаній и впослѣдствіи махнули въ кавалергарды и гусары *). Эта историческая черта тоже встрѣчается въ одномъ изъ драматическихъ отрывковъ Гоголя, гдѣ богатый помѣщикъ (впрочемъ, обманщикъ) говоритъ о своемъ юномъ сынѣ: «Кончилъ учебный курсъ и ужъ больше ни о чемъ и слушать не хочетъ, какъ о гусарахъ. Я говорю ему:—рано, Саша, погоди, осмотрись прежде! что тебѣ въ гусары? почему знать, можетъ быть у тебя штатскія наклонности. Ты еще не видѣлъ почти свѣта; время не уйдетъ отъ тебя!...—Ну, сами знаете, молодая натура. Ему ужъ тамъ въ гусарахъ все это блеститъ,—шитье, богатый мундиръ. Что жъ прикажете? Склонностей вѣдь удержать никакъ нельзя» (II, 374, 377).

Душа Гоголя страшно скорбѣла о тѣхъ тяжестяхъ и безпорядкахъ, о пустыхъ формальностяхъ и дѣйствительной распущенности военной службы, какіе мы видимъ господствующими въ царствованіе Николая I. Страшные рекрутскіе наборы равнялись ссылкѣ въ каторжную работу; продолжительная служба въ 25 и 30 лѣтъ солдатомъ дѣлала его если не калѣкой-увѣчнымъ, то нищимъ по выходѣ въ отставку; вся дисциплина военная основывалась на господствѣ кулака и безпощадныхъ наказаніяхъ, когда нерѣдко забивали до смерти при дисциплинарныхъ взысканіяхъ; «домашнее хозяйство» солдата состояло въ искусномъ обираніи его начальниками, ему предоставляли свободу или голодать при ничтожномъ пайкѣ или воровать насторонѣ. Вся эта горькая солдатская

*) «Русская Старина» 1881 года, кн. 2, стр. 368, 360.

доля въ дрожь бросала села и деревни, когда уводили у нихъ рекрутъ; въ одной пѣснѣ такъ изображается горемычная судьба годнаго въ службу:

Пальцы рубитъ, зубы рветъ,
Въ службу царскую нейдетъ;
А когда служить сберется,
То какъ съ жизнью разстается:
Мать, жена, братъ и сватъ,
Гришка, Сидоръ и Кондратъ
Какъ по мертвомъ зарыдаютъ,
До кружала провожаютъ,
Всей деревней заревутъ:
«Ваньку въ некруты ведутъ...
Ахъ, прости *навѣки* Ваня!...»

Другая пѣсня изображаетъ необычайную тягость военной службы:

Разстилалась въ полѣ трава полынь горькая,
Горька ты, полынушка, изо всей травы,
Еще горчѣй, тошнѣй того служба царская,
Служба царская — нужда крайняя.
И ни день-то, ни ночь намъ угомону нѣтъ.
Темна ночь настанетъ, мы на часахъ стоимъ,
Какъ бѣлый день настанетъ — во строю стоимъ.

Кромѣ того, несчастные кантонисты и военныя поселенія представляли темныя пятна военнаго устройства при императорѣ Николаѣ.

На научное развитіе офицеровъ не обращалось серьезнаго вниманія даже великими князьями; такъ великій князь Михаилъ Павловичъ все военное искусство видѣлъ только во внѣшней дисциплинѣ войска и говорилъ: «не нужны ни ученые, ни художники, а нужны только офицеры», т. е. знатоки фронта *). Тогда въ средѣ военныхъ царили страшный фор-

*) «Русская Старина» 1881 года, кн. 4, стр. 635.

мализмъ и искуственность, ухарское молодечество и отсутствіе основательнаго образованія. Даже на Кавказѣ, при всей геройской отвагѣ войскъ, офицеры иногда держались напускнаго грубаго и простаго образа жизни; князъ Барятинскій хвалилъ намѣстника Воронцова за то, что «онъ первый показалъ и убѣдилъ всѣхъ, что можно быть отличнымъ кавказскимъ офицеромъ, не нося мазаныхъ дегтемъ сапогъ и не выпивая при всѣхъ по нѣскольку рюмокъ водки». Должность полковаго командира для простаго характера была тяжела, потому что опутывали ее тысячи формальныхъ мелочей; онъ по необходимости становился на ходули и напускалъ особый тонъ, когда требовалъ по правиламъ строгаго исполненія всѣхъ приличій служебныхъ и частныхъ. По сдачѣ кабардинскаго полка въ 1848 году, Барятинскій особенно былъ веселъ, точно вышелъ на свободу изъ заключенія, и говорилъ приближеннымъ, что ему теперь пріятно ходить въ полку, говорить со всѣми безъ стѣсненія, никого не распекать, и прибавилъ: «Я радъ, что могу быть и ходить теперь человѣкомъ, а не индѣйскимъ пѣтухомъ» *). Гоголь прозрѣлъ все, что кроется въ глубинѣ души простыхъ военныхъ начальниковъ и формалистовъ, которые подъ его перомъ уже не похожи на типы времени Александра I. Тогда была молва, будто во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ введутъ въ преподаваніе только одну солдатскую маршировку:

«Я васъ обрадую: всеобщая молва,
Что есть проектъ насчетъ лицеевъ, школъ, гимназій;
Тамъ будутъ лишь учить по нашему: разъ—два,
А книги сохранять такъ, для большихъ оказій».

Но у Гоголя генералъ Бетрищевъ, типъ николаевскихъ временъ, хотя и названъ генераломъ 12-го года, совсѣмъ другаго направленія. «Въ немъ было все какъ-то странно,

*) «Русская Старина» 1881 года, кн. 2, стр. 273—274.

начиная съ просвѣщенія, котораго онъ былъ поборникомъ и ревнителемъ: любилъ ѳиміамъ, любилъ блескъ, любилъ похвастаться умомъ, любилъ также знать то, чего другіе не знаютъ, и не любилъ тѣхъ людей, которые знаютъ что-нибудь такое, чего онъ не знаетъ. Воспитанный полуиностраннымъ воспитаніемъ, онъ хотѣлъ сыграть въ то же время роль русскаго барина» (III, 229; II, 124). Художникъ-писатель во множествѣ мелкихъ замѣтокъ, которыя разсыпалъ какъ-будто мимоходомъ, ѣдкими штрихами, точно тонкимъ остріемъ ножа, начертилъ всю пустоту и ничтожество интересовъ офицеровъ, всю дѣтскую узкость ихъ міровоззрѣнія, всю искусственность и ничтожество ихъ быта, все мишурное самолюбіе и самохвальство. У Плюшкина не напрасно составилось мнѣніе, что всѣ офицеры картежники и мотишки, придерживаются пѣннику и волочатся за актрисами, которыя выманиваютъ у нихъ послѣднія деньжонки (III, 121, 125). По изображеніямъ Гоголя, можно составить понятіе, что капитанъ пѣхотный мастеръ штосы срѣзывать и въ четверть часа могъ всего обобрать партнера, — что за картежную игру въ полку удостоивались особой чести. «Эхъ ты простофиля! говоритъ игрокъ юношѣ. Да знаешь ли, какую ты проигрышемъ себѣ славу сдѣлаешь въ полку? Слышь, бездѣлица! Еще не будучи юнкеромъ, да ужь проигралъ 200 тысячъ! Да тебя гусары на рукахъ будутъ носить» (II, 122, 201, 381—2). Поручикъ Пироговъ много имѣлъ талантовъ: особенно искусно пускалъ дымъ изъ трубки кольцами, такъ удачно, что вдругъ могъ нанизать ихъ около десяти одно на другое; умѣлъ очень пріятно разсказать анекдотъ о томъ, что пушка сама по себѣ, а единорогъ самъ по себѣ. Онъ увѣренъ былъ, что нѣтъ красоты, которая бы могла противиться ему, и за волокитство мастеровые нѣмцы высѣкли его, но онъ въ тотъ же вечеръ отличился въ мазуркѣ и привелъ въ восторгъ даже мужчинъ (IV, 159, 178, 186, 187). Поручикъ Кувшинниковъ во всей

формѣ кутила и волокита, даже простыхъ бабъ не пропускалъ; другой поручикъ—пьяница страшнѣйшій, дня не проходило, чтобъ у него рожа не была разбита; мичманъ Пѣтуховъ былъ веселаго нрава: «Бывало ему ничего больше, покажешь одинъ палецъ—вдругъ засмѣется и до самаго вечера смѣется» (III, 64, 65; II, 17, 126, 335, 403—4). Штабъ-ротмистръ любилъ повѣствовать о своихъ любовныхъ приключеніяхъ, разумѣется, съ прибавками; а однажды полковникъ разсказалъ подробно про небывалую баталію 1812 года въ гостяхъ у генерала (II, 128, 129). То офицеры между собой разругаются и подерутся, а то староста или ямщикъ бываетъ отдѣланъ ѣзжалымъ опытнымъ капитаномъ или генераломъ, который, сверхъ многихъ выраженій, сдѣлавшихся классическими, прибавляетъ еще много неизвѣстныхъ, которыхъ изобрѣтеніе принадлежитъ ему собственно (II, 123; III, 182). Вообще всѣ офицеры самые выгодные люди для театральной дирекціи, любятъ разсуждать о литературѣ, хвалятъ Булгарина и Пушкина, бываютъ на всѣхъ публичныхъ лекціяхъ, даже по лѣсоводству; о высокой образованности капитана Копѣйкина почтмейстеръ отзывался, что онъ написалъ краснорѣчивѣйшее письмо государю: «въ древности Платоны и Демосфены какіе-нибудь, все это, можно сказать, дьячокъ въ сравненіи съ нимъ»... (III, 177, 425). Но особенные мастера господа военные, впрочемъ не выше капитанскихъ чиновъ, въ разговорахъ съ дамами; «какъ это они дѣлаютъ, Богъ ихъ вѣдаетъ: кажется и не очень мудреныя вещи говорятъ, а дѣвица, то и дѣло, качается на стулѣ отъ смѣха и восклицаетъ: «Ахъ, перестаньте, не стыдно ли вамъ такъ смѣшить!» (III, 175—6; IV, 177). Нѣкоторые изъ пѣхотныхъ полковъ по высотѣ развитія не уступали инымъ кавалерійскимъ, напримѣръ, въ полку П. «большая часть офицеровъ пила выморозки и умѣла таскать жидовъ за пейсики, не хуже гусаровъ, нѣсколько человѣкъ даже танцовали мазурку... Чтобы еще болѣе показать

образованность П. пѣхотнаго полка, мы прибавимъ, что двое изъ офицеровъ были страшные игроки въ банкъ и проигрывали мундиръ, фуражку, шинель, темлякъ и даже исподнее платье, чего не вездѣ и между кавалеристами можно сыскать» (I, 196).

Получая ничтожное содержаніе, офицеры были вѣчно въ долгахъ и страстной мечтой ихъ было—жениться на купеческой дочери, умѣющей играть на фортепьяно, съ сотнею тысячъ наличныхъ; впрочемъ русскія бородки, несмотря на то, что отъ нихъ отзывается капустой, любятъ видѣть дочерей за генералами и не ниже полковниковъ (IV, 178).

Полиція изъ военныхъ умѣла внушить къ себѣ послушаніе народа: когда чиновники опасались неповиновенія со стороны крестьянъ Чичикова, обуреваемыхъ буйнымъ духомъ, то полиціймейстеръ успокоилъ ихъ, сказавъ, что въ отвращеніе бунта существуетъ власть капитанъ-исправника. Самъ онъ хоть не ѣзди, а «пошли только на мѣсто себя одинъ картузъ свой, то одинъ этотъ картузъ погонитъ крестьянъ до самаго мѣста ихъ жительства» (III, 160).

Впрочемъ, не всегда ласковы были мужики къ своей земской полиціи; Гоголь повѣствуетъ, что казенные крестьяне сельца Вшивая-спѣсь, соединившись съ крестьянами Задирайлова, снесли съ лица земли земскую полицію въ лицѣ засѣдателя Дробяжкина за то, что онъ повадился черезчуръ часто ѣздить въ ихъ деревню, чтò въ иныхъ случаяхъ стоитъ повальной горячки; а причина была та, что земская полиція, имѣя кое-какія слабости со стороны сердечной, приглядывалась на бабъ и деревенскихъ дѣвокъ. Земскую полицію нашли на дорогѣ, мундиръ или сюртукъ на земской полиціи былъ хуже тряпки, а ужъ физіогноміи распознать нельзя было (III, 202).

Потѣшаясь надъ засѣдателями постоянно, Гоголь не давалъ спуску всѣмъ квартальнымъ и частнымъ, Держимордамъ

и Свистуновымъ (I, 103, 106, 119, 147, 419). Объ одномъ петербургскомъ частномъ приставѣ онъ пишетъ: «Частный былъ большой поощритель всѣхъ искусствъ и мануфактурностей; но государственную ассигнацію предпочиталъ всему, — это вещь, обыкновенно говорилъ онъ, — ужъ нѣтъ ничего лучше этой вещи: ѣсть не проситъ, мѣста займетъ немного, въ карманѣ всегда помѣстится, уронишь — не расшибется» (II, 75).

Отъ излишняго усердія къ дѣлу порядка происходили иногда недоразумѣнія у полицейскихъ; такъ, унтеръ-офицерша жаловалась, что ее по ошибкѣ городничій высѣкъ. «Бабы-то наши задрались на рынкѣ, а полиція недоспѣла, да и схвати меня, да такъ отрапортовали: два дня сидѣть не могла!» (II, 345). Вотъ будочники при Николаѣ Павловичѣ были очень плохи; набираясь изъ гарнизы слабосильной, дряхлой и увѣчной, они никуда не годились даже въ Петербургѣ. По словамъ Гоголя, одинъ коломенскій будочникъ былъ «по природѣ своей нѣсколько безсиленъ, такъ что разъ обыкновенный взрослый поросенокъ, кинувшись изъ какого-то частнаго дома, сшибъ его съ ногъ, къ величайшему смѣху стоявшихъ вокругъ извощиковъ, съ которыхъ онъ вытребовалъ за такую издѣвку по грошу на табакъ» (II, 11). Взятка своего рода.

У дворянъ и военныхъ бранить чиновниковъ приказной тварью сдѣлалось модой, опасеніе замарать себя прикосновеніемъ къ подъячему доходило до брезгливости; но сами господа подавали имъ дурной примѣръ самоуправства съ крестьянами, поборовъ нерѣдко произвольныхъ и прокладывали имъ путь къ тому же. Къ концу царствованія Николая I, въ Россіи дворянъ и чиновниковъ жившихъ службой считалось до 300 т. Эта масса разрослась, вслѣдствіе петровской реформы, когда правительству нужны были особые слуги, помимо народа, у котораго оно не встрѣтило ни сочувствія, ни довѣрія. Русскіе чиновники частью выходили изъ помѣщиковъ,

частью изъ дѣтей духовенства и изъ народа. Канцелярскій чиновникъ, сдѣлавшись служебнымъ воротилой, нажившій всѣми неправдами состояніе и купившій крестьянъ, становился предметомъ уваженія столбовыхъ дворянъ и военныхъ. Посвятивъ всю свою жизнь исключительнымъ канцелярскимъ занятіямъ, передавая ихъ дѣтямъ, какъ единственное средство для безбѣдной жизни, чиновники совсѣмъ стали чужды стремленій и интересовъ народныхъ. Большинство приказныхъ жило ничтожными окладами жалованья и въ своей жалкой долѣ видѣло утѣшеніе въ невещественномъ капиталѣ — въ чинахъ и орденахъ. Это-то бѣдствующее среднее сословіе, не богатое ни талантами, ни образованіемъ, особенно расплодилось по столицамъ во второй четверти XIX столѣтія. Одинъ чиновникъ у Гоголя говоритъ о большомъ домѣ Звѣркова у Кокушкина моста: «Эка машина! Какого въ немъ народа не живетъ: сколько кухарокъ, сколько пріѣзжихъ: — а нашей братьи — чиновниковъ какъ собакъ — одинъ на другомъ сидитъ» (IV, 250). Жалкій бытъ и нищенское состояніе огромныхъ массъ населенія Россіи въ 50 мил. заслонялись кабинетной чиновничьей машиной, которая безъ устали работала, не справляясь съ дѣйствительными нуждами и условіями жизни народной.

Разнообразные чуждые порядки, построенные чуть не на противоположныхъ началахъ, снесены были тщательно въ Россію; бюрократическія власти старались соединить ихъ внѣшнимъ образомъ, безъ всякой внутренней жизненной связи. Оттого всѣ распоряженія и всякая дѣятельность правителей отзывались мертвечиной, да и цѣли ихъ были самыя узкія, личныя; современники высказывались о нихъ совершенно справедливо: «Большинство чиновниковъ, эгоистовъ въ высшей степени, столько же заботится о пользѣ государства, какъ и о китайскихъ дѣлахъ» *). Оффиціальная ложь и не-

*) «Русская Старина» 1881 года, сентябрь, стр. 187.

правда господствовали всюду; объ улучшеніяхъ писали только на бумагѣ, а злоупотребленія шли проторенной дорогой и разростались постепенно. Сдѣлаютъ, бывало, изъ министерства запросъ объ урожаѣ; онъ не смѣетъ донести, что плохой урожай въ губерніи, потому что это непріятно будетъ высшему начальству, доставитъ ему безпокойство и заботу; когда же откроется голодъ зимой, начальникъ губерніи опять отписываетъ: «все обстоитъ благополучно». Какъ будто самое благораствореніе воздуховъ и изобиліе плодовъ земныхъ зависитъ отъ управленія губерніей его превосходительства; а если его лишатъ мѣста, то пойдутъ глады, губительства, трусы и проч. Зная любовь императора Николая I къ порядку и прямолинейному равненію, нѣкоторые правители городовъ вырубили городскіе сады, надъ чѣмъ смѣется Гоголь (II, 121).

Теоретическая постановка и рѣшеніе вопросовъ по иностраннымъ образцамъ считались верхомъ правительственнаго искусства. Между тѣмъ вопіющія живыя нужды требовали мѣстныхъ веденій дѣлъ, практическаго знанія и порядка, о которомъ и не думали столичные гуманисты, воображая, что народъ живетъ для нихъ—орудій правительства. Цѣлыя вязанки дѣлъ скоплялись въ чиновничьихъ рукахъ по столицамъ, безучастно переписывались, валялись въ пыли десятки лѣтъ или безъ рѣшенія сдавались въ архивъ (I, 451, 447). За тысячи верстъ нерѣдко надо было ѣхать въ Петербургъ, чтобы снова возбудить дѣло, которое замерло; а крестьянскихъ ходоковъ, добиравшихся до столицы для личныхъ объясненій съ государемъ, ловили какъ бѣглыхъ, сажали въ острогъ и отправляли съ арестантами обратно. «Ну, не дуракъ ли я былъ доселѣ? разсуждаетъ въ «Мертвыхъ душахъ» петербургскій чиновникъ изъ помѣщиковъ. Вмѣсто управленія имѣніемъ, закабалилъ себя въ кропатели мертвыхъ бумагъ?... Предпочесть заочное производство дѣлъ между людьми, которыхъ я и въ глаза не видалъ, которыхъ я ни характеровъ, ни

качествъ не знаю, — предпочесть настоящему управленію это бумажно-фантастическое управленіе провинціями, отстоящими за тысячи верстъ, гдѣ не была никогда нога моя и гдѣ могу надѣлать только кучи несообразностей и глупостей!» (III, 278).

Въ 1818 году, министръ внутреннихъ дѣлъ Козодавлевъ писалъ о провинціальномъ управленіи: «Иго самовластія мѣстныхъ начальниковъ вредно и терпимо быть не можетъ... Не распространяясь въ исчисленіи всѣхъ золъ, происходящихъ отъ самовластія мѣстныхъ начальниковъ, скажу я кратко, что власть ихъ должно ограничить, а не распространять и не усиливать оную». Но въ царствованіе Николая Павловича областное управленіе получило болѣе значенія и силы въ рукахъ чиновниковъ, и значитъ выгоды, а власть главныхъ губернскихъ начальниковъ еще возвысилась. Департаментскій чиновникъ размышляетъ по этому поводу у Гоголя: «Я не понимаю выгодъ служить въ департаментѣ; никакихъ совершенно рессурсовъ. Вотъ въ губернскомъ правленіи, гражданскихъ и казенныхъ палатахъ совсѣмъ другое дѣло: тамъ, смотришь, иной прижался въ самомъ уголкѣ и пописываетъ. Фрачишка на немъ гадкій, рожа такая, что плюнуть хочется, а посмотри ты, какую онъ дачу принимаетъ! Фарфоровой вызолоченной чашки и не неси къ нему: это, говоритъ, докторскій подарокъ, а ему давай пару рысаковъ, или дрожки, или бобра рублей въ 300. Съ виду такой тихонькой, говоритъ такъ деликатно: одолжите ножичка обчинить перышко, — а тамъ обчиститъ такъ, что только одну рубашку оставитъ на просителѣ» (IV, 248—9). При Александрѣ I форменно упорядочилось губернское управленіе и присутственныя мѣста получили лучшую систему, но веденіе дѣла по новымъ формамъ не улучшилось, жизнь не благоустроялась отъ бумаговодства и дѣлохожденія; Гоголь замѣчаетъ, что всякій указъ есть мертвая бумага, что для нашихъ тонкихъ плутовъ и взяточниковъ новый указъ есть новая пожива, средство бро-

сить новое бревно подъ ноги человѣку (IV, 242). Онъ предлагалъ самое вѣрное средство для исправленія зла чиновничьяго невѣжества начинать государственнымъ людямъ службу не бумажными занятіями, а умною расправою дѣлъ между простыми людьми; «они бы лучше узнали духъ земли, свойство народа и вообще душу человѣка, и не заимствовали бы потомъ изъ чужеземныхъ земель намъ неприличныхъ нововведеній» (IV, 700). Бумажная работа и служба въ департаментѣ возбуждаетъ странное чувство въ свѣжемъ человѣкѣ, будто онъ очутился въ какой-то малолѣтней школѣ, чтобы съизнова учиться (III, 274).

При Николаѣ Павловичѣ изданъ былъ громадный «Сводъ законовъ», о чемъ заботились въ Россіи, начиная съ правленія царевны Софіи; но суды онъ не улучшилъ, правды не прибавилъ. Крестьяне лишены были права своего самостоятельнаго и независимаго суда, который принадлежалъ частью помѣщикамъ, частью становымъ и исправникамъ. Не имѣя понятія о народныхъ юридическихъ обычаяхъ, взаимныхъ отношеніяхъ въ жизни крестьянъ, судебныя власти рѣшали дѣла съ высоты своего просвѣщеннаго величія вкривь и вкось. Къ тому же крестьяне на каждомъ шагу встрѣчали обманъ, насиліе, произволъ и неправды. Поэтому и сталъ народъ смотрѣть на своихъ судей съ недовѣріемъ, какъ на враговъ, боялся суда и бѣгалъ его, и осужденныхъ преступниковъ считалъ несчастными и помогалъ укрыться имъ отъ преслѣдованія оффиціальнаго правосудія. Замѣчательно, Гоголь весьма сожалѣетъ, что русскіе законы по образцу иностранныхъ ворвались въ чужую область юридическихъ народныхъ обычаевъ и правосудіе могло бы совершаться лучше самимъ народомъ (IV, 700). Чиновники, стоявшіе вдали отъ крестьянъ, убѣждены были, что въ народѣ нѣтъ способныхъ людей, которые могли бы толково вести управленіе и судъ въ средѣ своей; они боялись только, какъ бы, при рѣзкихъ отзывахъ о не-

достаткахъ управленія, чиновники не потеряли силы: «А что скажетъ народъ?»... Гоголь съ негодованіемъ отвѣчаетъ: «Они, право, народъ нашъ считаютъ глупѣе бревна, глупымъ до такой степени, что будто уже онъ не въ силахъ отличить, который пирогъ съ мясомъ, а который съ кашей» (II, 441). Не имѣя свѣдѣній о началахъ жизни народа, оцѣнивая его съ иноземной точки зрѣнія, образованные на чужой ладъ, слои русскаго общества не могли разгадать его отличительный складъ здраваго смысла, настроеніе нравственнаго чувства, особенности характера стремленій, его оригинальное міросозерцаніе. «Въ послѣднее время, сообщаетъ Гоголь, не столько безпорядковъ произвели глупые люди, сколько умные, а оттого, что понадѣялись на свои силы да на умъ свой. Горды стали не своимъ умомъ, а чужимъ, мертвымъ, выдавая его за свой, загромоздили соромъ свой умъ, сдѣлавъ его чужестранцемъ самому себѣ. Россія—не Франція, элементы французскіе—не русскіе. Каждый народъ имѣетъ свою своеобразность; одни и тѣ же событія дѣйствуютъ не одинаково на разные народы. Стыдно русскому человѣку не войти въ свой собственный умъ, а захломостить его чужимъ навозомъ. Въ Россіи государственные люди пламенѣли желаніемъ сдѣлать добро, даже работали, какъ муравьи, всю свою жизнь и послѣ нихъ не осталось никакого слѣда» (IV, 705—6). Иностранное вліяніе произвело путаницу во всѣхъ отрасляхъ государственной дѣятельности; правительство руководилось главнымъ образомъ не своими началами и твердо постановленными цѣлями земли своей, а дорожило мнѣніемъ Европы: «А что скажутъ иностранцы?» Этотъ воображаемый опекунскій совѣтъ Запада много зла принесъ внѣшней и внутренней политикѣ Россіи; Гоголь смѣется надъ этимъ въ разсказѣ о Кифѣ Мокіевичѣ, который говоритъ о своемъ буйномъ сынѣ: «Ужъ если онъ останется собакой, такъ пусть же не отъ меня объ этомъ узнаютъ» (III, 256—8).

Въ царствованіе императора Николая особенно несчастна была дипломатія русская, ея жалкія усилія вѣчно клонились въ ущербъ ея выгодамъ; да иначе и быть не могло, когда вся почти внѣшняя политика велась иностранцами. Гоголь замѣтилъ, что для иностранной коллегіи дѣлался особый подборъ чиновниковъ. На Невскомъ проспектѣ, пишетъ онъ, «вы встрѣтите бакенбарды единственныя, пропущенныя съ необыкновеннымъ и изумительнымъ искусствомъ подъ галстухъ, бакенбарды бархатныя, атласныя, черныя какъ соболь или уголь, но, увы, принадлежащія только одной иностранной коллегіи. Служащимъ въ другихъ департаментахъ провидѣніе отказало въ черныхъ бакенбардахъ; они должны, къ величайшей неріятности своей, носить рыжія» (IV, 155). Русскій дипломатъ, по его замѣчанію, ѣдетъ за-границу не съ цѣлью принести пользу отечеству, а «чтобы порисоваться передъ Европой и сдѣлать изъ себя историческое лице» (IV, 707). Гоголь подмѣтилъ самый крупный недостатокъ у начальниковъ — приставлять одного чиновника къ другому для ограниченія произвола; это значитъ — сдѣлать двухъ воровъ на мѣсто одного. «Да и вообще система ограниченія, по его убѣжденію, самая мелочная система. Человѣка нельзя ограничить человѣкомъ; на слѣдующій годъ окажется надобность ограничить и того, который приставленъ для ограниченья, и тогда ограниченіямъ не будетъ конца. Это — пустая и тяжелая система... Нужно оказать довѣріе къ благородству человѣка, а безъ того не будетъ вовсе благородства» (IV, 716).

Чиновничество въ сущности было крѣпостнымъ народомъ, по наблюденію Гоголя, хотя занимало повидимому высокое положеніе на общественной лѣстницѣ и воображало себя двигателемъ жизни всей Россіи. Несчастному чиновнику некогда было и посвататься; экзекуторъ департамента говорилъ: «Вотъ за то не люблю сватаній, пойдетъ возня, пожалуйте завтра, да на чашку чаю послѣ завтра.. Я человѣкъ должностной, мнѣ

некогда... Отлучился вѣдь только на минутку изъ департамента. Вдругъ вздумаетъ генералъ: А гдѣ экзекуторъ пошелъ?— Невѣсту пошелъ выглядывать... Чтобъ не задалъ онъ такой невѣсты...» (II, 314—323). Вся работа въ канцеляріяхъ равнялась толченью воды въ ступѣ; наводили справки за какимъ №, писали и переписывали отношенія, отпуски, запросы изъ одного этажа въ другой или въ сосѣднюю комнату; Гоголь мастерски изображаетъ эту скрипотню перьевъ, исписыванье чернилъ ведрами, пыхтѣнье надъ кипами бумагъ и залу присутствія, гдѣ какъ солнце сидѣлъ предсѣдатель, и какъ Зевесъ могъ продлить время засѣданія; а въ канцеляріи раздавался повелительно величавый голосъ: «На, перепиши! а не то — снимутъ сапоги, и просидишь ты у меня 6 сутокъ не ѣвши» (III, 145—8). Ни въ одной литературѣ образованныхъ народовъ нельзя найти такого юмористически-тонкаго, мѣткаго и жизненнаго созданія, какъ у Гоголя повѣсть *Шинель*. Это— цѣлая исторія чиновничества николаевскихъ временъ, со всѣмъ жалкимъ пролетаріатомъ и съ генералами, умѣющими распекать во-время мелюзгу (II, 88 — 115). Чиновникъ передъ подчиненными ему лицами является своего рода свѣтиломъ: отъ него зависятъ въ мелкомъ кругу представленія къ наградамъ, повышенія по службѣ низшихъ чиновъ, которые передъ нимъ благоговѣютъ и подобострастно высматриваютъ, какъ онъ важно расхаживаетъ, какимъ орлинымъ взглядомъ обдаетъ каждаго. Но и у этого орла есть соколъ, и онъ передъ нимъ выступаетъ такой куропаткой, согнется въ три погибели, до униженія человѣческаго достоинства; въ обществѣ, гдѣ пониже чиномъ, онъ рѣшительный Прометей, а чуть кто повыше его, съ Прометеемъ сдѣлается такое превращеніе, какого и Овидій не выдумываетъ: муха, даже меньше мухи,—уничтожился въ песчинку! (III, 48). Чиновнику вся Россія представлялась въ лицѣ и волѣ его начальства: весь секретъ удачнаго управленія заключался не въ изученіи русской жизни и знаніи зако-

новъ, а въ точныхъ свѣдѣніяхъ о нравѣ и вкусахъ начальника; вся тайна ловкихъ судебныхъ рѣшеній держалась не на внутреннемъ убѣжденіи ума и совѣсти, а на искусномъ угожденіи начальству. Пресмыкаясь передъ начальствомъ, чиновникъ уже не церемонился ни съ своими подчиненными, ни съ закономъ—и всякій, осмѣлившійся вступиться за оскорбленіе права и нарушеніе силы закона, погибалъ жертвой дикаго произвола. Это рѣзкое личное распоряженіе въ дѣлахъ общественныхъ сильно возмущало Гоголя, и въ основу комедіи «Ревизоръ» положена у него идея о страхѣ грядущаго закона, который втоптали въ грязь всѣ чиновники.

Раздача отличій и наградъ вполнѣ зависѣла отъ личности начальника: городничій, воображая, что дочь выдаетъ за важную птицу, мечталъ уже сдѣлаться генераломъ и получить ленту красную или голубую, за то, что цѣлую жизнь дѣлалъ несправедливости и обиралъ народъ. Ни надъ чѣмъ такъ ѣдко Гоголь не потѣшалая, какъ надъ чиновными внѣшними отличіями иностранными, введенными Петромъ Великимъ. «Вѣдь черезъ то, говоритъ чиновникъ, что камеръ-юнкеръ, не прибавится третій глазъ во лбу» (IV, 260). «Даже оселъ у Крылова похожъ на русскаго чиновника, пишетъ Гоголь; производя кражу по чужимъ огородамъ, онъ возгорѣлся честолюбіемъ и захотѣлъ ордена, хозяинъ повѣсилъ ему звонокъ, и онъ сильно заважничалъ, не размысля того, что теперь всякая кража его будетъ видна и привлечетъ на его бока побои» (IV, 755). Титулярный совѣтникъ, а не можетъ писать и размышляетъ самъ съ собой: «Смерть не люблю писать, т. е. просто хоть зарѣжь. Чортъ его знаетъ: такъ, кажется, на словахъ все бы славно изъяснилъ, а примешься за перо— просто какъ будто бы кто-нибудь оплеуху далъ: конфузія, конфузія, не подымается рука, да и полно» (II, 428). Одинъ чиновникъ былъ въ душѣ добрый человѣкъ, хорошъ съ товарищами, услужливъ; но получивъ генеральскій чинъ, онъ

какъ-то спутался, сбился съ пути и совершенно не зналъ, какъ ему быть, какъ распекать чиновниковъ (II, 110). Современныя злоупотребленія чиновниковъ описаны Гоголемъ и въ письмахъ, и изображены въ произведеніяхъ: поджоги шкафовъ съ бумагами, чтобы укрыть плутни, поддѣлка подписи подъ чужую руку, ложные доносы, произволъ въ рѣшеніяхъ дѣлъ, корыстолюбіе и продажа совѣсти, такъ что, по его словамъ, приходилось спасать руссую землю не отъ иноземнаго, а отъ внутренняго беззаконнаго врага—чиновниковъ (III, 402, 404, 728). Что же касается взятокъ, то у Гоголя объ нихъ писано множество страницъ—и между прочимъ игрокъ, разсуждая о малыхъ дѣтяхъ чиновника Замухрышкина, спрашивалъ: «Ну а рученками, я чай, ужъ всѣ этакъ умѣютъ?!!» И показалъ, какъ берутъ взятки (II, 385).

Описывая уѣздный судъ, Гоголь прибавляетъ: «На повѣтовомъ судѣ была бы и крыша выкрашена, да канцелярскіе съѣли масло, приправивъ лукомъ въ постъ»; послѣ присутствія они обыкновенно укладывали куръ, яйца и проч., принесенныя въ видѣ взятокъ; при докладѣ секретаря, судья спалъ, да и самъ подсудимый заснулъ бы. Какъ быстро рѣшали дѣла въ присутственныхъ мѣстахъ, показываетъ случай, когда свинья унесла прошенье со стола присутствія; послѣ подачи заявленія объ этомъ происшествіи, «процессъ пошелъ съ необыкновенною быстротою, которою такъ славятся наши судилища. Бумагу помѣтили, записали, выставили нумеръ, вшили, росписались, все въ одинъ и тотъ же день, и положили дѣло въ шкапъ, гдѣ оно лежало, лежало... три года. Множество невѣстъ успѣло выйти замужъ; у судьи выпалъ одинъ коренной зубъ и два боковыхъ... а дѣло все лежало въ самомъ лучшемъ порядкѣ... Дѣло было перенесено въ палату, которая извѣщала ежедневно, что дѣло кончится завтра, въ продолженіи десяти лѣтъ» (I, 439, 440, 449, 457, 467).

По наблюденіямъ писателя, незаконный ходъ дѣйствій

чиновниковъ обратился почти въ законный, замкнулся въ стройную систему; взятку «чиновникъ беретъ съ чиновника по командѣ сверху внизъ; это идетъ иногда безконечною лѣстницей... Завелись такія лихоимства, которыя истребить нѣтъ никакихъ средствъ человѣческихъ» (IV, 668, 708). Безпомощная нищета народа, попранныя права, неоплаченный трудъ, кровная обида громко заявляли о своей горькой долѣ, но стоны и вопли заглушались насиліемъ чиновниковъ. Поэтому массы народныя всегда питали къ приказному управленію чувство недовѣрія и отвращенія, боялись бумажныхъ дѣлъ до невѣроятности. «Народъ нашъ не глупъ, знмѣчаетъ Гоголь, что бѣжитъ, какъ отъ чорта, отъ всякой писанной бумаги; онъ знаетъ, что тамъ притонъ всей человѣческой путаницы, крючкотворства и каверзничествъ» (IV, 681). Немудрено, что по смерти императора Николая, и общество, и литература съ ожесточеніемъ и негодованіемъ напали на чиновниковъ и съ безпощаднымъ порицаніемъ отнеслись къ ихъ произволу и неправдамъ.

Предпочитая всему службу, чиновничество и вообще правительство времени Николая Павловича не особенно ласково относилось къ народному просвѣщенію; впрочемъ, мы уже не встрѣчаемъ такихъ ожесточенныхъ враговъ умственнаго движенія, какіе были раньше изображены Грибоѣдовымъ. Народное образованіе и воспитаніе только окружены были подозрительностью, тяжелой всегдашней опекой и мало имѣли развитія. При крѣпостномъ правѣ, помѣщики почти не заботились о распространеніи грамотности между крестьянами: у Коробочки, погруженной по-уши въ хозяйство, 11-тилѣтняя дѣвочка не умѣла отличить, гдѣ право, гдѣ лѣво; у Чичикова, почитывавшаго романы, лакей Петрушка «имѣлъ благородное побужденіе къ просвѣщенію» или страсть къ чтенію книгъ, содержаніемъ которыхъ не затруднялся. «Ему было совершенно все равно, похожденіе ли влюбленнаго героя, просто букварь,

или молитвенникъ,—онъ все читалъ съ равнымъ вниманіемъ; если бы ему подвернули химію, онъ и отъ нея бы не отказался. Ему нравилось не то, о чемъ читалъ онъ, но больше процессъ самаго чтенія, что вотъ-де изъ буквъ вѣчно выходитъ какое-нибудь слово, которое иной разъ, чортъ знаетъ, что и значитъ» (III, 16, 59). При такомъ вниманіи къ чтенію, если бы учить Петрушку, онъ, пожалуй, и не сдѣлался бы пьяницей. Мысли о заведеніи школъ между крестьянами были тогда въ ходу и въ модѣ; почтмейстеръ говорилъ, что Чичиковъ можетъ сдѣлаться отцомъ крестьянъ, «ввести даже благодѣтельное просвѣщеніе», и при этомъ случаѣ отозвался съ большою похвалою о Ланкастеровой школѣ взаимнаго обученія (III, 160). Но школы на иностранный ладъ не прививались, или выпускали юношей пьяницъ; заботились просвѣтить мужика, а не думали поправить его матеріальное благосостояніе. Тентетниковъ, полуобразованный помѣщикъ, «вздумалъ было попробовать какую-то школу между мужиками завести, но отъ этого вышла такая чепуха, что онъ и голову повѣсилъ: лучше было и не задумывать... Времени никому не было учиться. Мальчикъ съ 10 лѣтъ уже былъ помощникомъ во всѣхъ работахъ—и тамъ воспитывался, отъ разнообразія работъ былъ уже умнѣе» (III, 334). Воспитываться можно и помимо школы (IV, 649). Гоголь вѣрно замѣтилъ, что мелкіе люди грамотные, выходящіе изъ народа, были безнравственнѣе его и старались жить насчетъ бѣдныхъ (IV, 781—2).

Тогдашнее общество сильно заботилось о сословномъ образованіи, а правительство предписывало «обогащать питомцевъ тѣми свѣдѣніями, кои, по образу жизни ихъ, нуждамъ и упражненіямъ, могутъ быть имъ истинно полезны, чтобы каждый пріобрѣталъ познанія, могущія служить къ улучшенію его участи, и не бывъ ниже своего состоянія, также не

стремился чрезъ мѣру возвыситься надъ тѣмъ, въ коемъ ему суждено оставаться» *).

Въ царствованіе Николая I, основой для школы и для службы полагались нравственныя идеи и примѣрное поведеніе учащихся, а пріобрѣтеніе знаній, даровитость и самостоятельное развитіе считались дѣломъ второстепеннымъ. Чуть гдѣ появлялись слѣды невинныхъ увлеченій молодежи, всегда виновницей считалась школа. Воспитываясь самъ въ суроволицемѣрныхъ правилахъ временъ Магницкаго и Рунича, Гоголь сдѣлался заклятымъ врагомъ искусственности и насилія въ дѣлѣ воспитанія, съ ненавистью относился къ тѣмъ педагогамъ, для которыхъ поведеніе ученика равнялось таланту и которые были гонителями рѣзвыхъ и даровитыхъ юношей.

Прописи съ нравоучительными изреченіями и школы, выставлявшія главнымъ достоинствомъ хорошее поведеніе, воспитывали низкопоклонныхъ юношей, обманщиковъ и людей безнравственныхъ (III, 234 — 38; IV, 268 — 73, 275, 283, 421, 434 — 5). Гоголь жаловался на неумѣлыхъ учителей, которые сообщаютъ дѣтямъ свѣдѣнія и сухія и превышающія міръ ихъ понятій, а виной неуспѣха ученика всегда считаетъ учителя. «Лѣность и непонятливость воспитанника, пишетъ онъ, обращаются въ вину педагога и суть только вывѣски его собственнаго нерадѣнія; онъ не умѣлъ, онъ не хотѣлъ овладѣть вниманіемъ своихъ юныхъ слушателей; онъ заставилъ ихъ съ отвращеніемъ принимать горькія свои пилюли. Совершенной неспособности нельзя предполагать въ дитяти» (IV, 197, 204, 205). Система наказанія розгами въ сороковыхъ годахъ въ учебныхъ заведеніяхъ была развита до жестокости, не только въ низшихъ и военныхъ школахъ, но и въ среднихъ. Гоголь упоминаетъ объ этомъ вскользь, какъ о ходячемъ явленіи; но изъ записокъ современниковъ видно,

*) «Сборникъ постановленій и распоряженій» 1875 годъ. Томъ II, стр. 71—73, 106. «Русская Старина» 1881 годъ, кн. 8, стр. 641.

что сѣченье розгами производилось тогда вездѣ жестоко и безобразно (I, 195—6). Помѣщики болѣе отъ нечего дѣлать, чѣмъ отъ тупости и звѣрства, драли крѣпостныхъ на конюшняхъ, наставники—учениковъ въ классахъ; директоръ «Училища правовѣдѣнія» былъ нехудой человѣкъ, и тотъ поролъ питомцевъ, потому что всѣ тогда сѣкли и иначе нельзя ему было поступать *). Учители низшихъ училищъ, изображенные Гоголемъ, совершенные уроды; «таковъ ужь неизъяснимый законъ судебъ, по изреченію городничаго: умный человѣкъ— или пьяница, или рожу такую строитъ, что хоть святыхъ выноси». Самый смотритель училища, чудакъ и трусъ, насквозь протухнулъ лукомъ,—да и сослуживцы-чиновники высокаго же мнѣнія были объ ученьѣ, когда говорили смотрителю, что ему лучше первому дать ревизору взятку, «какъ просвѣтителю юношества» (II, 186—7, 231, 236, 265—66).

Учители и начальники заведеній, при современной подозрительности правительства, боялись, какъ огня, обвиненія ихъ въ распространеніи вольныхъ мыслей, которыя строгій патріотъ замѣчалъ въ походкѣ и движеніяхъ преподавателей; поэтому смотритель училищъ Хлоповъ жаловался на учителя, что онъ никакъ не можетъ не сдѣлать гримасы. «Вотъ еще на-дняхъ, какъ зашелъ было въ классъ нашъ предводитель, онъ скроилъ такую рожу, какой я никогда еще не видывалъ. Онъ-то ее сдѣлалъ отъ добраго сердца, а мнѣ выговоръ: зачѣмъ вольнодумныя мысли внушаются юношеству... Не приведи Богъ служить по ученой части, всего боишься. Всякій мѣшается, всякому хочется показать, что онъ тоже умный человѣкъ». Самымъ лучшимъ средствомъ считалось тогда, чтобы утопить врага, — обвинить его въ вольнодумствѣ и распространеніи либеральныхъ мыслей въ средѣ молодыхъ людей; такъ, попечитель богоугодныхъ заведеній доносилъ втихомолку

*) «Русская Старина» 1881 годъ, кн. 2, стр. 397—400; кн. 8, стр. 579.

на этого убогаго смотрителя Хлопова: «Я не знаю, какъ могло начальство повѣрить ему такую должность. Онъ хуже, чѣмъ якобинецъ, и такія внушаетъ юношеству неблагонамѣренныя правила, что даже выразить трудно» (II, 187, 237).

Правительство взяло на себя полную опеку надъ воспитаніемъ дѣтей и приготовляло изъ нихъ себѣ служебныхъ дѣятелей, ловкихъ и навостренныхъ, вселяя въ нихъ заранѣе опредѣленный взглядъ и цѣли ихъ дѣйствій; давало имъ высокія права и преимущества и тѣмъ развивало эгоизмъ и своекорыстіе, сословныя стремленія и узкость взгляда. Изъ этихъ казенныхъ дѣльцовъ, враждебныхъ народу, выходили только чиновники, негодные для другой дѣятельности. Школа казалась значительнѣе самой службы, гдѣ иногда чиновникъ читалъ глупый романъ, точно въ школѣ, засунувъ его въ большіе листы разбираемаго дѣла и вздрагивая при всякомъ появленіи начальника (III, 274—5). Офицеры и священники приготовлялись правительствомъ, какъ и чиновники, для пользы и службы государственной. Военно-учебныя заведенія воспитывали *малолѣтнихъ* дворянъ для всѣхъ отраслей военной службы, но оказавшіеся неспособными «имѣли право опредѣляться во всѣ вѣдомства гражданской службы». Ясно, что о призваніи любви къ дѣятельности не могло быть и рѣчи; съ малолѣтства расписаны были отрасли занятій, не спрашиваясь природныхъ способностей, личной наклонности каждаго, какъ и къ какому труду сознательно прилагать свои силы. Изъ 19-ти низшихъ военныхъ училищъ, 16 спеціально занимались съ дѣтьми солдатскими и приготовляли писарей для военнаго вѣдомства, точно учили высшимъ искусствамъ или особому кругу знаній. Сыновья солдатъ обязаны были тогда служить въ полку, будто ихъ сама природа памѣтила по наслѣдству—отличаться военными доблестями. О духовно-учебныхъ заведеніяхъ Гоголь тоже говорилъ, что они не достигаютъ своей цѣли: «никакая семинарія и никакая школа не можетъ воспитать священника»;

тамъ онъ получаетъ начальное основаніе, а образуетъ его жизнь (IV, 681). Купцы и мѣщане видѣли, что школы учатъ для чиновничьихъ занятій и выпускаютъ негодныхъ для торговли и промышленности, навѣкъ отрывая отъ семьи, совсѣмъ не желали отдавать въ училища и гимназіи дѣтей своихъ, только особенно честолюбивые любили видѣть сыновей въ чинахъ.

При императорѣ Николаѣ I никому въ голову не приходило, что народная школа создается сообразно съ развитіемъ жизни и характера націи, что у каждаго народа есть своя психологія и исторія, съ которыми слѣдуетъ сообразоваться педагогамъ. Нѣтъ, тогда царила общечеловѣческая философія Гегеля, а русскую исторію передѣлывали въ общеевропейскую, находя въ ней феодальный складъ средневѣковой, всюду искали, чѣмъ русскій человѣкъ похожъ на европейца, а никто не заикался, какимъ особымъ складомъ характера и стремленій онъ отличенъ отъ другихъ народовъ. Разумѣется, пришли къ заключенію, что «лучше нѣмца не выдумаешь»,—и все воспитаніе юношества гнули на иностранный образецъ, упуская изъ виду природныя склонности дѣтей, особенно семейнаго, общественнаго и хозяйственнаго быта. Школами распоряжались иноземцы, у которыхъ не могло быть нравственныхъ связей съ русскимъ юношествомъ и обществомъ, да часто они совсѣмъ были неблагонадежны по убѣжденіямъ *). Гоголь ясно обрисовалъ, какъ быстро въ кругу помѣщиковъ уничтожались русскіе старинные обычаи и привилось модное образованіе, гдѣ, повидимому, и почва имъ не благопріятствовала. Дѣти добряка и хлѣбосола П. П. Пѣтуха, гимназисты, уже хотѣли просвѣщенія столичнаго, хлопали за столомъ рюмку за рюмкой,—видно уже было, на какую часть человѣческихъ познаній обратятъ они вниманіе по пріѣздѣ въ столицу; они только

*) Сборникъ постановленій и распоряженій II, 438—440.

и думали о московскихъ кондитерскихъ и театрахъ, о которыхъ имъ натолковалъ заѣзжій кадетъ (III, 313, 314, 317, 320).

Домашнее воспитаніе помѣщики тоже ввѣрили пришлымъ иностраннымъ гувернерамъ и гуверванткамъ, которыхъ даже подпускать къ дѣтямъ близко не слѣдовало иногда; но, не умѣя сами себя воспитать, бояре были не лучше иноземныхъ педагоговъ (III, 376). Какъ въ школахъ, такъ и при домашнемъ воспитаньѣ, надежнымъ якоремъ образованія былъ разговорный французскій языкъ. Воспитанникъ «Училища правовѣдѣнія» конца тридцатыхъ годовъ, В. Стасовъ, въ своихъ воспоминаніяхъ увѣряетъ, что у нихъ главнымъ образомъ добивались знанія французскаго языка: и родители питомцевъ распинались, и начальство хлопотало вдолбить его всѣми неправдами, потому что парижскій разговоръ составлялъ все необходимое знаніе для истиннаго джентльмена; но ученики дошли до нелѣпой привычки читать книги французскія, вмѣсто безсодержательной болтовни *).

Если въ мужскихъ заведеніяхъ такъ усердно хлопотали о французской рѣчи, то въ женскихъ и подавно; Гоголь говоритъ, что хорошее воспитаніе получается въ пансіонахъ; «а въ пансіонахъ три главные предмета составляютъ основу человѣческихъ добродѣтелей: французскій языкъ, необходимый для счастія семейной жизни, фортепіано — для доставленія пріятныхъ минутъ супругу, и наконецъ, собственно хозяйственная часть: вязаніе кошельковъ и сюрпризовъ. Впрочемъ бываютъ разныя усовершенствованія и измѣненія въ методахъ, особенно въ нынѣшнее время: все это болѣе зависитъ отъ благоразумія и способностей самихъ содержательницъ пансіоновъ. Въ другихъ бываетъ прежде фортепіано, потомъ французскій языкъ и проч. Разныя бываютъ методы» (III, 23).

---

*) «Русская Старина» 1881 года, кн. 2, стр. 408.

Да, бывали тогда методы благородныхъ дѣвицъ усовершенствованныя: давно извѣстенъ фактъ, что начальница одного столичнаго заведенія, завидѣвъ идущее навстрѣчу воспитанницамъ на прогулкѣ вліятельное лицо, командовала имъ: «Хорошенькія, впередъ, живо!» Можно представить, какія житейскія начала сѣяла въ воспріимчивой душѣ питомицъ эта игривая метода воспитанія!—Институтки и пансіонерки, самыя свѣтлыя и простыя, получивъ мелкое воспитаніе, при столкновеніи съ жизнью, тотчасъ измѣнялись; Гоголь влагаетъ въ голову своему герою слѣдующія практическія соображенія: «Вотъ пусть-ка за институтку примутся маменьки и тетушки! Въ одинъ годъ такъ ее наполнятъ всякимъ бабьемъ, что самъ родной отецъ не узнаетъ. Откуда возьмется и надутость и чопорность; станетъ ворочаться по вытверженнымъ наставленіямъ, какъ и съ кѣмъ говорить, на кого смотрѣть... Запутается сама и наконецъ станетъ врать всю жизнь, и выйдетъ, просто, чортъ знаетъ что!» (III, 93—4). Образцы такихъ дамъ, которыя умѣли дѣлать сюрпризы и на бумагѣ узорныя каемки, вмѣсто веденія хозяйства, писать отчаянно - нѣжныя и кудряво - безграмотныя любовныя письма и проч., выставлены у Гоголя напоказъ. Онъ до тонкости постигъ и воззрѣнія и логику современныхъ женщинъ: двѣ дамы смотрятъ на одинъ предметъ въ одно время и несогласны между собой насчетъ его цвѣта. «Есть, точно, утверждаетъ авторъ, на свѣтѣ много такихъ вещей, которыя имѣютъ уже такое свойство: если на нихъ взглянетъ одна дама, онѣ выйдутъ совершенно бѣлыя, а взглянетъ другая—выйдутъ красныя, какъ брусника» (III, 193). А то у него одна дама увѣряла дочь свою взрослую, что у ней, мамаши, глаза самые темные: «Какой вздоръ говоришь! Какъ же не темные, когда я гадаю про себя всегда на трефовую даму?» (II, 216).

Всѣ учились въ царствованіе Николая Павловича понемногу, формальнымъ образомъ, чтобы получить чинъ и до-

ступъ къ службѣ: наука совсѣмъ не клеилась съ практикой, жизнь была сама по себѣ, а образованье — статья особая. Каждый разумѣлъ подъ образованіемъ способъ дѣйствій, какой ему нравился или доставлялъ пользу и удовольствіе; помѣщикъ размышляетъ о невыгодѣ возиться съ мужиками: «А образованье-то развѣ пустая вещь? Невѣжество-то, которое пріобрѣтешь въ деревнѣ, вѣдь его ножомъ послѣ не отскоблишь... Да я хочу съ образованнымъ человѣкомъ поговорить! Теперь я могу заняться тѣмъ, что споспѣшествуетъ къ образованью. Поѣду въ Петербургъ, посмотрю театръ, монетный дворъ, пройдусь мимо дворца, по англійской набережной, въ лѣтнемъ саду. Поѣду въ Москву, пообѣдаю у Яра, могу одѣться по столичному образцу, могу стать наравнѣ съ другими, исполнить долгъ просвѣщеннаго человѣка» (II, 389). Дворяне пописывали статейки въ газетахъ. Попрыщинъ читалъ въ «Пчелкѣ» пріятное изображеніе бала, описанное курскимъ помѣщикомъ, и похвалилъ (IV, 251): «курскіе помѣщики хорошо пишутъ». Чтеніе служило средствомъ пустить пыль въ глаза другимъ; свѣтскій человѣкъ «всего наговоритъ, всего слегка коснется, все скажетъ, что понадергалъ изъ книжекъ: пестро, красно, а въ головѣ хоть бы что нибудь изъ того вынесъ; офицеръ не то, чтобы глупъ, — у него есть умъ, но сейчасъ по выходѣ журнала, а запоздала книжка выходомъ — и въ головѣ ничего» (III, 181; II, 436). Чиновникъ находилъ образованіе въ томъ, какъ бы ловчѣе угодить начальству, а начальникъ обставлялъ свой кабинетъ лучшими сочиненіями, чтобы показать свою великую ученость. Одинъ дѣловой человѣкъ внушаетъ своему образованному чиновнику при разсмотрѣніи бумаги: «Что это значитъ? у васъ поля по краямъ бумаги неровны. Знаете ли что васъ можно посадить подъ арестъ... Я съ вами совершенно согласенъ, что министръ не займется такими пустяками. Ну а вдругъ вздумается: дай-ка посмотрю, велико ли мѣсто остается для полей!... Вѣдь я съ вами го-

ворю и объясняюсь, потому что вы воспитывались въ университетѣ. Съ другимъ бы я не сталъ тратить словъ». Чиновники умѣли отличиться и въ литературѣ краснымъ слогомъ, если надо было подкурить власти; Гоголь вѣрно схватилъ черты времени, когда говорилъ, что деревца въ городскомъ саду были не выше тростника, но въ газетахъ при описаніи иллюминаціи напечатали: «городъ нашъ украсился, благодаря попеченію гражданскаго правителя, садомъ, состоящимъ изъ тѣнистыхъ, широко-вѣтвистыхъ деревьевъ, дающихъ прохладу въ знойный день... Было очень умилительно глядѣть, какъ сердца гражданъ трепетали въ избыткѣ благодарности и струили потоки слезъ, въ знакъ признательности къ г. градоначальнику!» (IV, 521; II, 397; III, 8). Губернскіе чиновники, подъ его перомъ, являются людьми начитанными и не безъ образованія: кто зналъ «*Людмилу*» Жуковскаго наизустъ, кто по ночамъ читалъ «*Юнговы ночи*» или «Ключъ къ таинствамъ натуры» Экартсгаузена, иной читалъ Карамзина или «Московскія Вѣдомости»; но это занятіе литературой не помѣшало имъ въ жизни оставаться взяточниками и продавцами закона (III, 25, 161—2).

Въ самыхъ университетахъ профессоры далеко стояли отъ изученія дѣйствительной жизни, не могли свободно разсуждать, боясь преслѣдованій правительства за каждую мелочь, и ограничивались разсматриваніемъ букашекъ или отыскиваніемъ ископаемыхъ. Въ ученыхъ разсужденіяхъ профессоръ подъѣзжаетъ необыкновеннымъ подлецомъ, говоритъ Гоголь, начинаетъ робко, умѣренно, самымъ смиреннымъ вопросомъ: «Не оттуда ли? Не изъ того ли угла?...» Цитуетъ писателей, а гдѣ показался ему намекъ, онъ ужъ бодрится, получаетъ рысь и отвѣчаетъ за древнихъ писателей, забывъ, что началъ робкимъ предположеніемъ; ему уже кажется это ясно и разсужденіе заключено словами: «Такъ это вотъ какъ было!» Потомъ во всеуслышанье съ каѳедры, и новооткрытая

истина пошла гулять по свѣту, набирая себѣ послѣдователей и поклонниковъ (III, 196, 288). Преподаваніе въ высшихъ заведеніяхъ отличалось формальностью и безжизненностью; объ одномъ изъ нихъ сообщаетъ Гоголь и чуть ли не о «гимназіи высшихъ наукъ» при новомъ директорѣ: «Съ науками случилось что-то странное. Выписаны были новые преподаватели, съ новыми взглядами и новыми углами и точками воззрѣній. Забросали они слушателей множествомъ новыхъ терминовъ и словъ; показали они въ изложеньи своемъ и логическую связь, и слѣдованье за новыми открытіями, и горячку собственнаго увлеченья; но, увы, не было только жизни въ самой наукѣ. Мертвечиной отозвалась въ устахъ ихъ мертвая наука» (III, 272). Лекціи профессоровъ полны были высокой теоріей, и неприложима была ихъ наука на практикѣ; Гоголь описываетъ дѣйствія помѣщика Тентетникова въ деревнѣ и прибавляетъ: «Въ дѣлахъ судейскихъ и разбирательствахъ оказались ровно ни къ чему всѣ эти юридическія тонкости, на которыя навели его профессора-философы. И та сторона вретъ и другая вретъ, и чортъ ихъ разберетъ! Видѣлъ онъ, что нужнѣе тутъ было юридическихъ тонкостей и философскихъ книгъ простое познанье человѣка» (III, 281). Другой помѣщикъ Хлобуевъ жаловался, что ему не принесло пользы высшее образованье, а развило только шире потребности: «Вѣдь вотъ мы и просвѣтились. Я слушалъ лекціи въ университетѣ, а что изъ того, что я былъ въ университетѣ? Ну, чему я выучился? Порядку жить не только не выучился, а еще какъ бы больше выучился искусству побольше издерживать денегъ на всякія новыя утонченности да комфорты, больше познакомился съ такими предметами, на которые нужны деньги. Оттого ли, что я безтолково учился? Нѣтъ, вѣдь такъ и другіе товарищи. Два, три человѣка извлекли себѣ настоящую пользу, да и то оттого, можетъ быть, что и безъ того были умны, а прочіе

вѣдь только и стараются узнать то, что портитъ здоровье да и выманиваетъ деньги. Такъ изъ просвѣщенья-то мы все-таки выберемъ то, что погаже; наружность его схватимъ, а его самого не возьмемъ» (III, 350).

Теперь образуется типъ рѣзкаго направленья недоучившагося студента, набравшагося мудрости изъ современныхъ брошюръ и газетъ; да и окончившіе курсъ въ высшемъ заведеніи, на почетной должности не всегда писали грамотно. Гоголевскій сумасшедшій въ своихъ запискахъ, читая письмо собачки, похвалилъ ее за правописаніе: «Письмо довольно чоткое; однако въ почеркѣ все есть какъ будто что-то собачье... Писано правильно; пунктація и даже буква ѣ вездѣ на своемъ мѣстѣ. Да этакъ просто не напишетъ и нашъ начальникъ отдѣленія, хоть онъ и толкуетъ, что гдѣ-то учился въ университетѣ» (III, 282, 256). Порядочно образованные люди не годились для практической дѣятельности ни въ канцеляріи, ни въ помѣстьѣ: они читали книги и фантазировали, замышляли писать историческія сочиненія о Россіи со всѣхъ точекъ, съ гражданской, политической, религіозной и проч., но только изгрызали перья; другіе занимались умозрительной философіей и рѣшали вопросы, въ родѣ такихъ: «Почему звѣрь родится нагишомъ? Ну а если бы слонъ родился въ яйцѣ?...» Пылкіе изъ нихъ сочиняли безполезные, хотя краснорѣчивые, проекты всеобщаго преобразованія (III, 256—7, 267, 274, 282—3, 294). Космополитическая любовь мечтательная прожигала юношей, какъ бы облагодѣтельствовать весь міръ, «обнять все человѣчество, какъ братьевъ» (III, 775). Старый мистицизмъ александровскаго времени выдохся и краснорѣчивые плуты-масоны составляли изъ увлекающейся молодежи тайныя общества, съ обширной цѣлью доставить прочное счастье всему человѣчеству, отъ береговъ Темзы до Камчатки; но верховные распорядители одни знали, куда пошли огромныя пожертвованія (III, 287).

Не стану касаться состоянія литературы, укажу только на одну черту, характеризующую время николаевскаго царствованія, именно: на оберегательную систему правительства отъ вѣяній либеральныхъ, которыя тогда заходили съ запада *). Открытымъ врагомъ просвѣщенья, прямымъ гонителемъ литературы уже нельзя было безнаказанно выставляться, какъ прежде, въ родѣ Фамусова и Загорѣцкаго въ «Горе отъ ума», которые готовы были сжечь всѣ книги, особенно сатирическія, вмѣстѣ съ ихъ авторами. У Гоголя подлые и лицемѣрные люди не обрушиваются съ такой горячностью на литературу, даже сатирическую, и говорятъ: «ты пиши только мило, для услажденія сердца!...» И рѣдко раздается грубый голосъ: «Я бы все запретилъ. Ничего не надо печатать. Просвѣщеніемъ пользуются, читай, а не пиши. Книгъ ужъ довольно написано,—больше не надо» (II, 459). Цензура весьма зорко слѣдила за выраженіями, усердный цензоръ придавалъ имъ значеніе политическое, даже въ поваренныхъ книгахъ, въ которыхъ вычеркивалъ фразу: «поставь пирогъ въ вольный духъ» и замѣнялъ просто «поставь въ печку». Появленіе самостоятельной мысли въ защиту правъ народныхъ, желаніе устроить внутреннюю жизнь Россіи въ интересахъ общихъ возбуждали тогда опасеніе меньшинства сильныхъ лицъ, которыя видѣли въ нихъ зло не только для самихъ себя, но и для цѣлаго общества, и старались ограничить ихъ разными насильственными средствами. Живое свободное слово было заклятымъ врагомъ, подкапывающимся подъ благосостояніе людей, злоупотреблявшихъ своей властью, бездарныхъ защитниковъ произвола, стоявшихъ горой за рабство мысли и совѣсти и за господствующій порядокъ, при которомъ возможно было совершать мерзости. Городничій у Гоголя въ раздраженіи не зналъ, какъ и выразить сильнѣе злость противъ лите-

*) «Сборн. постановл. и распоряж.» II, 513—517, 528, 826 и дал.

раторовъ: «Найдется щелкоперъ, бумагомарака, въ комедію тебя вставитъ. Вотъ что обидно! чина, званія не пощадитъ, и будутъ всѣ скалить зубы и бить въ ладоши... Я бы всѣхъ этихъ бумагомаракъ! У, щелкоперы, либералы проклятые! Чортово сѣмя! Узломъ бы васъ всѣхъ завязалъ, въ муку бы стеръ васъ всѣхъ, да чорту въ подкладку! въ шапку туда ему!...» (II, 267).—Новыя идеи и стремленія требовали перестройки государственнаго зданія; а представители отживающаго быта взялись отстоять его въ прежнемъ положеніи, вооружились гоненіями, запрещеніями и наказаніями остановить движеніе умовъ. Гоголь самъ не разъ испыталъ на себѣ, какъ трудно было говорить правду, даже искусно прикрытую; съ какимъ ожесточеніемъ многіе встрѣтили его «Ревизора» и грозили ссылкой въ Нерчинскъ за отвратительную насмѣшку надъ Россіей (II, 439, 456, 462). Онъ сильно жаловался на современниковъ: «Посмѣйся надъ истинно-благороднымъ, что составляетъ высокую святыню души, никто не станетъ заступникомъ. Посмѣйся же надъ порочнымъ, подлымъ и низкимъ, всѣ закричатъ: «онъ смѣется надъ святыней!...» Избери маловажные случаи, станутъ говорить, что пишетъ вздоръ; избери предметъ серьезный, закричатъ: «Не его дѣло, пиши пустяки!» (II, 449 — 50). Чѣмъ сильнѣе развивались мысли о необходимости улучшеній, тѣмъ строже встрѣчали противодѣйствія: начались аресты и ссылки людей подозрительныхъ, а идеи направились по пути тайному, незаконному, не смѣя появиться открыто въ виду гоненій; родились уродливыя личныя увлеченія и необузданныя крайнія сужденія, подогрѣваемыя иностранными теоріями. Роль мучениковъ и страдальцевъ за истину и свободу имѣла свои привлекательныя стороны для восторженныхъ людей; расплодилась рукописная подпольная и заграничная печатная литература, злостно направленная противъ всѣхъ дѣйствій царствованія Николая Павловича.

Изъ этого краткаго очерка ясно видно, что начала и на-

правленіе общественной жизни, современной Гоголю, постигнуты имъ въ совершенствѣ, что у него была строго выработанная система воззрѣній на окружающій его быть и опредѣленный рядъ выводовъ. Еще ярче выступитъ картина дѣйствительной тогдашней жизни, если подробно разобрать изображенія Гоголя домашняго быта, экономическаго, иностраннаго вліянія—и сличить ихъ съ несомнѣнными историческими данными. Я не утверждаю, чтобы его всѣми очерками можно было пользоваться, какъ фактами, но считаю его сочиненія однимъ изъ драгоцѣнныхъ историческихъ матеріаловъ для изученія русской жизни первой половины XIX вѣка, по крайней мѣрѣ, не ниже историческихъ записокъ частныхъ лицъ. Разница между ними въ томъ, что мемуары представляютъ частныя наблюденія и думы извѣстнаго писателя, а изображенія художника создаютъ типическія лица и событія, взятыя изъ современной жизни, на которыя похожи тысячи живыхъ людей и цѣлые ряды явленій. По нимъ можно удобно слѣдить за нравами и бытомъ дѣйствительной жизни. Какъ въ старинной повѣсти «О Ершѣ Ершовичѣ, сынѣ Щетинниковѣ» остроумно осмѣянъ весь приказный порядокъ дѣлопроизводства XVII столѣтія и представлена типическая картина дѣйствительной жизни; такъ точно изображенія Гоголя исполнены животрепещущей правды и помогутъ историку проникнуть въ глубину духа и характера современнаго автору человѣка и оживотворить сухіе и тощіе, отрывочные факты и извѣстія *).

Слѣдовательно, сочиненія Гоголя, представляя замѣчательнѣйшія произведенія словеснаго *искусства*, въ высшей степени важны и для отечественной *науки*, для изслѣдованія внутренняго состоянія русскаго народа, во всѣхъ его бытовыхъ проявленіяхъ, въ царствованіе Николая I, начиная отъ

*) Повѣсть «Тарасъ Бульба» относится къ исторіи казачества XVII вѣка и требуетъ особаго изученія.

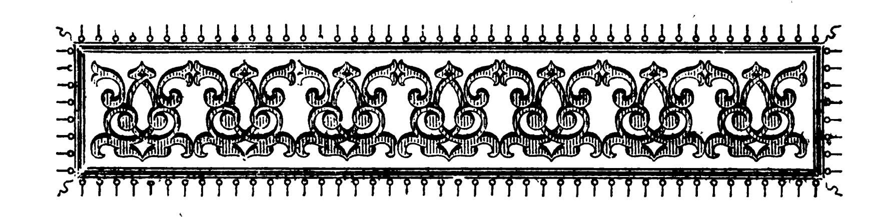
будочника до министра, отъ мелкаго раба до крупнаго вельможи, отъ ничтожнаго деревенскаго захолустья до блестящаго Невскаго проспекта. Теперь еще шире раздвигается предъ нами высокое значеніе его безсмертныхъ созданій: эти монументальныя сооруженія, драгоцѣнныя по прочному историческому матеріалу и тонкой художественной отдѣлкѣ, составляютъ рѣдкое своеобразное явленіе среди литературныхъ произведеній всего человѣчества. Къ нимъ прямо и смѣло можно приложить его же собственныя слова, которыми онъ вообще характеризуетъ вліяніе совершеннѣйшихъ твореній поэтовъ: «Внемлютъ имъ мудрые цари, глубокіе правители, прекрасный старецъ и полный благороднаго стремленія юноша... (углубляются въ нихъ люди науки для изученія недавно минувшей судьбы своего отечества,—добавимъ мы отъ себя). Стонутъ балконы и перила театровъ; все потряслось снизу до верху, превратясь въ одно чувство, въ одного человѣка; всѣ люди встрѣтились, какъ братья въ одномъ душевномъ движеніи,—и гремитъ дружнымъ рукоплесканьемъ благодарный гимнъ тому, котораго уже 30 лѣтъ, какъ нѣтъ на свѣтѣ. Слышутъ ли это въ могилѣ истлѣвшія его кости? Отзывается ли душа его, терпѣвшая суровое горе жизни?...»

Кисловодскъ, 1881 года, августа 17-го.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

ИНОЗЕМНОЕ ВЛІЯНІЕ ВЪ РОССІИ,

ИЗОБРАЖЕННОЕ ГОГОЛЕМЪ ВЪ ЕГО СОЧИНЕНІЯХЪ.



ИНОЗЕМНОЕ ВЛІЯНІЕ ВЪ РОССІИ, ИЗОБРАЖЕННОЕ ГОГОЛЕМЪ ВЪ ЕГО СОЧИНЕНІЯХЪ.

Начиная со временъ Екатерины II-й, лучшіе русскіе писатели сильно возставали противъ иностраннаго образованія, которое прививалось въ уродливомъ видѣ и искажало взгляды и нравы русскихъ людей. Но никто изъ литераторовъ-художниковъ не обрисовалъ такъ всесторонне вредъ иностраннаго вліянія на нашихъ предковъ, какъ талантливый Н. В. Гоголь.

Почти во всѣхъ своихъ литературныхъ произведеніяхъ и письмахъ онъ подмѣчаетъ отличительныя черты тогдашняго состоянія общества, сравнительно съ прежнимъ временемъ, и поминутно слѣдитъ за иностраннымъ вліяніемъ, которое разъѣдало русскую жизнь. Еще современные Гоголю критики замѣчали и указывали, что этотъ писатель отвергаетъ благодѣтельное вліяніе западной цивилизаціи въ Россіи; но онъ отвѣчалъ уклончиво и очень вѣрно: «изъ того, что я выставилъ на видъ наши русскіе элементы, сдѣлали выводъ, будто я отвергаю потребность просвѣщенія европейскаго и считаю ненужнымъ для русскаго—знать весь трудный путь совершенства человѣческаго. И прежде, и теперь мнѣ казалось, что русскій гражданинъ долженъ знать дѣла Европы. Но я былъ убѣжденъ всегда, что если, при этой похвальной

жадности знать чужеземное, упустишь изъ виду свои русскія начала, то знанья эти не принесутъ добра, собьютъ, спутаютъ и разбросаютъ мысли, намѣсто того, чтобы сосредоточить и собрать ихъ. И прежде, и теперь я былъ увѣренъ въ томъ, что нужно очень хорошо и глубоко узнать свою русскую природу, и что только съ помощью этого знанья можно почувствовать, что именно слѣдуетъ намъ брать и заимствовать изъ Европы, которая сама этого не говоритъ. Мнѣ казалось всегда, что прежде, чѣмъ вводить что-либо новое, нужно ни какъ-нибудь, но въ корнѣ узнать старое, иначе примѣненіе самаго благодѣтельнѣйшаго въ наукѣ открытія не будетъ успѣшно» *). Какъ глубокій и тонкій наблюдатель несущейся передъ нимъ жизни, Гоголь пораженъ былъ безобразіемъ иностранныхъ обычаевъ, сплеча переброшенныхъ на русскую землю и не могшихъ привиться на новой и несродной для нихъ почвѣ. Съ свойственнымъ ему тактомъ и ловкостью, прикрывая свои убѣжденія въ литературныхъ произведеніяхъ, онъ въ изобиліи всюду разбросалъ мелкія черты быта, осмѣивая безпощадно иноземное вліяніе въ царствованіе Николая Павловича. Собранныя эти замѣтки въ одно цѣлое рисуютъ полную и разнообразную картину гибели родныхъ воззрѣній и обычаевъ, заглушаемыхъ дикими, чуждыми формами жизни. Если сличить изображенія знаменитаго писателя съ несомнѣнными фактами тогдашняго времени, то мы придемъ къ заключенію, что въ произведеніяхъ его ярко рисуются дѣйствительныя событія и явленія, историческія жизненныя черты. Съ этой точки зрѣнія изученіе сочиненій Гоголя въ высшей степени важно для характеристики общества 2-й четверти XIX столѣтія и для глубокаго пониманія убѣжденій самого писателя. До какой степени слабо и ничтожно доселѣ изученіе и пониманіе Гоголя даже нашими учеными людьми, видно изъ того, что

*) Полн. собр. сочин. Гоголя. М. 1880 г. Т. IV, стр. 792—93.

его стараются причислить къ писателямъ-*западникамъ* *), тогда какъ онъ руководился въ своихъ произведеніяхъ совершенно противоположными началами.

Прежде всего въ сочиненіяхъ Гоголя обращаетъ на себя вниманіе отношеніе поляковъ къ малороссамъ, ихъ вліяніе на внутренній бытъ послѣднихъ и страшная взаимная борьба двухъ народностей, разыгравшаяся до крайнихъ предѣловъ въ XVII стол. Подчиняясь польскому правительству въ политическомъ отношеніи, малороссы хотѣли отстоять свою православную вѣру и славянскую народность, свои внутренніе порядки и обычаи, чтобы не окунуться, вмѣстѣ съ поляками, въ несвойственный и чуждый имъ европейскій водоворотъ и не утратить навсегда самостоятельный характеръ. Когда паны-гетманы и посполиство, въ Малороссіи, стали соблазняться внѣшними погремушками, тяготѣть къ блеску и лоску польскихъ порядковъ, увлекать желаніемъ магнатства и подчиненія своего народа силѣ боярской, по образцу польскихъ хлоповъ; тогда казачество пошло къ своему брату черному великорусскому и московскому царю, потому что ему нравилась самостоятельная выработка излюбленнаго общественнаго строя на свой мужицкій ладъ, а не на чужой аристократическій. Поэтому и народъ малорусскій вступилъ въ сокрушительную борьбу во имя православной вѣры, роднаго товарищества и русскаго царя, защитника славянской народности. (Полное Собраніе Сочиненій Гоголя. Т. I, 340—376). Прикидываясь человѣкомъ совсѣмъ недалекимъ, малороссъ насквозь видѣлъ польскаго пана и смѣялся надъ нимъ въ глаза: «развѣ мужикъ пойметъ то, что толкуютъ паны? Ей-Богу, нѣтъ! гдѣ намъ понять! у насъ и голова не такъ сдѣлана, какъ у пановъ: чортъ знаетъ, что такое; больше на капусту похоже, чѣмъ на голову. (Т. IV, 27). Изобра-

*) «Вѣстн. Европы», 1881 г., сент. 312; ноябрь 28.

жая состояніе Украйны въ XVII в. и польское на ней вліяніе. Гоголь крѣпко держится исторической основы, не щадя и русскихъ — измѣнниковъ своей народности. «Тогда вліяніе Польши начинало уже оказываться на русскомъ дворянствѣ. Многіе перенимали уже польскіе обычаи, заводили роскошь, великолѣпныя прислуги, соколовъ, ловчихъ, обѣды, дворы. Простые и суровые казацкіе старшины ссорились съ тѣми изъ своихъ товарищей, которые были наклонны къ варшавской сторонѣ, называя ихъ холопьями польскихъ пановъ... Порядку нѣтъ на Украйнѣ: полковники и есаулы грызутся, какъ собаки, между собою; нѣтъ старшей головы надъ всѣми; шляхетство наше все перемѣнило на польскій обычай, переняло лукавство... продало душу, принявши унію; жидовство угнетаетъ бѣдный народъ...» (I, 175, 261, 289, 340 – 41).

Чѣмъ сильнѣе обнаруживались притѣсненія правительства польскаго въ Малороссіи, тѣмъ храбрѣе становились паны и смѣлѣе дѣлали набѣги на мирныхъ жителей. На пограничной дорогѣ, пишетъ Гоголь, въ корчмѣ, собрались ляхи и пируютъ уже два дня. Что-то не мало всей сволочи. Сошлись вѣрно на какой-нибудь наѣздъ: у нихъ и мушкеты есть; чокаются шпоры; брякаютъ сабли; паны веселятся и хвастаютъ, говорятъ про небывалыя дѣла свои; насмѣхаются надъ православіемъ, зовутъ народъ украинскій своими холопьями, и важно крутятъ усы, и важно, задравши головы, разваливаются на лавкахъ. Съ ними и ксендзъ вмѣстѣ; только и ксендзъ у нихъ на ихъ же стать; и съ виду даже не похожъ на христіанскаго попа: пьетъ и гуляетъ съ ними и говоритъ нечестивымъ языкомъ своимъ срамныя рѣчи. Ни въ чемъ не уступаетъ имъ и челядь: позакидали назадъ рукава оборванныхъ жупановъ своихъ и ходятъ козыремъ, какъ будто бы что путное. Играютъ въ карты, бьютъ картами одинъ другаго по носамъ; набрали съ собою чужихъ женъ; крикъ, драка!... Шляхта вооружилась, кто на свои

червонцы, кто на королевскую казну, кто на жидовскія деньги, заложивъ все, что ни нашлось въ дѣдовскихъ замкахъ. Не мало было и всякихъ сенаторскихъ нахлѣбниковъ, которыхъ брали съ собою сенаторы на обѣды для почета, которые крали со стола и изъ буфетовъ серебряные кубки и, послѣ сегоднишняго почета, на другой день садились на козлы править конями у какого-нибудь пана. Много всякихъ было тамъ. Иной разъ и выпить было не на что, а на войну все принарядилось... Паны бѣснуются и отпускаютъ штуки: хватаютъ за бороду жида, малюютъ ему на нечестивомъ лбу крестъ; стрѣляютъ въ бабъ холостыми зарядами и танцуютъ краковьякъ съ нечестивымъ попомъ своимъ. Не бывало такого соблазна на русской землѣ и отъ татаръ: видно, уже ей Богъ опредѣлилъ за грѣхи терпѣть такое посрамленіе!» (I, 173, 323). Послѣ удачныхъ набѣговъ, произволу пановъ и поруганіямъ надъ святыней малороссовъ не было предѣловъ. Раздавался въ Запорожьѣ страшный призывъ казакамъ: «Не попустите, братцы, мученія на русской землѣ отъ проклятыхъ недовѣрковъ!... Уже теперь гетманъ, зажаренный въ мѣдномъ быкѣ, лежитъ въ Варшавѣ, а полковничьи руки и головы развозятъ по ярмаркамъ на показъ всему народу. Теперь ужъ церкви святыя у жидовъ на арендѣ; если жиду впередъ не заплатишь, то и обѣдню нельзя править. И если разсобачій жидъ не положитъ значка нечистою своею рукою на святой пасхѣ, то и святить пасхи нельзя. И ксендзы теперь ѣздятъ по всей Украйнѣ въ таратайкахъ, и запрягаютъ уже не коней въ оглобли, а православныхъ христіанъ. Уже, говорятъ, жидовки шьютъ себѣ юбки изъ поповскихъ ризъ!...» Всколебалась вся толпа запорожцевъ и пронеслось по всему берегу молчаніе, какое бываетъ передъ свирѣпой бурей.

...Зашумѣли казаки, почуяли свои силы; накалились ихъ тяжелые и крѣпкіе характеры... «Перевѣшать всю жидову!

раздалось изъ толпы. Перетопить ихъ всѣхъ, поганцевъ, въ Днѣпрѣ!» Слова эти, произнесенныя кѣмъ-то изъ толпы, пролетѣли молніей по всѣмъ головамъ, и толпа ринулась на предмѣстье съ желаніемъ перерѣзать всѣхъ жидовъ. Бѣдные сыны израиля, растерявши все присутствіе своего и безъ того мелкаго духа, прятались въ пустыхъ горилочныхъ бочкахъ, въ печкахъ и даже запалзывали подъ юбки своихъ жидовокъ; но казаки вездѣ ихъ находили... Жидовъ расхватали по рукамъ и начали швырять въ волны. Жалобный крикъ раздался со всѣхъ сторонъ, но суровые запорожцы только смѣялись, видя, какъ жидовскія ноги въ башмакахъ и чулкахъ болтались на воздухѣ...»

«Скоро весь польскій юго-западъ сдѣлался добычею страха... Всѣ знали, что трудно имѣть дѣло съ буйной и бранной толпой, извѣстной подъ именемъ запорожскаго войска, которое въ наружномъ своевольномъ неустройствѣ своемъ заключало устройство, обдуманное для времени битвы... Дыбомъ сталъ бы нынѣ волосъ отъ тѣхъ страшныхъ знаковъ свирѣпства полудикаго вѣка, которые пронесли вездѣ запорожцы. Избитые младенцы, обрѣзанныя груди у женщинъ, содранная кожа съ ногъ по колѣна у выпущенныхъ на свободу, словомъ — крупною монетою отплачивали казаки прежніе долги». (Т. I, 288 — 9, 293 — 4).

Причины и побужденія отчаянной борьбы казаковъ съ поляками Гоголь объясняетъ самыми точными историческими данными, выставляя на видъ безумное введеніе чуждаго европейскаго вліянія въ Украйну. Поднялась, пишетъ онъ, вся малорусская нація противъ польскихъ притязаній, переполнилось терпѣніе народа, — «поднялась отомстить за посмѣяніе правъ своихъ, за позорное униженіе своихъ нравовъ, за оскорбленіе вѣры своихъ предковъ и святого обычая, за посрамленіе церквей, за безчинства чужеземныхъ пановъ, за угнетенье, за унію, за позорное владычество

жидовства на христіанской землѣ, за все, что копило и сугубило съ давнихъ временъ суровую ненависть казаковъ» (I, 370).

Гоголь, очевидно, для изображенія борьбы казаковъ съ поляками пользовался историческими документами, и потому его картины такъ жизненны и близки къ дѣйствительности. Н. И. Костомаровъ, въ началѣ сороковыхъ годовъ, точно такими же красками изображалъ эту замѣчательную брань двухъ племенъ, выставлялъ тѣ же причины отчаянной рѣзни, какъ и Гоголь. Онъ между прочимъ говорилъ: «великая борьба малороссіянъ съ поляками за свободу совѣсти, за независимость страны, не была мятежомъ для пріобрѣтенія выгодныхъ правъ, не была возмущеніемъ утѣсненной массы въ родѣ попытки, — это было ополченіе рѣшительное, предпринятое навѣрное; война, которая ничѣмъ другимъ не могла кончиться, какъ вѣчнымъ разъединеніемъ народовъ; брань, послѣ которой нельзя было надѣяться на примиреніе... Здѣсь не нужно готовить средства: они явятся сами; не нужно воззваній — всякій чувствуетъ свое бѣдствіе, всякій готовъ на смерть, потому что для всякаго уже надоѣла жизнь; не нужно даже готоваго войска: старики и женщины становятся въ ряды мятежныхъ полчищъ.

...Успѣхи малороссіянъ въ сраженіяхъ не столько надобно приписать мужеству и искусству казацкаго предводителя, сколько всеобщей единодушной рѣшимости, готовности каждаго на смерть, оцѣпененію, какое овладѣло поляками въ минуту угрожающей опасности... Вездѣ по городамъ рѣзали старостъ, кастелляновъ, истребляли гарнизоны, по деревнямъ топили жидовъ и уніатовъ. Отчаянные герои православія всюду собирали шайки и пролагали страшнымъ образомъ дорогу гетману; имена ихъ, неважныя и часто неизвѣстныя въ исторіи, живутъ до сихъ поръ въ народныхъ пѣснопѣніяхъ.»

Обрисовавъ подробно, точно и правдиво польское вліяніе въ Украйнѣ, вызвавшее страшный взрывъ, знаменитый писатель выяснилъ весь вредъ, всю неестественность европейскаго вліянія на высшихъ классахъ общества въ Великороссіи. Онъ не восторгался безотчетно преобразованіями Петра Великаго, какъ большинство его современниковъ-писателей, а судилъ объ нихъ весьма здраво. «Гражданское строеніе Россіи, по его словамъ, произошло не правильнымъ, постепеннымъ ходомъ событій, не медленно разсудительнымъ введеніемъ европейскихъ обычаевъ», а отъ богатырскаго потрясенія всего государства, которое произвелъ царь-преобразователь, вводя свой молодой народъ въ кругъ европейскихъ государствъ. Европейское просвѣщеніе было огнивомъ, которымъ слѣдовало ударить по дремлющей массѣ, чтобы кремень издалъ огонь; но огниво не сообщаетъ огня кремню. Съ помощью европейскаго свѣта слѣдовало бы поглубже разсмотрѣть самого себя, а не копировать Европу. «Россія вдругъ облеклась въ государственное величіе, заговорила громами и блеснула отблескомъ европейскихъ наукъ... Надо имѣть въ виду великую истину, что образованіе черпается изъ самаго же народа, что просвѣщеніе наносное должно быть въ такой степени заимствовано, сколько можетъ оно помогать собственному развитію, но что развиваться народъ долженъ изъ своихъ же національныхъ стихій» (IV, 136, 643, 729—30).

Но въ Россіи дѣло ограничилось самымъ незамысловатымъ подражаніемъ западной Европѣ: богатые и знатные люди, какъ дикари, набросились съ крикомъ изумленія на блестящія сокровища иноземныя. Сколотили тяжелую административную машину, подвели взятыя на прокатъ у нѣмцевъ колеса, не приладивъ даже къ своимъ осямъ и не подмазавъ русскимъ дегтемъ. И заскрипѣло это уродливое созданіе, давя на пути несворачивавшій въ сторону русскій

народъ. Въ теченіе всего XVIII столѣтія, иноземные тираны злобно угнетали крестьянъ и преслѣдовали духовенство православное; къ нимъ присоединялись доморощенные вельможи, къ своему позору сдѣлавшись недовѣрками и отрекшись отъ собственной надобности. Крѣпостное право и гнетъ его усилились; народъ подавленъ былъ поборами и неправосудіемъ; вмѣсто улучшенія жизни, иностранные порядки принесли народу кровавый трудъ, бѣдность до нищеты и горькія униженія, водворивъ всюду блестящія и безполезныя формальности государственныя и лишнія дорогія затѣи въ высшихъ классахъ общества.

Забывъ о своихъ вѣковыхъ тягостяхъ, страданіяхъ и невзгодахъ, русскіе крестьяне въ 1812 году соединились съ своими притѣснителями — боярами и чиновниками, и освободили отечество отъ чужеземныхъ враговъ. Императоръ Александръ I-й мечталъ облагодѣтельствовать всѣхъ своихъ подданныхъ, но на дѣлѣ вышло такъ, что всѣ его благодѣянія посыпались на другіе народы и не коснулись русскаго народа, спасшаго отечество страшнымъ напряженіемъ своихъ силъ. Послѣ безпримѣрной войны 1812 года противъ всей Европы, должна бы возгорѣться страшная ненависть ко всему вражьему — иноземному въ русскихъ людяхъ; но по странному теченію обстоятельствъ, по ложному чужому воспитанію русскаго правительства и высшихъ лицъ, возбудилось противоположное чувство, значительно усилилось иностранное вліяніе въ нашемъ горемычномъ отечествѣ.

«Забвеніе русской исторіи, неуваженіе къ правамъ русской народности, возведеніе національной безличности въ принципъ, въ обязательную высшую ступень *культурнаго* развитія, благоговѣніе къ европеизму, оцѣнка русскихъ интересовъ сквозь призму европейскихъ, фальшиво-либеральныхъ доктринъ и, вслѣдствіе этого, безсознательное служеніе интересамъ чужимъ, въ ущербъ русскимъ, — вотъ гос-

подствующія черты нашей внутренней и внѣшней политики въ царствованіе Александра I-го, даже наперекоръ величавому вразумленію 1812 года». Тогда создавалась Польша и ей хотѣли отдать на жертву всю Бѣлоруссію и Литву, а русскій народъ находился подъ гнетомъ пановъ на Волыны и въ Подоліи. («Русь» 1881 г., № 39).

Иностранное вліяніе, со времени Петра Великаго въ теченіе столѣтія, настолько успѣло проникнуть боярскую жизнь, что военные люди, побывавшіе за границей и въ Парижѣ, уже возненавидѣли народные обычаи, русскіе внутренніе порядки, желали все перестроить на чужой ладъ. Въ этомъ полагали верхъ образованности и либерализма. Оставшіеся въ Россіи плѣнные французы и прибывавшіе изъ-за границы ихъ родичи сдѣлались дорогими гостями въ лучшихъ русскихъ домахъ помѣщичьихъ. Какой нибудь ледащій французикъ изъ Бордо, круглый невѣжда, по выраженію Грибоѣдова:

Лишь ротъ раскрылъ, имѣетъ счастье
Во всѣхъ княженъ вселять участье...

Дѣлая разборъ «Горе отъ ума», Гоголь прекрасно подмѣтилъ, какъ несчастное иностранное вліяніе губитъ и уродуетъ русскихъ людей, сталкивая ихъ на фальшивую дорогу. «Комедія Грибоѣдова, разсуждаетъ онъ, выставила болѣзни отъ дурно-понятаго просвѣщенія, отъ принятія глупыхъ свѣтскихъ мелочей на мѣсто главнаго,—словомъ, взяла донкишотовскую сторону нашего европейскаго образованія, не связавшуюся смѣсь обычаевъ, сдѣлавшую русскихъ не русскими, но иностранцами». (IV, 760.— 61).

Когда русскій народъ выросъ въ своемъ патріотическомъ одушевленіи, многіе изъ дворянъ и чиновниковъ, зараженные тогдашнимъ моднымъ мистицизмомъ, открыли даже въ словѣ *Наполеонъ* апокалипсическія цифры; тогда, съ 1815 года, все внутреннее управленіе Россіи влачилось по чужой

окольной дикой дорогѣ, съ полнымъ пренебреженіемъ и забвеніемъ жизни русскаго народа, который правители считали ничего несмыслящимъ, невѣждой и мягкимъ матеріаломъ въ рукахъ высшихъ образованныхъ сословій (III, 215). Подражательность заграничнымъ нравамъ и обычаямъ, вошедшая въ моду въ столичномъ аристократическомъ кругу, теперь поползла по городамъ и помѣщичьимъ имѣніямъ и всюду приносила извращеніе русской жизни и отзывалась вредно во всѣхъ отношеніяхъ. Иностранное вліяніе стало пропитывать понятія и бытъ чиновниковъ и офицеровъ, такъ что либеральныя идеи запада вскружили горячія головы, которыя начали добиваться установить правленіе Россіи на вольный европейскій манеръ. Бѣгая легкомысленно въ теченіе вѣка за иностранными блестящими формами и звенящими погремушками, русскіе помѣщики забыли все свое народное лучшее въ жизни, разучились молиться на родномъ языкѣ, забросили старую славу и доблесть своихъ предковъ. Горсть военныхъ и бояръ, соглашаясь съ польскими панами, захотѣла помимо народа совершить переворотъ въ Россіи, въ смыслѣ аристократическаго господства. Но такіе фантастическіе замыслы, разумѣется, не могли имѣть успѣха и только принесли вредъ для развитія русскаго общества. Бунтъ декабристовъ вызвалъ лишнія стѣсненія и крайнія строгости со стороны недовольнаго правительства, которое всѣми мѣрами стало преслѣдовать разрушительныя идеи запада, не измѣнивъ внутри Россіи ненужныхъ чужихъ порядковъ на свой ладъ. «Проектъ освобожденія крестьянъ разлетѣлся въ прахъ».

Прежде еще можно было различить въ быту боярскомъ, что свое, доморощенное и что заносное, чужое, а въ царствованіе императора Николая I-го явилась безобразная и неопредѣленная смѣсь. Иностранное вліяніе становится преобладающимъ, всплываетъ поверхъ русскаго незамѣтнаго на-

слоенія и проникаетъ его; теперь начинаетъ развиваться презрѣніе къ отечественной старинѣ, нравамъ и обычаямъ, усвояются — съ грѣхомъ пополамъ — идеи чужой философіи и развивается вкусъ къ европейской поэзіи; а свое народное, какъ невѣжественное и мужичье, втоптывается въ грязь; наконецъ, даже изученіе Россіи для многихъ не представляло никакого интереса. По наблюденіямъ Гоголя, еще «никогда не бывало въ Россіи такого необыкновеннаго разнообразія и несходства въ мнѣніяхъ и вѣрованіяхъ всѣхъ людей, никогда еще различіе образованія и воспитанія не оттолкнуло такъ другъ отъ друга и не произвело такого разлада во всемъ.

Сквозь все это пронесся духъ сплетней, пустыхъ новозаносныхъ выводовъ, глупѣйшихъ слуховъ, одностороннихъ и ничтожныхъ заключеній,—все это сбило и спутало до того у каждаго его мнѣнія о Россіи, что рѣшительно нельзя вѣрить никому. Всѣ сословія перессорились сами съ собою, какъ кошки съ собаками, даже добрые и честные люди между собою въ разладѣ (IV, 656 — 58). Теперь снесены къ намъ итоги всѣхъ вѣковъ и, какъ неразобранный товаръ, сброшены въ одну безпорядочную кучу; вихрь недоразумѣній обуялъ всѣхъ и никто не въ силахъ судить другъ друга (IV, 772—810). «Я замѣтилъ, что у всякаго почти образовалась въ головѣ своя собственная Россія, и оттого безконечные споры... Въ провинціяхъ даже имя *Россія* не раздается на устахъ, раздается, что прочитано въ новѣйшихъ романахъ, переведенныхъ съ французскаго. Нечего таить грѣха, — всѣ мы очень плохо знаемъ Россію» (IV, 239, 662, 809).

По вступленіи на престолъ Николая Павловича, большинство образованныхъ людей не сомнѣвалось, что молодой государь пойдетъ по пути преобразованій и откроетъ дорогу русскимъ, а не нѣмцамъ и полякамъ.

Какъ ни усиливалось правительство оберегать общество отъ тлетворныхъ идей запада,—онѣ свободно проникали въ кругъ образованныхъ людей; власти считали необходимымъ вести дѣла втайнѣ, не говорить правды и скрывать злоупотребленія и несчастья въ разныхъ мѣстахъ Россіи, но шила въ мѣшкѣ не утаишь: обо всѣхъ недостаткахъ не только передавали другъ другу и сообщали въ иностранныя изданія, но, не зная точно обстоятельствъ, говорили и писали съ прибавками, для униженія правительства. Поэтому Гоголь давалъ совѣтъ умнымъ начальникамъ: «Вся русская земля взываетъ о помощи (*противъ злоупотребленій*). Не скрывайте дѣла, объясните всю правду. Зачѣмъ заставлять узнавать то же самое изъ лживыхъ иностранныхъ газетъ и давать сорванцамъ кружить головы?» (IV, 720).

Обѣщаясь на словахъ Государю въ преданности новому отечеству, заносчивые и нерѣдко бездарные сановники-иностранцы на дѣлѣ пылали любовью исключительно къ личнымъ выгодамъ и безцеремонно набивали карманы подъ предлогомъ доставить благодѣянія Россіи. Гоголь отлично видѣлъ весь страшный вредъ отъ иноземныхъ правителей и возмущался до глубины души, какъ посредствомъ новыхъ западныхъ теорій и громкихъ проектовъ объ улучшеніяхъ дурачили русскихъ администраторовъ и грабили казну. Россія несчастна, говорилъ онъ съ грустью, отъ наглой неправды; закружился въ ней вихрь запутанностей, которыя застѣнили всѣхъ другъ отъ друга и отняли почти у каждаго просторъ дѣлать добро и пользу истинную своей землѣ, при видѣ повсемѣстнаго помраченія и всеобщаго уклоненія всѣхъ отъ духа земли своей, при видѣ этихъ безчестныхъ плутовъ, продавцовъ правосудья и грабителей, которые какъ вороны налетѣли со всѣхъ сторонъ клевать еще живое наше тѣло и въ мутной водѣ ловить свою презрѣнную выгоду» (V, 721). Гоголь не щадитъ и русскіе высшіе классы

общества, которые стали думать и разсуждать по заграничному о своемъ отечествѣ, править и командовать русскимъ народомъ, не имѣя объ немъ ни малѣйшаго понятія и не желая изучать его жизнь и дѣятельность.

Съ удивленіемъ онъ отмѣчаетъ фактъ: «Велико незнаніе Россіи. Все живетъ въ иностранныхъ журналахъ и газетахъ, а не въ землѣ своей. Городъ не знаетъ города, человѣкъ человѣка; люди, живущіе за одной стѣной, кажется, какъ-бы живутъ за морями... Вотъ уже полтораста лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ Государь Петръ I-й *прочистилъ намъ глаза чистилищемъ просвѣщенія европейскаго*, но такъ же пустынны наши пространства и безпріютно все вокругъ насъ, точно мы не у себя дома, подъ родною крышею, а остановились безпріютно на проѣзжей дорогѣ и дышетъ намъ отъ Россіи не радушнымъ пріемомъ братьевъ, но холодною, занесенною вьюгой почтовой станціи» (IV, 641, 662).

По историческимъ обстоятельствамъ и по своему служебному положенію, русское дворянство ранѣе и сильнѣе стало пропитываться иностраннымъ вліяніемъ, сравнительно съ другими классами общества. Поэтому Гоголь, естественно, больше отмѣчаетъ въ своихъ произведеніяхъ иноземные порядки, нравы и обычаи на чужой ладъ при изображеніи быта помѣщиковъ.

Петръ В., желая образовать у насъ дворянство по образцу иностранному, создалъ *шляхетство*, лишенное старинныхъ правъ русскихъ бояръ и нисколько непохожее на западно-европейскую аристократію; онъ размножилъ только ея численность, далъ ей подъяческій характеръ и сдѣлалъ гордой и заносчивой не заслугами личными или дѣяніями своихъ родовитыхъ предковъ, а внѣшними отличіями, чинами, орденами и мундирами. Табель о рангахъ, самая безсмысленная для русскихъ лѣстница изъ 14 ступеней, перепутала здравыя понятія человѣческія и давала потомствен-

ное дворянство за чинъ 8-го класса, какимъ бы путемъ онъ ни былъ достигнутъ. Всѣ потомки прежнихъ служилыхъ людей признаны тоже дворянами, хотя бы не имѣли личныхъ заслугъ; а за службу стали раздавать титулы европейской аристократіи, производили въ княжеское, графское, баронское званіе, вводили майоратъ, установили гербы и учредили герольдмейстерство. Такъ искусственно расплодилось русское дворянство, основанное на чиновно-бюрократическихъ началахъ, съ прибавкой иностранныхъ внѣшнихъ отличій чужой аристократіи. Такое дикое растеніе стало быстро заглушать народные взгляды на общественую дѣятельность и усиливать крѣпостное право.

Не получая вознагражденія за службу помѣстьями, какъ было раньше, а деньгами, и притомъ въ ничтожномъ количествѣ, и не имѣя средствъ купить крестьянъ съ землей,— многіе оставались личными дворянами. Отсюда расплодилось чиновничество и приказное сѣмя.

Въ русской землѣ никогда не существовало благопріятныхъ историческихъ условій для зарожденія и процвѣтанія аристократіи, какая выдвинулась въ государствахъ Западной Европы; народъ терпѣть не могъ несроднаго его представленіямъ боярскаго элемента и жестоко преслѣдовалъ его, считая враждебнымъ для царя и отечества, потому что по опыту зналъ, какъ горько доставалось ему отъ этой власти доморощеннаго высшаго сословія.

Несмотря на всѣ всприскиванья живой водой русскаго дворянства въ царствованіе Екатерины II-й, оно не переродилось въ западно-европейскую аристократію, хотя старалось корчить изъ себя таковую. Гоголь отчетливо понималъ, что русское дворянство образовалось совсѣмъ иначе, нежели въ другихъ земляхъ: «Началось оно не насильственнымъ приходомъ, въ качествѣ вассаловъ съ войсками, всегдашнихъ оспаривателей верховной власти и вѣчныхъ угнетателей со-

словія нисшаго; началось оно у насъ вѣчными выслугами, основанными на достоинствахъ нравственныхъ, а не на силѣ. Въ нашемъ дворянствѣ нѣтъ гордости какими-нибудь преимуществами своего сословія, какъ въ другихъ земляхъ; нѣтъ спѣси нѣмецкаго дворянства: хвастаются своимъ родомъ развѣ какіе-нибудь англоманы, которые заразились этимъ на время, во время проѣзда черезъ Англію... Многіе русскіе дворяне не знаютъ своего званія, другіе—едва о немъ догадываются, третьи — берутъ себѣ въ идеалъ дворянство государствъ иностранныхъ, четвертые—даже не задаютъ себѣ вопроса: нужно ли на свѣтѣ дворянство?» (IV, 718—720). Впрочемъ, не одинъ Гоголь, въ свое время, такъ прямо отзывался о русскихъ помѣщикахъ.

Съ глубокой скорбію и грустнымъ сожалѣніемъ видѣлъ также и Пушкинъ упадокъ доблести между русскимъ дворянствомъ, раззорительную жизнь въ столицахъ, пустую и ничтожную, и какъ постепенно забывались и сдѣлались чуждыми *историческіе звуки* русскому вѣтреному боярину, который

Теряетъ грамоты царей,
Какъ старый сборъ календарей.

Поэтъ сокрушался, что строятъ помѣщики новые дома безвкусной архитектуры съ цвѣтными вывѣсками, не живутъ дружно между собою и нейдетъ имъ въ прокъ вся эта заморская подражательность.

Мнѣ жаль, что мы, рукѣ наемной
Дозволя грабить свой доходъ,
Съ трудомъ въ столицѣ круглый годъ
Влачимъ ярмо неволи темной,
И что *спасибо* намъ за то
Не скажетъ, кажется, никто...
Что наши села, нужды ихъ
Намъ вовсе чужды; что науки
Пошли не въ прокъ намъ, что спроста
Изъ баръ мы лѣземъ въ tiers-état,

Что нищи будутъ наши внуки...
Что не живемъ семьею дружной,
Старѣя близъ могилъ родныхъ,
Въ своихъ помѣстьяхъ родовыхъ,
Гдѣ въ нашемъ теремѣ забытомъ
Растетъ пустынная трава...

Въ началѣ царствованія Николая I-го, мы встрѣчаемъ нелестные приговоры о русскихъ помѣщикахъ и административныхъ лицъ не изъ ихъ среды; такъ, одинъ доноситъ: «Высшіе классы общества у насъ самые дурные... Дворянство должно было бы подавать примѣръ во всемъ, что касается улучшенія порядка вещей, а между тѣмъ оно не рѣшается приняться за это и съ большимъ стараніемъ заняться необходимыми дѣлами. Молодежь ужасно дурно воспитана и заражена идеями новаторовъ нынѣшняго вѣка; семейныя узы утратили свою силу и вслѣдствіе этихъ идей, и вслѣдствіе общаго эгоизма... Люди, одержимые эгоизмомъ, столько же думаютъ объ общественномъ дѣлѣ, какъ объ австрійскихъ владѣніяхъ...» *). Отъ мотовства помѣщиковъ, проживавшихъ свое состояніе, страдала народная торговля и промышленность.

Имѣя высокое понятіе о простомъ русскомъ человѣкѣ-богатырѣ и предвидя великое будущее неизмѣримой земли своей, просторной для подвиговъ богатырскихъ,—Гоголь тѣмъ съ большимъ жаромъ и силой насмѣшки вооружился противъ тормозящаго иностраннаго вліянія, отъ котораго становился человѣкъ искуственнымъ межеумкомъ и дряннымъ лежебокомъ и бѣлоручкой. Онъ съ досадой наблюдалъ, что русское дворянство давно идетъ ложной дорогой, и хотѣлъ повернуть его на путь доморощенный, «ввести въ истинное познаніе своего званія, прекраснаго въ ядрѣ своемъ, несмотря на

*) Донесенія Фока 1826 г. *Русская Старина.* 1881 г. X, 304, 321, 322.

безобразящую его шелуху», возобновить старинную связь между помѣщикомъ и крестьяниномъ въ духѣ любви и общихъ интересовъ, на подобіе отношеній отца къ дѣтямъ. Но, видимо, онъ самъ плохо вѣрилъ въ возможность достиженія этой цѣли, потому что высказалъ прямо: «Никакой мудрецъ теперь не можетъ знать, какъ съ дворянами быть» (IV, 719).

Русскіе бояре не подозрѣвали, что у насъ весь общественный бытъ сложился своеобразно, и гнуть его на иноземный ладъ—значитъ тратить силы и средства по пустякамъ, задерживать естественное развитіе производительности и богатства, вводить путаницу въ гражданскій строй, создавать безумно новыя явленія неестественныя, водворять совсѣмъ ненужный порядокъ вещей, для котораго нѣтъ благопріятной почвы и условій. Помѣщики взяли готовую культуру съ запада съ самой невыгодной мишурной стороны внѣшней, а сами не позаботились потрудиться надъ выработкой своего склада развитія, самостоятельной цивилизаціи. По чужимъ образцамъ они хвалились родословіями, о которыхъ Гоголь говоритъ, что это въ хозяйствѣ—вещь лишняя, что теперь всякая чушь думаетъ, что онъ аристократъ. Условія да приличія сколько людей погубили (III, 326; II, 425). У иностранной аристократіи была борьба съ королями,—и русскіе дворяне мечтали, по крайней мѣрѣ, вступить въ споръ съ царемъ. Въ послѣднее время, сообщаетъ Гоголь, возстановился даже въ дворянствѣ нѣкоторый духъ недовѣрія къ правительству, будто оно ищетъ обезсилить значеніе бояръ и довести ихъ до ничтожества. Выходцы за границу и недоброжелатели Россіи писали въ чужестранныхъ газетахъ, чтобы заронить вражду между дворянствомъ и правительствомъ: государю показать партію фанатическихъ бояръ, оспаривающихъ самую власть, а дворянству показать, что государь не благоволитъ къ нему и не любитъ этого званія. Власть Монарха въ Европѣ отрицается, а русскіе никогда

не могутъ быть враждебны съ царемъ (IV, 603, 605, 718—19). Образовавъ искусственно на иноземную стать сословіе особаго благороднаго происхожденія, хотя бы роды свои вели отъ мурзъ татарскихъ и старшинъ мордовскихъ,—бояре русскіе старались подняться на приличную высоту и выдѣлиться изъ простаго русскаго народа. Отличнымъ средствомъ для этого служило имъ чужое образованіе, не русскіе мужичьи порядки и обычаи, а заморскія правила цивилизованныхъ народовъ. Они взялись устраивать свои помѣстья на иностранный манеръ, вводили особыя системы управленія крестьянами при посредствѣ нѣмцевъ управляющихъ, которые были самыми деспотическими распорядителями крестьянъ. Поэтому образовались у крестьянъ къ помѣщикамъ фальшивыя и ложныя отношенія, по словамъ Гоголя, «во время ихъ позорной беззаботности о своихъ собственныхъ помѣстьяхъ, преданныхъ въ руки наемниковъ и управителей» (IV, 721). Подражая европейскимъ магнатамъ, нѣкоторые изъ русскихъ господъ стали устраивать своимъ деревнямъ школы, больницы, богадѣльни, мастерскія съ изящными вывѣсками, потому что это считалось модой и шикомъ: въ Питерѣ можно было объѣхать всѣхъ своихъ знакомыхъ и похвастать: «Теперь у меня, батюшка, въ вотчинѣ все заведено по аглицки: отмѣнный порядокъ и довольство!...» И все это благоустройство сельское чрезъ два-три мѣсяца забывалось; не вылечивъ и не выучивъ ни одного крестьянина, благодѣтельныя учрежденія наглухо заколачивались, и стояли эти памятники попеченія помѣщичьяго неприкосновенно, пока не разваливались совсѣмъ. При такомъ странномъ положеніи, въ которое поставили себя помѣщики, естественно, возродилось ихъ желаніе казаться выше русскаго народа, надъ которымъ господствовали, а средствомъ выбрали верхушки западной цивилизаціи. Формы чужой жизни, не похожія на русскія, возбуждали въ нихъ надутость своимъ дешевымъ образованіемъ, сравнительно

съ простонародьемъ: «И когда я вспомню, говоритъ провинціалъ у Гоголя, представлю себѣ, какъ гордыми сдѣлало насъ европейское наше воспитаніе, вообще какъ скрыло насъ отъ самихъ себя, какъ свысока и съ какимъ презрѣніемъ глядимъ мы на тѣхъ, которые не получили подобной намъ наружной полировки, какъ всякій изъ насъ ставитъ себя чуть не святымъ, о дурномъ говоритъ вѣчно въ третьемъ лицѣ,— то, признаюсь, невольно становится грустно на душѣ...» (II, 442). Большею частью помѣщики жили въ деревнѣ и забыли совсѣмъ о ея дѣйствительныхъ нуждахъ и состояніи. Избалованные безпощаднымъ рабствомъ, напыщенные мелкимъ своевластіемъ, поощряемые безнаказанностью произвола въ отношеніи нисшихъ, русскіе бояре переходили къ униженію и лакейству передъ высшими; не имѣя внутренняго самостоятельнаго развитія, они руководились цѣлью наживы или раболѣпіемъ и насиліемъ.

Какъ Измайловъ-генералъ прославился личными безобразіями, въ царствованіе Александра I-го, такъ елатомскій помѣщикъ, А. М. Кошкаровъ, отличался крайнею жестокостью къ крѣпостнымъ и грубымъ, необузданнымъ развратомъ: онъ жилъ въ с. Бесѣдкахъ въ 1830—50-хъ годахъ. Жена его была также мучительница, какъ и мужъ, и напоминала Салтычиху. Когда предали Кошкарова суду, всѣ помѣщики уѣзда вступились за него, и дѣло о его варварствахъ кончилось ничѣмъ. Въ 1827 г. тамбовскіе мелкіе помѣщики подражали въ произволѣ крупнымъ: истязали крестьянъ, мучили ихъ на работѣ, насиловали дѣвицъ, убивали до смерти, жгли волосы на головѣ и лицо. При первой жалобѣ, господинъ обвинялъ крестьянъ въ бунтѣ и имъ же доставалось. Министръ Внутр. Дѣлъ, Закревскій, между тѣмъ, строжайше внушалъ въ своихъ предписаніяхъ мѣстнымъ властямъ, чтобы крестьяне не питали несбыточныя

надежды на волю; такихъ лицъ онъ называлъ злонамѣренными и развратными *).

По своему самолюбію, они считали народъ круглымъ невѣждой, нѣкоторые даже заботились о его образованіи, писали ненужныя книжки, въ которыхъ старались внушить крестьянамъ, чего сами не имѣли: благоговѣніе къ православію, повиновеніе верховной власти и любовь къ отечеству. Народъ русскій представлялся имъ опаснымъ пролетаріемъ и либеральнымъ рабочимъ, какъ на западѣ Европы, который можетъ колебать верховную власть и уничтожить спасительные порядки, подъ которыми разумѣлись крѣпостныя цѣпи. Эта боязнь сильно возбуждалась въ нихъ, когда носились слухи о неповиновеніи крестьянъ, вынужденныхъ раззореніемъ и тиранствомъ господъ. Императоръ Николай I, замѣтивъ, что началось слишкомъ много вспыхивать крестьянскихъ бунтовъ противъ помѣщиковъ и обнаруживаться убійствъ нѣмцевъ-управляющихъ,—задумалъ-было, въ сороковыхъ годахъ, смягчить формы крѣпостного насилія и предложилъ въ трехъ губерніяхъ самимъ помѣщикамъ подумать объ этомъ на съѣздахъ; но они собрались, покутили, посмѣялись надъ предложеніемъ и не заикнулись объ улучшеніи положенія крестьянъ. Питая ложныя европейскія убѣжденія, что дворянство составляетъ главное основаніе для прочности русскаго государства и несокрушимую опору престола, оплотъ противъ буйныхъ и безпорядочныхъ массъ народныхъ, они, напротивъ, не имѣли глубокой любви къ отечеству, увлекаясь западомъ, вели жизнь бездѣльную, воспитывались на всякой иноземной болтовнѣ, разучились понимать русскій народъ и презирали родной бытъ. Ѳ. М. Достоевскій прекрасно отозвался объ этихъ Собакевичахъ съ компаніей: «Души народной, того, чего народъ жаждетъ, чего молит-

*) Древн. и Нов. Рос. 1877 г. № 1, стр. 127—8, 399—401.

венно просить, они и не подозрѣвали, потому что страшно презирали народъ. Да и душу-то они въ немъ отрицали даже, кромѣ развѣ *ревизской*». Самую натуру барина считали особенной сравнительно съ крестьянской; Хлестаковъ доказывалъ, что ему ѣсть хочется, весьма убѣдительно и прибавилъ: «Думаетъ, что ему, мужику (*трактирщику*), день не поѣсть—ничего...» (II, 202). Имъ—распорядителямъ народа—и въ голову не приходило, что вся сила Россіи въ крестьянахъ, а они составляютъ дикій наростъ на ея тѣлѣ; о русскихъ дворянахъ еще въ концѣ XVII стол. Шакловитый выразился, какъ *о зяблыхъ деревьяхъ*; слѣдовательно народъ русскій есть могучій дубъ, который поспоритъ и поборется съ любой страшной бурей: понесется ли она со стороны Польши, Турціи и проч., заберется ли внутрь Россіи, въ видѣ мороваго повѣтрія, извѣстнаго подъ именемъ *подражательности иностранцамъ*.

Кромѣ помѣщиковъ, Гоголь долго останавливалъ свое вниманіе на жизни чиновниковъ, сложившейся по иностранному образцу въ самыя уродливыя формы. Извѣстно, что русскій народъ отшатнулся отъ заграничныхъ нововведеній Петра Великаго и посматривалъ на нихъ съ ненавистью, какъ на зловредныя, и вотъ царю надо было много ближайшихъ подручныхъ слугъ; иноземная бюрократическая система была готова къ его услугамъ, и монархъ вздумалъ разсаживать нѣмецкое чиновничье растеніе на русской землѣ, и отродилось въ изобиліи знаменитое крапивное сѣмя, особенно въ царствованіе Николая Павловича. Гоголь отлично изображаетъ состояніе чиновниковъ тогдашняго времени, какъ спутался весь ихъ здравый смыслъ въ иноземныхъ формальностяхъ, такъ что вся ихъ дѣятельность лишена была жизненнаго начала и вертѣлась на внѣшности. Сравнивая черты произведеній этого талантливаго писателя съ

историческими свидѣтельствами, мы признаемъ мемуарами и самыя сочиненія его. Онъ на живыхъ лицахъ показываетъ, какъ отвлеченныя начала нѣмецкаго склада, искусственнаго сочинительства бюрократическихъ указовъ и предписаній высоко носились надъ жизнью народной и саморазвитіемъ русскаго человѣка. Тайная и недоступная для массы чиновничья работа, бумажное рѣшеніе дѣлъ, безъ справокъ съ жизненнымъ бытомъ, отталкивали и пугали крестьянъ и тяжело отзывались на ихъ судьбѣ. Не напрасно сложились пословицы: «Въ лѣсу сучья, въ судѣ крючья... Что и законъ, когда судья знакомъ». Гоголь показываетъ на практикѣ, что предсѣдатель казенной палаты для своихъ знакомыхъ «могъ продлить и укоротить по его желанію присутствіе, подобно древнему Зевесу Гомера, длившему дни и посылавшему быстрыя ночи, когда нужно было прекратить брань любезныхъ ему героевъ или дать имъ средство додраться» (III, 143). Изъ чиновниковъ тогдашнихъ рѣдкій сомнѣвался, что непросвѣщенный народъ существуетъ для безпрекословнаго повиновенія сочиненнымъ ими приказамъ и для доставленія обезпеченія и удобствъ жизни всѣмъ многочисленнымъ сочинителямъ, скрѣпителямъ, шнурователямъ и переписчикамъ этихъ умныхъ указовъ. Еще графъ Мордвиновъ старался разубѣдить подъячихъ, что не народъ существуетъ для правительства, а правительство для блага народа: но, какъ видно, напрасно. Начиная съ министра и кончая чуть не сельскимъ писаремъ, весь управительный классъ Россіи корчилъ изъ себя существо, образованное на европейскій ладъ, не желая знать тяжелаго горя, потребностей и заботъ народа, въ который нерѣдко стрѣляли, когда онъ умолялъ о пощадѣ и облегченіи злой доли.

Чиновники совсѣмъ не знали потребностей народнаго развитія и старались образовывать крестьянъ по своей мѣркѣ, толкая ихъ на путь неестественнаго житья или собствен-

наго мнимаго образованія. До какой нелѣпости доходили заботы администраціи о просвѣтительной экономіи народа, показываетъ исторія съ введеніемъ картофеля. Чиновники прослышали, что въ Европѣ картофель сильно распространился, замѣняетъ хлѣбъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и изъ него гонятъ водку. Не разузнавши хорошенько, будетъ ли полезно и выгодно разведеніе этого корнеплоднаго растенія въ широкихъ размѣрахъ на поляхъ Россіи,—начальство стало принуждать крестьянъ разводить его. Крестьяне тотчасъ сообразили, что садить картофель невыгодно и трудно соблюдать его отъ мороза—и отказались повиноваться начальству, которое приписало этотъ отказъ невѣжеству крестьянъ и непониманію ими своей пользы. Стали принуждать къ посѣву наказаніями; тогда возникли картофельные бунты, которые усмиряли военными командами. Такое непрактическое отношеніе къ дѣлу и руководство однимъ своимъ самолюбіемъ мы встрѣчаемъ и въ лицахъ высшаго управленія въ николаевское царствованіе.

Въ 1826 г. дѣльные люди разсказывали:

«Новыя постановленія по финансовой части подтачиваютъ торговлю въ самомъ корнѣ и подавляютъ зарождающуюся промышленность. Министръ вообразилъ, что суммы, образуемыя денежными штрафами, составляютъ обильный источникъ доходовъ, и не смотря на то, что опытъ доказываетъ противное,—онъ не хочетъ сознаться въ своей ошибкѣ. По его мнѣнію, пусть терпитъ государство, лишь бы только онъ былъ правъ!»

...Какой-нибудь министръ, располагающій громадными средствами, могъ бы пользоваться ими во славу себѣ и своему отечеству, если бы былъ человѣкомъ съ душой и возвышенными чувствами; но, увлекаемый пожирающимъ его честолюбіемъ, онъ не можетъ ни на чемъ остановиться и бросаетъ начатое дѣло, какъ только увидитъ, что не смѣетъ

плутовать. Приближенные и челядь подобныхъ личностей слѣдуютъ примѣру своихъ патроновъ...»

«Министры и люди, занимающіе хорошія мѣста, не хотятъ пожертвовать общему благу ни своимъ вліяніемъ, ни своею властью. Ихъ кліенты и подчиненные слѣдуютъ тому же примѣру, а общественное дѣло страдаетъ тѣмъ сильнѣе, что нѣтъ никакой утѣшительной надежды въ будущемъ»... Общество недовольно министромъ финансовъ и его управленіемъ: развѣ изъ тысячи десять подымутъ голосъ въ его пользу? «Капризы и упрямство Канкрина по прежнему будутъ раззорять нашу торговлю и промышленность»... Говорятъ, что въ губерніяхъ, образующихъ кругъ генерала Балашова, безпорядки и растраты доходятъ до такой степени, что придется до основанія разрушить все, устроенное имъ, чтобы имѣть возможность исправить зло, пустившее глубоко корни. «Никто не возбуждаетъ такой ненависти, какъ графъ Аракчеевъ. Въ сороковыхъ годахъ, когда латыши принимали православіе, военный министръ Чернышевъ сталъ вмѣшиваться въ остзейскіе распорядки, потому что не ладилъ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ и старался ему противодѣйствовать. Графъ Протасовъ хотѣлъ схватить по этому дѣлу ленту; генералъ-губернаторъ Головинъ оказался слабымъ и подчиненъ нѣмцамъ; одинъ Перовскій смотрѣлъ широко на это дѣло» *).

Гоголь, конечно, много зналъ разныхъ фактовъ о дѣйствіяхъ правительственныхъ лицъ и судитъ о нихъ сообразно съ историческими данными: по его взгляду, одинъ поторопился дѣломъ, желая слишкомъ скоро прославиться и схватить орденишку; другой рванулся сгоряча, желая показать свое самоотверженіе; третій, не спросясь разума, какъ зна-

*) Рус. Старина 1881, IX, 315; XI, 531—2, 537, 534. Донесенія М. М. Фока. 1826 г. Рус. Арх. 1881. III, 97.

токъ дѣла, сталъ ворочать имъ—и быстро остылъ, увидѣвши неудачу. Мелочи честолюбія и раздражающагося легко эгоизма преслѣдуютъ на всѣхъ путяхъ русскихъ дѣятелей и каждый изъ нихъ служитъ себѣ, а не землѣ своей (IV, 642—43). Въ своей «Повѣсти о капитанѣ Копѣйкинѣ» онъ охарактеризовалъ недотрогу военнаго министра, который вспылилъ, что человѣкъ, лишившійся на войнѣ руки и ноги, настойчиво просилъ пособія, потому что ему пить и ѣсть было нечего (III, 421, 423).

Воспитываясь за границей или въ столицахъ на нѣмецкой наукѣ, правители русскіе выростали вдали отъ народа и судили о немъ по чужимъ крестьянамъ; поэтому Гоголь совѣтуетъ начинать службу въ средѣ народа, знакомиться съ духомъ земли своей, а не заимствовать изъ чужихъ земель намъ неприличныхъ нововведеній... Мысли о финансахъ основывались на чтеніи иностранныхъ книгъ, а потому это — мертвыя мысли; умные люди не развивались самобытно, а старались забить умъ свой чужеземнымъ навозомъ. Такіе люди съ прекрасными намѣреніями натворили много зла и собственный умъ сдѣлали чужестранцемъ себѣ, горды стали чужимъ, мертвымъ умомъ, выдавая его за свой (IV, 700, 705—6). Къ мужикамъ надо относиться прямо и искренно, а не съ какими-либо европейскими или иными затѣями; начальнику съ подчиненными слѣдуетъ знакомиться изъ личныхъ разговоровъ. «Какъ можно промѣнять такой разговоръ на пустые газетные толки и мертвыя рѣчи о всякомъ враньѣ, набираемомъ изъ лживыхъ европейскихъ журналовъ!» (IV, 678, 717). Самые законы русскіе, по примѣру иностранныхъ, ворвались въ область народную самобытныхъ юридическихъ обычаевъ и священную область совѣсти человѣка. По наблюденіямъ Гоголя, у насъ стала заводиться заграничная моль—ябеда и отъявленные плуты-юрисконсульты иностраннаго просвѣщенія; за то нѣтъ еще

европейской ненависти къ преступнику, который считается у насъ несчастнымъ (IV, 545, 609, 700; III, 368—71).

Зорко взглянулъ Гоголь въ чиновничью душу и указалъ въ ней самое чувствительное мѣсто, гдѣ отзывались боязнь непріятныхъ толковъ иностранцевъ о Россіи или восторгъ, когда они гладили по головѣ русскихъ, разумѣется, съ цѣлью провести ихъ за носъ и залѣзть половчѣе въ карманъ. Дѣйствительно, эту несчастную слабость мы замѣчаемъ во всѣхъ членахъ высшей и нисшей петербургской администраціи 2-й четверти XIX столѣтія. Писатель-художникъ, говоря о помощи казенной истины къ художникамъ-живописцамъ, замѣчаетъ сатирически: «Чиновникъ станетъ утверждать, что для поддержанія чести русской націи нужно задать пыли иностранцамъ, и потребуетъ на это деньги» (IV, 693).

Даже многіе изъ русскихъ дѣльныхъ чиновниковъ постоянно оглядывались на мнѣнія иноземныя; въ 1845 г. лифляндскіе крестьяне присоединялись къ православію, а помѣщики просили войска для безопасности. Чиновникъ разсуждаетъ: «Если бы правительство выслало въ Лифляндію войска, то лютеране не преминули бы утверждать, что присоединеніе къ церкви происходитъ подъ вліяніемъ русскихъ штыковъ: мнѣніе, которое бы, безъ сомнѣнія, нашло отголосокъ въ Европѣ»... Пристрастная западная Европа срамомъ покроетъ это дѣло *). «Ну, чортъ съ ней!» сказали бы мы теперь; но тогда другое было воззрѣніе, которое метко рисуетъ Гоголь.

«А что скажутъ иностранцы?» торчалъ въ головѣ каждаго неотразимый вопросъ, потому что боялись глубоко устремленнаго взора, страшились сами устремить на что-нибудь глубокій взоръ, любили скользнуть по всему неду-

*) Рус. Архивъ 1881 г. III, 89, 95.

мающими глазами (III, 256 — 8). Такимъ образомъ иностранное вліяніе во всемъ произвело путаницу, искаженіе взгляда и направило дѣятельность порядочныхъ людей по чужой дорогѣ, въ ущербъ выгодамъ отечества; особенно это замѣтно на русской дипломатіи времени Николая I-го, которая находилась въ рабскомъ подчиненіи распоряженіямъ иностранныхъ государствъ. Такъ, напримѣръ, во внѣшней политикѣ Нессельроде дѣйствовалъ въ пользу иноземцевъ и совершенно не понималъ стремленій и задачъ Россіи, и не подозрѣвалъ, когда его водили за носъ. Преслѣдуя славянофильство въ сороковыхъ годахъ, онъ считалъ великой мудростью поддерживать неприкосновенность Турціи и угнетать славянъ, отдавая ихъ въ рабство Австріи. Въ отчетѣ 1845 г. онъ хвалился высотой своихъ взглядовъ политическихъ: «На востокѣ мы поддерживаемъ вмѣстѣ съ Австріей независимость и неприкосновенность Оттоманской имперіи; мы присоединяемъ наши усилія къ ея стараніямъ, чтобы открыть потаенные планы, подготовляемые въ Болгаріи, Албаніи и въ другихъ провинціяхъ коноводами французской и польской пропаганды, принявшей маску славянофильства» (*Мартенса* «Собраніе трактатовъ». Т. IV, I, 501, 539).

Очевидно, Нессельроде смотрѣлъ на дѣло какъ школьникъ, по указанію своихъ вѣнскихъ учителей, и наносилъ Россіи такой громадный вредъ, какой способенъ причинить ей самый злѣйшій врагъ.

Посланные за границу для изученія славянской науки, молодые русскіе ученые не нашли сочувствія у своихъ земляковъ-дипломатовъ; напримѣръ, наше турецкое посольство въ 1844 г. не оказало никакой поддержки извѣстному профессору В. И. Григоровичу, а потомъ правительство не разрѣшило ему и заграничную поѣздку, вѣроятно, боялось подать поводъ Австріи — укорять въ распространеніи славянофильства. Да и такіе профессора русской исторіи, какъ

Н. А. Ивановъ, тоже не придавали значенія славянской наукѣ *).

Какой злой ироніей проникнутъ у Гоголя разсказъ о приготовленіи дѣтей въ дипломаты, когда они еще не умѣли утереть своего носа. Маниловъ, помѣщикъ, старшаго 7-лѣтняго сына уже прочилъ по дипломатической части и спрашивалъ:

«Өемистоклюсъ! хочешь быть посланникомъ?»

— Хочу, отвѣчалъ Өемистоклюсъ, жуя хлѣбъ и болтая головой направо и налѣво.—

Въ это время стоявшій позади лакей утеръ посланнику носъ и хорошо сдѣлалъ, иначе бы канула въ супъ препорядочная посторонняя капля (III, 28).

Не менѣе злая насмѣшка сквозитъ въ очеркѣ, что въ иностранной петербургской коллегіи самый подборъ чиновниковъ, «которые отличаются благородствомъ своихъ занятій и привычекъ», дѣлали не по талантамъ и заслугамъ, а по красивой физіономіи и все—иностранцевъ. На Невскомъ проспектѣ, пишетъ Гоголь, «вы встрѣтите бакенбарды: единственные, пропущенные съ необыкновеннымъ и изумительнымъ искусствомъ подъ галстухъ; бакенбарды бархатные, атласные, черные какъ соболь или уголь, но увы! принадлежащіе только одной иностранной коллегіи. Служащимъ въ другихъ департаментахъ провидѣніе отказало въ черныхъ бакенбардахъ: они должны, къ величайшей непріятности своей, носить рыжіе» (IV, 155). Въ одномъ изъ своихъ писемъ Гоголь прямо выражаетъ мысль, что русскіе дипломаты ѣдутъ за границу не съ цѣлью—защищать наши интересы и принести пользу отечеству, а порисоваться передъ Европой и сдѣлать изъ себя историческое лицо» (IV, 707).

---

*) Древн. и Нов. Рос. 1877 г. № 2, 75—7.

Мелкое чиновничество тянулось за крупнымъ и подражало ему во всемъ. «Такъ ужъ на святой Руси все заражено подражаніемъ, всякій дразнитъ и корчитъ своего начальника» (II, 109). Поэтому оно не имѣло никакихъ земскихъ связей ни съ дворянствомъ, ни съ торговцами, ни съ народомъ; созданное искуственно на бюрократическій нѣмецкій ладъ, оно размножало классъ нищихъ въ Петербургѣ, какъ прекрасно изображено въ повѣсти «Шинель» Гоголя.

Всѣ чины, всѣ знаки отличія чиновники имѣли нѣмецкіе, которые такъ же относились къ русской жизни, какъ къ китайскимъ мандаринамъ, что подавало постоянный поводъ сатирическому писателю глумиться надъ всѣми дикими сокровищами подъяческаго вкуса, начиная съ мундира. «Досаднѣе всего, разъясняетъ Гоголь, что чортъ, вѣрно, воображаетъ себя красавцемъ, между тѣмъ какъ фигура — взглянуть совѣстно... Спереди совершенно нѣмецъ; но за то сзади — настоящій губернскій стряпчій въ мундирѣ: потому что у него висѣлъ хвостъ, такой острый и длинный, какъ теперешнія мундирныя фалды» (I, 104, 106). Особенно потѣшали его чины и уваженіе къ нимъ, какъ будто чиновная кличка измѣняетъ достоинства человѣка и отъ ранга онъ дѣлается лучше и умнѣе. У русскаго человѣка, остритъ писатель, сильная страсть знаться съ тѣмъ, который хотя бы однимъ чиномъ былъ его повыше: онъ могъ простить все, что ни говорили о немъ самомъ, но никакъ не извинялъ, если это относилось къ чину или званію. Попробуйте сказать, что попадается гусь между дѣйствительными статскими совѣтниками, такъ сейчасъ начнутъ говорить, что это уже слишкомъ; ну пусть еще титулярный... (III, 17, 185; II, 75, 65, 445). Не имѣя внутреннихъ достоинствъ, чиновникъ все величіе находилъ въ чинахъ и орденахъ и выпрашивалъ у начальства повышенія или прибавки жалованья всѣми возможными способами, унижаясь до подлости. Одинъ

чиновникъ разсуждаетъ по этому поводу: «Вѣдь инымъ плевали въ лицо нѣсколько разъ, ей Богу! Да что жь за бѣда? Я знаю одного: прекраснѣйшій собою мужчина, румянецъ во всю щеку; до тѣхъ поръ егозилъ и надоѣдалъ своему начальнику о прибавкѣ жалованья, что тотъ наконецъ не вынесъ, плюнулъ въ самое лицо, ей Богу!—Вотъ тебѣ, говоритъ, твоя прибавка, отвяжись, сатана! А жалованья однакоже всетаки прибавилъ. Такъ что жь изъ этого, что плюнетъ? Если бы, другое дѣло, былъ далеко платокъ, а то вѣдь онъ тутъ же въ карманѣ—взялъ, да и вытеръ» (II, 328—9, 398). При такомъ развитіи чувства собственнаго достоинства и сознанія долга службы, не удивительно, что всѣ чиновники и столичные, и губернскіе, и уѣздные, по свидѣтельству Гоголя, обратились въ чистыхъ воровъ и мошенниковъ, взяточниковъ и грабителей казны. И въ своихъ произведеніяхъ, и въ письмахъ онъ слишкомъ много доказывалъ, что неправды искоренить нельзя никакими средствами, никакими страхами, никакими наказаньями, что безчестное дѣло брать взятки сдѣлалось необходимостью и потребностью даже и для такихъ людей, которые и не рождены быть безчестными (III, 403). Чиновники знали даже, какъ даютъ взятки ревизору *въ благоустроенномъ государствѣ.*

Всѣ эти изображенія Гоголя отвѣчаютъ вполнѣ дѣйствительности и подтверждаются несомнѣнными историческими свѣдѣніями.

Въ секретныхъ донесеніяхъ М. М. Фока, начальника вновь учрежденнаго III-го отдѣленія, 1826 г., читаемъ: «Всѣ ждутъ, если и не полнаго преобразованія, то хоть исправленія въ порядкѣ управленія. Оно необходимо и, конечно, не понравится неблагонамѣреннымъ или тѣмъ, которые сами заинтересованы въ сохраненіи злоупотребленій. Лишите, напримѣръ, судью возможности брать взятки, — и вы доведете его до крайности, — его, привыкшаго вести образъ жизни, мало соотвѣт-

ствующій его средствамъ. Предложите этому человѣку умѣрить свои расходы, — и вы заставите его громко роптать; но удаливъ его отъ должности, вы принуждены будете взять на его мѣсто другого чиновника, который скоро начнетъ поступать такъ же... Многіе говорятъ, что надо дѣйствовать круто, чтобы положить конецъ многочисленнымъ злоупотребленіямъ и истребить взяточничество: оно пустило слишкомъ глубокіе корни, чтобы можно было ограничиться окольными путями... Надо разрушить все зданіе бюрократіи, которую многіе отстаиваютъ въ собственныхъ своихъ интересахъ; всѣ взяточники такъ сжились съ системой грабежа, всюду и всѣми терпимой, что желать поколебать ее — то же, что захотѣть повторить древнюю сцену въ храмѣ филистимлянъ... Въ продолженіи 25 лѣтъ бюрократія питалась лихоимствомъ, совершаемымъ съ безстыдствомъ и безнаказанностью. На счетъ этого грабежа она поддерживала войну съ общественнымъ дѣломъ и съ благомыслящими людьми, которые не только были устраняемы, но и всячески преслѣдуемы. Этотъ порядокъ вещей былъ выгоденъ однѣмъ общественнымъ пьявкамъ, которыхъ слѣдуетъ справедливо наказать... Правительство оказываетъ теперь (*при коронаціи*) снисхожденіе только однимъ казнокрадамъ и ничего не даетъ людямъ, отличившимся безупречнымъ поведеніемъ... Говорятъ, что злоупотребленія, продажность и безнравственность возрасли, въ теченіе 15 лѣтъ, до такой степени, что расшатали основы всѣхъ классовъ общества». Квартальные надзиратели въ Петербургѣ могутъ каждый день варить супъ изъ курицы; самый бѣдный кварталъ даетъ надзирателю до 3000 рублей, а во 2-мъ кварталѣ 3-й части надзиратель, не притѣсняя никого, можетъ имѣть ежедневный доходъ въ 50 рублей *).

«Бюрократія, говорятъ, что гложущій червь, котораго

*) Рус. Старина 1881 г. X, стр. 303—4, 312, 306, 316, 320, 334—5.

слѣдуетъ уничтожить огнемъ или желѣзомъ; въ противномъ случаѣ невозможны ни личная безопасность, ни осуществленіе самыхъ благихъ и хорошо обдуманныхъ намѣреній, которыя, конечно, противны интересамъ этой гидры, болѣе опасной, чѣмъ сказочная гидра. Она ненасытна; это — пропасть, становящаяся все шире, по мѣрѣ того, какъ прибываютъ бросаемыя въ нее жертвы. Необходимо, во что бы то ни стало, засыпать эту бездну. Возможно ли требовать отъ чиновниковъ честности Катона, когда начальники его подаютъ ему примѣръ и загребаютъ обѣими руками? *)

Таково наслѣдіе, которое получило царствованіе Николая I-го и не только не сократило его въ теченіе 30 лѣтъ, но значительно размножило это чиновничье племя, нисколько не улучшивъ его. Гоголь свидѣтельствуетъ, что въ его время развелось слишкомъ много подлыхъ и презрѣнныхъ служакъ, для которыхъ не страшны были клеветы на честныхъ людей, подложныя росписки и всякія гнусности (IV, 728, 777).

Внутренняя сила убѣжденій, стремленій и нуждъ народа стѣснена была путемъ кулачнаго права помѣщиковъ и либерально-деспотическими фразами чиновниковъ; интересы большинства распались съ выгодами небольшого круга правящихъ классовъ, которые стали замѣнять силу общенароднаго мнѣнія, исторически сложившихся обычаевъ личнымъ произволомъ, опираясь на мнѣнія иноземцевъ. Стремленіе заключить жизнь народа въ благоразумныя рамки полицейскаго управленія вызвано мнимой неблагонадежностью народа, а желаніе навязать ему чужія, будто бы высшія условія быта европейскаго основывалось на его невѣжествѣ и неумѣніи вѣрно оцѣнить явленіе своей жизни и устроить свое положеніе безъ благодѣтельной опеки чиновниковъ. Между тѣмъ

*) Рус. Старина 1881 г. XI, 548, 559.

начальству никогда въ голову не приходило разузнать толково о нуждахъ народныхъ и о его довольствѣ, о безправіи судей и поборахъ. Опекуны эти обязаны были возвысить и облагодѣтельствовать народъ, а на самомъ дѣлѣ довели его до забитости и разоренія, своимъ произволомъ поселили въ немъ недовѣріе къ закону.

По чужому образцу созданное русское войско дѣлилось рѣзко на крѣпостныхъ солдатъ и помѣщиковъ — начальниковъ; забота о блескѣ оружія подняла званіе офицера на почетную высоту, а рекруты и солдаты были мучениками. Генералы и офицеры воспитывались полуиностраннымъ образомъ, нѣкоторые говорили по-французски и подпускали комплименты актрисамъ, другіе изъ всего нѣмецкаго языка усвоили только *гутъ-моргенъ*. Подумаешь, отправлявшіеся за-границу военные изощряли умъ свой науками и вывозили въ отечество прекрасные обычаи; но на дѣлѣ оказывается не совсѣмъ такъ. Морякъ Жевакинъ сообщаетъ въ «Женитьбѣ» Гоголя о своемъ пребываніи въ Сициліи слѣдующее: «Бывало, идешь по улицѣ — ну, русскій лейтенантъ, натурально, здѣсь эполеты, золотое шитье, и этакъ красоточки черномазенькія, бывало, смотришь, и сидитъ на балконѣ этакій розанчикъ... Образованы такъ, какъ у насъ графини развѣ... Ну, чтобы не ударить лицомъ въ грязь, кланяешься... Натурально, одѣта: здѣсь у ней какая нибудь тафтица, шнуровочка, дамскія разныя сережки... ну, словомъ, такой лакомый кусочекъ. Съ нами были и англійскіе офицеры; ну, народъ такъ же, какъ и наши: моряки... и сначала было очень странно: не понимаешь другъ друга; но потомъ, какъ хорошо обознакомились, начали свободно понимать. Покажешь, бывало, этакъ на бутылку или стаканъ,—ну, тотчасъ и знаетъ, что это значитъ—выпить» и проч. (II, 316—17).

Въ царствованіе императора Николая иностранная мода проникала и въ купеческій бытъ, когда торговцы разжива-

лись на своихъ оборотахъ. Около 1840 г., напримѣръ, въ г. Ставрополѣ былъ зажиточный купецъ съ претензіей на званіе цивилизованнаго человѣка; имѣя торговыя дѣла въ Таганрогѣ и ведя знакомство съ иностранными негоціантами, онъ желалъ походить на барина. Купцы, вышколенные на чужой ладъ, подшучивали надъ его бородой, указывали, что ее носятъ только мужики, необразованные люди, что съ бородой ты не можешь бывать въ клубѣ и благородномъ собраніи. Онъ склонялся на эти убѣжденія и, желая легкимъ способомъ достигнуть европейской цивилизаціи, сбрилъ бороду, а потомъ загрустилъ и съ великимъ горемъ разсказывалъ: «Когда я посмотрѣлъ въ зеркало, то лицо мое показалось мнѣ величиною въ палецъ; тутъ я уже не выдержалъ и слеза прошибла меня. Поздравленіе моихъ друзей-искусителей, обѣды съ шампанскимъ, входъ въ ихъ семейства развеселили меня; но когда я собрался домой, меня крѣпко взяло раздумье. Кажется, ничего дурного не сдѣлалъ, а совѣсть стала мучить меня, какъ будто измѣнника своей родинѣ. По пріѣздѣ домой еще большая мука ожидала меня: жена сперва не узнала меня, а когда узнала, то такъ разсердилась, что и на глаза не пускала, а потомъ, хотя и помирилась, но все же попрекала, зачѣмъ измѣнилъ обычаю отцовъ» *).

Эти явленія точно подмѣчены Гоголемъ, который описываетъ купцовъ, пріѣзжихъ на ярмарку, и прибавляетъ, что они уже полюбили «пирушки на русскую ногу съ нѣмецкими затѣями: аршадами, пуншами, бальзамами» и проч. Пирушки, какъ водится, кончались дракой. Рѣдко виднѣлись купцы съ бородами. Иные купцы совсѣмъ были европейцы, въ нѣмецкихъ сюртукахъ московскаго шитья, съ шляпой на отлетъ, съ круглымъ выбритымъ подбородкомъ и съ «выраженьемъ тон-

*) Воспоминанія *А. П. Бѣляева*. Рус. Старина 1881 г. X, стр. 253—4.

каго просвѣщенья въ лицѣ», т. е. отъявленнаго плутовства. (III, 201, 371, 372). Одинъ изъ этихъ европейцевъ разсуждалъ о милліонерѣ Мурозовѣ, который жилъ, какъ простой мужикъ: «У него, при всѣхъ почтенныхъ качествахъ, непросвѣтительности много. Если купецъ почетный, такъ ужъ онъ не купецъ; онъ, нѣкоторымъ образомъ, есть уже негоціантъ. Я ужъ тогда долженъ взять и ложу въ театрѣ, и дочь ужь я за простого полковника, нѣть-съ, не выдамъ: я за генерала ее выдамъ. Что мнѣ полковникъ! Обѣдъ мнѣ ужъ долженъ кондитеръ поставлять, а не кухарка» (III, 374, 367, 409—10; II, 40).

Зная, какую притягательную силу имѣли иностранные мастера и торговцы, русскіе дѣловые люди тоже поднялись на хитрости, стараясь выдать и себя, и товаръ иноземными. Ноздревъ пріобрѣлъ себѣ турецкій кинжалъ, на которомъ по ошибкѣ было вырѣзано: «Мастеръ Василій Сибиряковъ». На вывѣскѣ магазина фуражекъ было отмѣчено: «Иностранецъ Василій Өедоровъ»; а у продавца платья и портнаго изображены были брюки съ подписью «Аршавскій портной». Но одинъ портной, прибывшій изъ Петербурга въ губернскій городъ, на вывѣскѣ выставилъ: «*Иностранецъ изъ Лондона и Парижа*». Шутить онъ не любилъ и двумя городами разомъ хотѣлъ заткнуть глотку всѣмъ другимъ портнымъ, такъ чтобы впередъ никто не появился съ такими городами, и пусть себѣ пишетъ изъ какого нибудь Карлеору или Копенгара (II, 7; III, 75, 381). Русскіе сапожники тогда по обыкновенію учились у нѣмцевъ, а повара у французовъ. Самые слуги или «господа въ ливреяхъ», по названію Гоголя, подражали боярамъ въ лѣни, замашкахъ иноземныхъ и любили рѣчь свою уснастить иностраннымъ словцомъ: какой городъ *партикулярнъй* — Казань или Рязань?... *Галантерейное*, чортъ возьми, обхожденіе! (II, 199, 558, 414, 416; III, 99, 140). Нѣкоторые помѣщики утверждали, что русскій слуга

или человѣкъ «потуда хорошъ и расторопенъ и не лѣнтяй, покуда онъ ходитъ въ рубашкѣ и зипунѣ; но какъ только заберется въ нѣмецкій сюртукъ, станетъ вдругъ неуклюжъ и нерасторопенъ, и лѣнтяй, и рубашки не перемѣняетъ, и въ баню перестаетъ вовсе ходить, и спитъ въ сюртукѣ, и заведутся у него подъ сюртукомъ нѣмецкимъ и клопы, и блохъ несчетное множество». Н. Гоголь раздѣлялъ это мнѣніе (III, 361).

Когда иностранное вліяніе распространялось шире и шире въ разныхъ классахъ русскаго общества,—простонародье, мѣщане да немногіе купцы крѣпко держались своихъ родныхъ обычаевъ, не поддаваясь разнымъ постороннимъ вѣяніямъ. Значительная часть коренныхъ русаковъ довели уже до крайности свое народное направленіе и въ каждой мелочи, заимствованной изъ-за границы, видѣли злое сѣмя антихриста, перенесенное на пагубу русскимъ душамъ. Особенно въ обществѣ раскольниковъ сказалось историческое самосохраненіе здоровыхъ силъ и замыслы свободнаго и самобытнаго развитія русскаго народа, въ отпоръ охватившей всю жизнь высшихъ классовъ иноземной лжи, чужихъ идей и нравовъ. Строгому и степенному русскому человѣку дикими показались соблазнительныя и безсмысленныя прихоти и легкая роскошь барства, безобразная нѣметчина, которую гнули на свою стать русскіе люди, благодаря трудовымъ народнымъ деньгамъ. Иноземное узкое и короткое платье они терпѣть не могли, а фраки обозвали одеждой бѣсовской, хвостатой; женскіе модные наряды, чепцы и шляпки сочли образомъ рогатымъ, змѣинымъ. Тогдашніе модные сапоги со скрипомъ презирали и говорили: «Кто имѣетъ скрипъ подъ ногами, тотъ не въ истинной вѣрѣ ходитъ; будто настала лютая зима и мразове, что и у антихриста скрипитъ подъ ногами». Шейные платки или галстухи, по мнѣнію раскольниковъ, вещь богопротивная; происхожденіе этого чужестраннаго обычая

объясняли они въ своихъ тетрадкахъ такимъ оригинальнымъ образомъ: однажды французы удушили своего короля; послѣ него взошелъ на престолъ сынъ его Карлусъ и приказалъ ходить всѣмъ подданнымъ съ петлей на шеѣ въ наказаніе за учиненное злодѣйство, да и на память, что каждаго преступника живо вздернутъ готовой петлей на висѣлицу. Въ 1841 г. Арефій Лазаревъ Клюевъ, изъ заводскихъ раскольниковъ, написалъ стихи, въ которыхъ перечисляетъ отступленія отъ народной правды.

Духъ антихристовъ возвѣялъ на ны:
Не могу пребыть безъ рыданія!
Духовный законъ съ корня ссѣченъ,
Законъ градской въ конецъ истребленъ.
Лихоимцы всѣ города содержатъ,
Сластолюбивыхъ первыми учинили...
Ко обычаямъ сторонъ чужихъ
Любезно всѣ пристрастилися...

Слѣдя за иностраннымъ вліяніемъ разныхъ классовъ общества, Гоголь наблюдалъ въ то же время, какъ оно проявлялось въ различныхъ отрасляхъ русской жизни: въ области религіи, образованія, экономіи, общественнаго и частнаго быта и проч.

Съ голоса иноземцевъ, русскіе дворяне разсуждали о православной церкви, будто бы она не имѣетъ той жизненной силы, какою обладала церковь западная. Великій писатель старался показать отличительныя черты той и другой церкви. Богъ попустилъ, пишетъ онъ, временное раздѣленіе церквей и повелѣлъ «одной стоять неподвижно и какъ-бы вдали отъ людей, а другой—волноваться вмѣстѣ съ людьми; одной—не принимать въ себя никакихъ нововведеній, кромѣ тѣхъ, которыя были внесены св. людьми лучшихъ временъ христіанства и первоначальными отцами церкви; другой—мѣняясь и примѣняясь ко всѣмъ обстоятельствамъ времени, духа и привычекъ

людей, вносить всѣ нововведенія, сдѣланныя даже порочными и не святыми епископами; одной—на время, какъ-бы умереть для міра, другой—на время, какъ-бы овладѣть всѣмъ міромъ; одной, подобно скромной *Маріи*, отложивши всѣ попеченія о земномъ,—помѣститься у ногъ самого Господа, чтобы лучше наслушаться словъ его, прежде нежели примѣнять и передавать ихъ людямъ; другой же, подобно заботливой хозяйкѣ *Марѳѣ*,—гостепріимно хлопотать около людей, передавая имъ еще невзвѣшенныя всѣмъ разумомъ слова Господни. Благую часть избрала первая»... (IV, 636). Религія въ русскомъ народѣ усвоена сердцемъ и совѣстью болѣе, чѣмъ разумомъ и знаніемъ, оттого нравственное ученіе и духъ его вѣрнѣе сохранились въ православіи, нежели въ западныхъ его формахъ — католичествѣ и протестантствѣ. На западѣ преданія и вѣрованія привели къ односторонней формальности и раціоналистическому протестантству, извращенному житейскому пониманію христіанства, царство котораго не отъ міра сего; его сдѣлали средствомъ практическихъ цѣлей.

Заразившись міродержавіемъ стараго Рима, церковь западная распространяла свое вліяніе съ помощью меча и огня на одномъ священномъ языкѣ и работала въ свою пользу, а не во благо евангельскаго братства. Протестантство, какъ дальнѣйшее развитіе разсудочнаго направленія, привело къ полному равнодушію вѣроисповѣдному, къ отрицанію сердечнаго усвоенія религіи человѣкомъ, къ произволу совѣсти.

Въ Россіи усвоены преданія христіанства временъ древнѣйшихъ, несмотря на примѣсь византійскую; вѣра проникла всего человѣка, обняла весь душевный составъ его, развила не односторонній умъ и формальныя мнѣнія, но религіозное чувство и убѣжденіе. Поэтому у насъ не могло образоваться религіозной нетерпимости, рыцарскихъ орденовъ, крайняго преслѣдованія мнимыхъ колдуновъ и вѣдьмъ, еретиковъ и заблуждающихъ въ мнѣніяхъ, образованія инквизиціи. Западный

человѣкъ рѣшалъ религіозныя дѣла на основаніи убѣжденій разсудка, а русскій—съ участіемъ сердечнымъ, на основаніи приговора совѣсти. Оттого, по словамъ Гоголя, римско-католическія дамы опираются на духовниковъ своихъ, какъ на посохъ; безъ воли ихъ не смѣютъ переступить въ другую комнату и ждутъ для этого исповѣди (IV, 725). Русская церковь нигдѣ не выступала самовластно наподобіе западной, не имѣла сильнаго политическаго могущества и вліянія, но она находилась въ связи съ народомъ, не вела борьбы съ свѣтской властью и не унижалась передъ нею. Она служила нравственному началу и обладала высокою духовною силою, руководя народъ и составляя всегдашнюю опору свѣтской государственной власти. Ученіе западной нетерпимости стало проникать въ Россію и развиваться въ убѣжденіяхъ частныхъ іерарховъ, подъ вліяніемъ чужихъ, рѣзкихъ примѣровъ, какъ въ Геннадіѣ Новгородскомъ и Іосифѣ Волоцкомъ. При Никонѣ патріархѣ, который увлекся образцомъ папскимъ и хотѣлъ поставить духовную власть выше свѣтской, подобно тому, какъ свѣтъ солнечный сильнѣе свѣта луннаго, — внутреннее единство духовенства, народа и государственной власти поколебалось, могущественный авторитетъ іерархіи заподозрѣнъ въ чуждыхъ стремленіяхъ — и появился расколъ. Начиная съ Петра Великаго, которому всюду мерещились *Замахи Никона*, правительство на русское духовенство стало смотрѣть сквозь западныя очки и боялось отъ него папской рыси и католическаго клерикализма. Поэтому, совсѣмъ не давало ему свободы развитія и дѣйствій, а государство лишилось нравственнаго руководящаго начала; духовная власть измѣнила своему призванію и вооружилась свѣтскими матеріальными силами и средствами, сама подчинилась свѣтской власти и стала орудіемъ достиженія ея цѣлей. Законы гражданскіе впутались въ законы церковные; священники начали нерадиво исполнять свои должности; «уклоненіе духовенства отъ прямой

жизни во Христѣ оставило на произволъ всѣ частныя отношенія каждаго человѣка въ его частномъ быту» (IV, 673, 722). На самую православную религію высшіе классы общества усвоили католическія воззрѣнія и постоянно давали вопросы: зачѣмъ духовенство наше носитъ особую одежду? Почему не обладаетъ ловкостью ксендзовъ? Отчего чуждаются свѣтскаго общества? Въ сущности свѣтскіе люди сами чуждались близкихъ связей съ духовенствомъ, исполняли обряды по заведенному обычаю, а нерѣдко относились къ попамъ и дьячкамъ съ презрѣніемъ и насмѣшкой. Это надо замѣтить не объ однихъ вольтерьянцахъ, но и о помѣщикахъ времени Николая I-го, которые иногда строили церкви и украшали ихъ въ своихъ деревняхъ съ католическимъ пошибомъ.

Въ 1845 г. одинъ чиновникъ разсуждалъ: «Отъ равнодушія къ православію высшихъ лицъ, отъ уничиженія нашей церкви произошло плачевное состояніе общества, которое перестало быть русскимъ. Безрелигіозность и безцерковность нашего молодаго поколѣнія зависитъ отъ ложнаго образованія. Получивъ воспитаніе совсѣмъ въ другихъ формахъ, каковы формы образованности нашего духовенства, оно считаетъ себя выше его. Право ли оно? Какъ бы то ни было, а то несомнѣнно, что общество и церковь жалко разъединены. Ложь сдѣлалась главнымъ элементомъ государства. Мѣсто религіи въ важнѣйшихъ государственныхъ сословіяхъ заступила ложь».

Гоголь тоже выставляетъ на видъ небрежное отношеніе дворянъ къ православному духовенству: «Если священникъ дуренъ, то этому почти всегда виноваты сами помѣщики. Они, на мѣсто того, чтобы призрѣть его у себя въ домѣ, какъ родного,—бросятъ его среди мужиковъ, молодого и неопытнаго, поставятъ его въ такое положеніе, что онъ еще долженъ имъ угождать и потворствовать на мѣсто того, чтобы уже съ самаго начала имѣть надъ ними нѣкоторую власть»

(IV, 681 — 2). Равнодушіе къ православію приводило къ мысли, что всякая вѣра хороша, и это считалось признакомъ европейскаго образованія и либерализма.

Космополитизмъ русскихъ правителей постоянно дѣлалъ вредъ Россіи. Лютеранинъ баронъ Фирксъ 1844 г., ненавидя православіе, приказалъ вынести изъ своего дому церковныя вещи, и часовой не допускалъ его до этого; баронъ вытолкалъ часоваго въ шею, а походную церковь помѣстилъ у коровницы. «Читая заключеніе по этому дѣлу русскаго чиновника X..., нельзя оставаться равнодушнымъ. До чего доводитъ космополитизмъ, столь сильно развивающійся въ нынѣшнемъ новомъ поколѣніи! Онъ самъ не замѣчаетъ, что, унижая священника своей церкви и отдавая преимущество показаніямъ мызной служанки, онъ унижаетъ свою націю и самого себя!» *). Какъ мы же почувствуемъ въ душѣ и совѣсти своей, укоряетъ Гоголь современниковъ въ равнодушіи къ православію, «что шли во все время мимо нашей церкви и едва знаемъ ее даже и теперь? Владѣемъ сокровищемъ, которому цѣны нѣтъ, и не только не заботимся о томъ, чтобы это почувствовать, но не знаемъ даже, гдѣ положили его» (IV, 592).

Высшій русскій кругъ привыкнулъ ѣздить слушать знаменитыхъ европейскихъ проповѣдниковъ такимъ же самымъ образомъ, какъ ѣздитъ въ оперу или въ спектакль. Русская аристократка зѣваетъ въ ожиданіи визита, гдѣ ей предстоитъ поле блеснуть умомъ и высказать вытверженныя мысли о томъ, какое направленіе принялъ модный католицизмъ (IV, 683; III, 57).

Что касается сужденій о недостаткахъ внѣшнихъ русскаго духовенства, Гоголь находилъ ихъ совершенно неважными, а нѣкоторыя ложными. «Замѣчаніе, будто власть церкви отъ

---

*) «Русск. Архивъ» 1881 г. III, 87, 93, 96—97.

того у насъ слаба, что наше духовенство мало имѣетъ свѣтскости и ловкости обращенія въ обществѣ», онъ считалъ нелѣпостью, и въ противоположность указывалъ на римско-католическихъ поповъ, которые завели интриги разныя въ домахъ и сдѣлались дурными именно оттого, что черезчуръ стали свѣтскими (IV, 593—4).

На этотъ разъ взглядъ Гоголя вполнѣ совпадаетъ съ отзывами лучшихъ его современниковъ духовныхъ и свѣтскихъ. Въ 1845 г. Филаретъ, епископъ Рижскій, говорилъ, что «священники наши при обращеніи латышей имѣютъ и достаточно способностей, и довольно свѣдѣній; хотя имъ и недостаетъ лоска образованности свѣтской, но отъ того-то они обладаютъ всѣмъ, что нужно къ удовлетворенію новой паствы». То же выражалъ тогдашній образованный чиновникъ: «Хотя наше духовенство еще не можетъ сравниться съ лютеранскимъ во внѣшней образованности, но, не разъединяясь въ жизни съ народомъ, будучи ему соправно и сообычно, «служитъ вѣрнымъ хранителемъ закона отцовъ» *).

Нѣкоторое удаленіе русскаго духовенства отъ общества Гоголь находилъ обычаемъ похвальнымъ, равно какъ и ношеніе имъ своеобразной древней одежды. «Хорошо, замѣчаетъ онъ, что русское духовенство самой одеждой своей, не подвластной никакимъ измѣненіямъ и прихотямъ нашихъ глупыхъ модъ, отдѣлилось отъ насъ. Одежда ихъ прекрасна и величественна. Это не безсмысленное, оставшееся отъ XVIII в., рококо и не лоскутная, ничего необъясняющая одежда римско-католическихъ священниковъ»; но историческая, глубокой древности (IV, 594). Въ Европѣ раздавались нападки на русскую церковь: одни изъ русскихъ раздѣляли ихъ, другіе желали защиты и опроверженія нападеній; Гоголь возражаетъ: «Зачѣмъ хотите вы, чтобы наше духовенство, доселѣ отличав-

*) «Русск. Архивъ» 1881 г. III, 87, 94.

шееся величавымъ спокойствіемъ, столь ему пристойнымъ, стало въ ряды европейскихъ крикуновъ и начало, подобно имъ, печатать опрометчивыя брошюры?»... Мы вообще плохо знаемъ нашу церковь и доброй жизнью должны защищать ее, а не словами. «Пусть миссіонеръ католичества западнаго бьетъ себя въ грудь, размахиваетъ руками и краснорѣчіемъ рыданій и словъ исторгаетъ скоровысыхающія слезы»,—проповѣдникъ православія долженъ выступить передъ народомъ съ видомъ смиреннымъ (IV, 591—3).

Охлажденіе къ православной вѣрѣ высшихъ классовъ общества отразилось и на отношеніи ихъ къ русскому духовенству: представляя себя выше по образованію, они не желали слушать никакихъ наставленій и наученій пастырей. «Многіе изъ духовныхъ уныли отъ множества безчинствъ, возникнувшихъ въ послѣднее время, почти увѣрились, что ихъ никто теперь не слушаетъ, что слова и проповѣдь роняются на воздухъ, и зло пустило такъ глубоко свои корни, что нельзя уже и думать объ его искорененіи».

Но Гоголь утѣшаетъ всѣхъ друзей православной церкви, какъ она въ недалекомъ будущемъ предстанетъ въ лучезарномъ блескѣ и просвѣтлитъ духъ человѣка и засіяетъ на всю землю. «Въ ней заключено все, что нужно для жизни истинно-русской, во всѣхъ ея отношеніяхъ, начиная отъ государственнаго до простого семейнаго, всему настрой, всему направленіе, всему законная и вѣрная дорога... Нелѣпо даже и къ мыслямъ нашимъ прививать какія бы то ни было европейскія идеи, покуда не окреститъ ихъ она свѣтомъ Христовымъ...» Уже какимъ-то невѣдомымъ чутьемъ даже наши свѣтскіе люди начинаютъ слышать, что есть какое-то сокровище, отъ котораго спасеніе и просвѣщеніе... (IV, 635, 637, 659).

Извѣстно, что въ царствованіе Николая Павловича аристократы наши старались въ широкихъ размѣрахъ строить различныя человѣколюбивыя заведенія. Играя въ благотво-

рительность, какъ въ модное занятіе, уважаемое иностранными аристократами, русскіе бездѣльные бояре разводили только тунеядцевъ и отбивали охоту къ пожертвованіямъ у людей, искренно и просто относившихся къ доброму дѣлу. Въ каждую дѣятельность вносили они ложь, обманывали себя и другихъ, желая блеснуть напускнымъ стремленіемъ къ благотворительности и милосердіемъ къ народу. «Подвиги сердоболья, замѣчаетъ Гоголь, и помощи несчастнымъ стали разговоромъ даже модныхъ гостиныхъ, — стало тѣсно отъ всякихъ человѣколюбивыхъ заведеній, страннопріемныхъ домовъ и пріютовъ... Но какъ блѣдны всѣ эти христіанскія стремленія и какъ всѣ они въ однѣхъ только мечтахъ и мысляхъ, а не на дѣлѣ!» (IV, 775). Заводятъ въ городахъ человѣколюбивыя заведенія насчетъ ограбленныхъ провинцій и создаютъ безтолковыя благодѣянія; одинъ изъ героевъ Гоголя рѣзко порицаетъ эту благотворительную дѣятельность: русскій человѣкъ «въ человѣколюбье пойдетъ, и сдѣлается Донъ-Кишотомъ! Человѣколюбъ настроитъ на милліонъ безтолковыхъ больницъ да заведеній съ колонами, разорится да и пуститъ всѣхъ по міру: вотъ тебѣ человѣколюбіе!» (IV, 661; III, 334).

Такъ самыя лучшія иностранныя учрежденія, пересаженныя въ Россію безъ толку, не приносили пользы и служили моднымъ средствомъ показать себя; Гоголь приводитъ живое лицо современное—губернаторшу Ж., какъ она надѣлала кутерьму во всемъ городѣ, завела кучу благотворительныхъ заведеній, а съ ними вмѣстѣ и кучи бумажной переписки и возни, экономовъ, секретарей, кражу, безтолковщину и прославилась благотворительностью въ Петербургѣ. «Вообще мы, смѣется писатель, какъ-то не создались для представительныхъ совѣщаній... Видно, мы уже народъ такой: только и удаются тѣ совѣщанія, которыя составляются для того, чтобы покутить или пообѣдать, какъ-то: клубы и всякіе вокзалы на нѣмецкую ногу. А готовность всякую минуту есть, пожалуй, на все.

Мы вдругъ, какъ вѣтеръ повѣетъ, заведемъ общества благотворительныя, поощрительныя и невѣсть какія. Цѣль будетъ прекрасна, а при всемъ томъ ничего не выйдетъ. Можетъ быть, это происходитъ отъ того, что мы вдругъ удовлетворяемся въ самомъ началѣ и уже почитаемъ, что все сдѣлано. Напримѣръ, затѣявши какое-нибудь благотворительное общество для бѣдныхъ и пожертвовавши значительныя суммы, мы тотчасъ, въ ознаменованіе такого похвальнаго поступка, задаемъ обѣдъ всѣмъ первымъ сановникамъ города, разумѣется — на половину всѣхъ пожертвованныхъ суммъ; на остальныя тутъ же нанимается для комитета великолѣпная квартира съ отопленіемъ и сторожами, а затѣмъ и остается всей суммы для бѣдныхъ 5 рублей съ полтиною, да и тутъ въ распредѣленіи этой суммы еще не всѣ члены согласны между собою, и всякій суетъ какую-нибудь свою куму» (IV, 663; III, 206—7).

При отсутствіи родныхъ привязанностей, цѣлей и стремленій народныхъ, равнодушіи къ православію и русскимъ порядкамъ, явилось умственное и нравственное разслабленіе въ высшихъ классахъ русскаго общества, отсутствіе собственнаго убѣжденія и вѣчная погоня за чужимъ образомъ мыслей, ловля съ вѣтру иноземныхъ думъ и понятій, — и никто не давалъ себѣ отчета и труда провѣрить пользу иноземной цивилизаціи на практикѣ, всѣ считали ее высокой и неприкосновенной святыней. Поэтому у насъ все воспитаніе и образованіе дѣтей направлено было по иноземному порядку.

Въ крестьянскомъ быту заводили школы по Ланкастерской методѣ обученія; помѣщики по своимъ деревнямъ училища устраивали на иностранный ладъ, не соображаясь съ духовными потребностями мѣстнаго населенія; поэтому и обученіе совсѣмъ почти не двигалось впередъ. Одинъ изъ толковыхъ хозяевъ-помѣщиковъ у Гоголя разсуждаетъ: «Досадно то, что русскій характеръ портятъ; вѣдь теперь явилось въ русскомъ

характерѣ донъ-кишотство, котораго никогда не было! Просвѣщеніе придетъ ему въ умъ — сдѣлается донъ-Кишотомъ! Заведетъ такія школы, что дураку въ умъ не взойдетъ! Выйдетъ изъ школы такой человѣкъ, что никуда не годится, ни въ деревню, ни въ городъ, только что пьяница, да чувствуетъ свое достоинство! Конечно, въ грамотѣ ничего нѣтъ дурного,— скорѣе хорошее... Думаютъ, какъ просвѣтить мужика... да ты сдѣлай его прежде богатымъ да хорошимъ хозяиномъ, а тамъ его дѣло!» *). Очевидно, эти слова Гоголь съ цѣлью вложилъ въ уста помѣщику, такъ какъ убѣжденъ былъ въ ихъ правдѣ, что видно изъ его письма, въ которомъ онъ дѣлаетъ замѣчаніе: «Учить мужика грамотѣ затѣмъ, чтобы доставить ему возможность читать пустыя книжонки, которыя издаютъ для народа европейскіе человѣколюбцы, есть дѣйствительно вздоръ. Главное уже то, что у мужика нѣтъ для этого вовсе времени. Послѣ стольких работъ, никакая книжонка не полѣзетъ въ голову». Народъ бѣгаетъ отъ грамоты, какъ отъ чорта,— онъ знаетъ, что въ ней притонъ всякаго крючкотворства и кляузъ (IV, 680—81). Народъ не сочувствовалъ школамъ, какъ и всѣмъ иностраннымъ нововведеніямъ, потому что не видѣлъ въ нихъ для дѣтей своихъ пользы: хитрое ученье не вносило въ душу крестьянина ни одного свѣтлаго, отраднаго луча, не имѣло связи съ его вѣрой и бытомъ. Обученье дѣлало пьяницу, отрывало отъ крестьянства, лишало общество рабочихъ, и просвѣщенный дармоѣдъ уже питался на счетъ бѣдняковъ (IV, 791). Мужикъ боялся школы, потому что она забирала въ руки его душевную независимость, совѣсть и убѣжденіе; стоя за просвѣщенье народное, Гоголь считалъ его полезнѣе для тѣхъ, отъ кого терпѣлъ народъ (IV, 791).

*) III, 160. О Ланкастерскихъ школахъ. Постан. и распор. по Мин. Нар. Просв. 1875 г. II, 206, 854, сочин. Гоголя III, 334.

Домашнее воспитаніе дѣтей у помѣщиковъ по деревнямъ, равно какъ и въ частныхъ пансіонахъ, было весьма оригинально: вездѣ считали неизбѣжной модой держать у себя гувернеровъ и гувернантокъ изъ чужеземныхъ разновидностей, какого бы они сорта ни были. Въ домѣ обыкновенно на нихъ смотрѣли не какъ на воспитателей дѣтей, а какъ на людей нанятыхъ для первоначальнаго обученія, немного выше, чѣмъ на крѣпостныхъ людей. Судьба ихъ зависѣла отъ каприза и прихоти хозяевъ; педагоги-иностранцы чужды были дѣтей, не знали своего дѣла, не говорили порядочно по-русски и не имѣли понятія о Россіи. Нѣмцу не повезло гдѣ-нибудь по лѣсной службѣ или при открытіи булочной—и вотъ онъ искалъ наживы въ педагогическихъ занятіяхъ, не имѣя ни малѣйшей подготовки; швейцарецъ, знакомый съ переплетнымъ мастерствомъ, вмѣсто обученія дѣтей, цѣлые дни пачкался съ клейстеромъ, клеилъ изящныя коробочки и отъ скуки переплеталъ тетради; французъ, сидѣвшій въ винномъ погребкѣ, дѣлался учителемъ и только наигрывалъ безъ умолку на флейтѣ, слоняясь изъ помѣстья въ помѣстье.

Когда воспитывалась Е. П. Сушкова, впослѣдствіи извѣстная графиня Ростопчина, у ней только и была дѣльная гувернантка *Н. Г. Боголюбова*; а всѣ иностранныя учительницы совершенно никуда не годились. Г-жа *Морино*, французская эмигрантка, невысокой нравственности, знала только свой языкъ и современную родную литературу, имѣла самыя ограниченныя свѣдѣнія и не могла ничему обучать. Г-жа *Пудре*, толстая, глупая, грубая и ровно ничего незнающая швейцарка, должна бы по настоящему занимать должность поломойки, а не учительницы. Эта подлая женщина обращалась съ воспитанницей весьма грубо и тиранила ее; въ присутствіи своихъ питомцевъ, она держала себя слишкомъ вольно и развязно съ гувернеромъ *Фроссаромъ*, такимъ же грубымъ невѣждою швейцарцемъ, какъ и сама она. Впослѣдствіи она въ Москвѣ со-

держала женскій пансіонъ. Послѣдней гувернанткой у Сушковой была г-жа *Дювернуа*, офранцуженная полька, которая ровно не имѣла никакихъ познаній, не могла ничему учить и годилась только въ компаньонки для прогулки и выѣздовъ *).

Въ 1831 г. правительство старалось ограничить права иностранцевъ-учителей, считая многихъ изъ нихъ неблагонадежной нравственности, неподходящихъ политическихъ воззрѣній и плохихъ познаній. Въ 1839 г. Государь приказалъ во всѣхъ университетахъ и гимназіяхъ обирать отъ учителей иновѣрцевъ подписки, что они не станутъ внушать православнымъ питомцамъ правилъ, противныхъ господствующей религіи: иначе преданы будутъ суду, какъ совратители **). Правительство понимало, что злоупотребленія въ частныхъ пансіонахъ, заводимыхъ иностранцами въ Россіи, обнаруживаются въ рѣдкихъ случаяхъ, не смотря на бдительный надзоръ. При современномъ расположеніи умовъ въ Европѣ, говоритъ министерство 1833 года, невозможно ожидать отъ иностранцевъ, чтобы они оставили вкоренившіяся въ нихъ съ дѣтства понятія, мнѣнія и предразсудки, чтобы въ воспитаніи юношества постигали духъ нашего правительства и дѣйствовали въ его направленіи. «Нельзя, безъ сомнѣнія, принимать довольно благоразумныхъ мѣръ къ удостовѣренію въ нравственныхъ и политическихъ началахъ ихъ прежде, нежели довѣрять имъ, вмѣстѣ съ воспитаніемъ юношества, драгоцѣнное достояніе нашего времени и судьбу будущихъ поколѣній» ***).

Гоголь отлично зналъ эту язву воспитанія дѣтей иностранцами: какъ ихъ вмѣстѣ съ языками пріучали мыслить нерусской логикой, какъ французскій языкъ считали основой всѣхъ

---

*). Историч. Вѣстн. 1881 г. № VI, стр. 301—2. Санктпетерб. Вѣдом. 1881 г. № 136.

**) Сборн. постан. и распоряж. по Минист. Нар. Просв. 1875 г. Т. II, стр. 438—49. Тамъ же II, стр. 1570, № 737.

***) *Тамъ же*, № 271, стр. 641—47.

добродѣтелей. Онъ пишетъ, что у генерала Бетрищева англичанка-гувернантка ни слова не умѣла говорить по-русски; у помѣщика Плюшкина француженка была прогнапа за то, что способствовала штабъ-ротмистру увезти свою воспитанницу. Францъ, учитель у него же, славно брился и былъ большой стрѣлокъ: приносилъ всегда къ обѣду тетерекъ или утокъ, а иногда и одни воробьиныя яйца, изъ которыхъ заказывалъ себѣ яичницу, потому что больше въ цѣломъ домѣ никто ея не ѣлъ (III, 23. 120, 121; IV, 435). Но особенной роскошью иностранныхъ образовательныхъ силъ отличались русскія столицы.

«Въ 12 часовъ, по изображенію Гоголя, на Невскій проспектъ дѣлаютъ набѣги гувернеры всѣхъ націй съ своими питомцами въ батистовыхъ воротничкахъ. Англійскіе джонсы и французскіе коки идутъ подъ руку съ ввѣренными ихъ родительскому попеченію питомцами и съ приличною солидностію изъясняютъ имъ, что вывѣски надъ магазинами дѣлаются для того, чтобы можно было посредствомъ ихъ узнать, что находится въ самыхъ магазинахъ. Гувернантки, блѣдныя миссы и розовыя славянки, идутъ величаво позади своихъ легонькихъ, вертлявыхъ дѣвчонокъ, приказывая имъ поднимать нѣсколько выше плечо и держаться прямѣе» (IV, 154).

Прежде иностранные языки усвоивали русскіе съ грѣхомъ пополамъ и царила «смѣсь французскаго съ нижегородскимъ»; теперь иноземные гувернеры пріучили болтать своихъ питомцевъ, и въ высшемъ кругу французскій языкъ сдѣлался господствующимъ, такъ что аристократы ругались даже на иноземномъ нарѣчіи. Отъ читателей высшаго общества, говоритъ Гоголь, «не услышишь ни одного порядочнаго русскаго слова, а французскими, нѣмецкими и англійскими они, пожалуй, надѣлятъ въ такомъ количествѣ, что и не захочешь, и надѣлятъ даже съ сохраненіемъ всѣхъ возможныхъ произношеній, — по-французски въ носъ и картавя, по-англійски про-

изнесутъ, какъ слѣдуетъ птицѣ, и даже физіономію сдѣлаютъ птичью, и даже посмѣются надъ тѣмъ, кто не съумѣетъ сдѣлать птичьей физіономіи» (III, 170). Особенно любили русскія дамы изъясняться на французскомъ языкѣ, хотя бы и плохо его знали; Гоголь смѣется надъ этимъ дикимъ обычаемъ. Какъ ни исполненъ авторъ благоговѣнія къ тѣмъ спасительнымъ пользамъ, которыя приноситъ французскій языкъ Россіи, какъ ни исполненъ благоговѣнія къ похвальному обычаю нашего высшаго общества, изъясняющагося на немъ во всѣ часы дня, конечно, изъ глубокаго чувства любви къ отчизнѣ, но при всемъ томъ никакъ не рѣшается внести фразу какого бы ни было чуждаго языка въ свою русскую поэму (IV, 189).

Русскіе удивлялись, что въ Сициліи всѣ барышни говорятъ по-французски, а нѣкоторые настаивали на томъ, чтобы русская невѣста непремѣнно говорила по-французски, хотя сами женихи не знали ни слова; знаніе языка особенно необходимо было для молодого человѣка, такъ какъ оно обезпечивало ему успѣхъ при ухаживаньѣ за молодыми женщинами или дѣвицами. Чиновники тоже любили иногда вклеить модное иностранное словцо, особенно питерскіе вертопрахи; но въ уѣздныхъ захолустьяхъ эта мода еще не проникла въ ихъ кругъ; когда Хлестаковъ назвалъ судью *моветонъ,* тотъ сказалъ: «Должно быть французское слово. А чортъ его знаетъ, что оно значитъ! Еще хорошо, если только мошенникъ, а можетъ быть того еще хуже». Чичиковъ, человѣкъ положительный, не любившій побрякушекъ, — и тотъ передъ губернаторскимъ баломъ затверживалъ нѣсколько словъ, похожихъ на французскія, хотя самъ не умѣлъ говорить ни на какомъ языкѣ. Вотъ что значитъ всесильная мода! (II, 266, 311, 316, 323—5, 332; III, 65, 67, 166—7, 266).

Такимъ образомъ, человѣкъ, говорившій кое-какъ на иностранномъ языкѣ, уже считался образованнымъ, хотя бы въ

сущности былъ не ученъ и невѣжда. Большая часть подражателей иноземцамъ считала цивилизаціей и просвѣщеніемъ внѣшнія приличія обращенія, домашнюю обстановку и другія мелочи.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ разсуждаетъ у Гоголя о Петербургѣ: «Какое же общество можетъ быть между мужичьемъ въ деревнѣ? Здѣсь все-таки на улицѣ попадается генералъ, князь. Пройдешь и самъ мимо какого-нибудь... тамъ... ну, и газовое освѣщеніе, промышленная Европа; а вѣдь тамъ, что ни попадетъ, все это или мужикъ, или баба. За что же себя осудить на невѣжество на всю жизнь свою?» Хлестаковъ такъ же точно думалъ: «Не могу жить безъ Петербурга и погубить жизнь съ мужиками; душа моя жаждетъ просвѣщенія!» Иной считалъ просвѣщеніемъ, какъ трехлѣтній мальчикъ ходилъ по канату (II, 208, 399; III, 277). Даже люди хорошо образованные на иностранный ладъ мало приносятъ пользы своей дѣятельностью.

Возвышая надъ народомъ бояръ, западная наука усыпляла ихъ умъ, отучая отъ самодѣятельности голову, доставляла готовые отвѣты и рѣшенія на всѣ запросы общественной жизни: не надо было ни изучать свое отечество, ни задумываться надъ разгадкой склада и задачъ его жизни. Самый умный, дѣльный и честный человѣкъ, который строго держался иноземныхъ началъ, безъ знанія русскихъ народныхъ стремленій и потребностей не могъ распространить добро «своими, повидимому, мудрыми дѣйствіями». Въ послѣднее время, по наблюденію Гоголя, не столько произвели безпорядковъ глупые люди, сколько умные, а все оттого, что понадѣялись на свои силы да на свой умъ, мертвый и чужестранный: нѣкоторые государственные люди работали всю жизнь, какъ муравьи, но теперь не осталось отъ нихъ никакого слѣда и самая память о нихъ позабыта (IV, 705). Другія образован- на иноземщинѣ лица увлеклись слишкомъ высокимъ

общимъ идеаломъ совершенства человѣческаго, лучшимъ устройствомъ гражданскихъ обществъ, строили теоріи во имя гармоніи съ законами природы, разума, любви и братства и видѣли въ строѣ тогдашней Россіи неестественный порядокъ дѣлъ, отсутствіе правъ, несовершенство гражданской и общественной жизни. Тяжелая грусть и глубокая боль сердца не давали имъ покоя. Силъ было много, но гдѣ и какъ сдѣлать имъ практическое приложеніе—они не знали и тратили эти силы случайно.

Въ обществѣ, образованномъ на чужестранный ладъ, явилось безотрадное недовольство окружающей средой отъ неизвѣстности цѣли и направленія жизни, отъ напраснаго исканія улучшенія современнаго состоянія быта. «А непонятною тоскою уже загорѣлась земля! восклицаетъ Гоголь; черствѣе и черствѣе становится жизнь; все мельчаетъ и мелѣетъ, и возрастаетъ только въ виду всѣхъ одинъ исполинскій образъ скуки, достигая съ каждымъ днемъ неизмѣримѣйшаго роста» (IV, 781). Эта гражданская грусть и скука въ поэтическихъ созданіяхъ Лермонтова доходила до отчаянья и полнаго разочарованія жизнью, и Гоголь объясняетъ ея развитіе иностраннымъ вліяніемъ, а именно: «Попавши съ самаго начала въ кругъ того общества, которое справедливо можно было назвать временнымъ и переходнымъ, которое, какъ *бѣдное растеніе, сорвавшееся съ родной почвы*, осуждено было безрадостно носиться по степямъ, слыша само, что не прирости ему ни къ какой другой почвѣ, и его жребій—завянуть и пропасть, Лермонтовъ уже съ раннихъ поръ сталъ выражать то раздирающее сердце равнодушіе ко всему, которое не слышалось еще ни у одного изъ нашихъ поэтовъ» (IV, 764).

Дѣятельность ненормально развившихся талантливыхъ людей пропадала зачастую безплодно. Поэтому всѣмъ, желавшимъ работать на русской землѣ, Гоголь совѣтуетъ присмотрѣться къ ней и узнать, «изъ какого множества разнород-

ныхъ началъ состоитъ наша почва, на которой мы всѣ стремимся сѣять» (IV, 805). Но совѣтъ Гоголя не производилъ дѣйствія, когда даже минувшую жизнь нашихъ предковъ устроивали на феодальный складъ и отрицали возможность появленія въ древнее время своихъ лѣтописей, Слова о полку Игоря и проч. Бѣдность тогдашнихъ источниковъ для изученія Россіи и богатство матеріаловъ иностранныхъ по всѣмъ отраслямъ наукъ поглощали вниманіе русскихъ ученыхъ и ограничивали ихъ трудъ сообщеніемъ чужихъ мнѣній и взглядовъ. Уже такая одна ловля и передача новыхъ заграничныхъ убѣжденій считалась наукой. Библіотеки богатыхъ людей наполнялись всякими иностранными сочиненіями, безъ разбора и большею частью напоказъ (III, 337; IV, 251). Гоголь изображаетъ библіотеку полковника Кошкарова, въ которой были все ученыя книги, даже по части свиноводства, и философскія съ ужасными заглавіями, все такіе сочиненія и журналы, которые никто не читаетъ (III, 330—31).

Не понимая окружающей жизни, русскій полуобразованный человѣкъ виталъ мыслью далеко въ чужихъ земляхъ, и самая душа его, словно у Кощея бесмертнаго, лежала въ желѣзномъ сундукѣ за моремъ-океаномъ въ тридесятомъ царствѣ. Много появилось, въ началѣ сороковыхъ годовъ, поклонниковъ нѣмецкой поэзіи и мечтателей объ испанской жизни; жестоко подсмѣялся надъ ними Гоголь, сопоставивъ ихъ мечты съ окружающей дѣйствительностью въ отдаленной улицѣ глухого городишка. Замечтавшійся юноша, возвращаясь изъ театра, несетъ въ головѣ испанскую улицу, ночь, чудный женскій образъ съ гитарой и кудрями. Чего нѣтъ, и что ни грезится въ головѣ его? Онъ въ небесахъ и къ Шиллеру заѣхалъ въ гости—и вдругъ, какъ варомъ, обдаютъ его слова: «Ты не дерись, невѣжа, а ступай въ часть, тамъ я тебѣ докажу!!!» (III, 135). Появились космополитическіе мечтатели, желавшіе доставить счастье всему человѣчеству и возвысить

внутреннее достоинство человѣка; съ этою цѣлью они учреждали тайныя общества, чтобы излить благодѣянія отъ береговъ Темзы до Камчатки (III, 287; IV, 775). Тогда начинался новый либеральный легкій способъ разсужденій о всѣхъ иностранныхъ дѣлахъ и наукахъ; говорили вдоволь о политикѣ, философіи, литературѣ, морали и даже о состояніи финансовъ въ Англіи; были люди, «наипріятнѣйшіе во всѣхъ поверхностныхъ разговорахъ обо всемъ» (III, 282); другіе огорченные и добрые юноши, отъ частыхъ тостовъ во имя науки, просвѣщенія и будущихъ одолженій человѣчеству, сдѣлались потомъ формальными пьяницами» (III, 287).

Гоголь терпѣть не могъ иностранныхъ партій, такъ какъ человѣкъ партіи уже не въ состояніи самостоятельно мыслить и свободно разсуждать, а повторяетъ и защищаетъ предзанятыя и заученныя мысли другихъ, съ нетерпимостью относится къ убѣжденіямъ людей чужой партіи и неспособенъ здраво обсудить ихъ пользу и значеніе. Всякій французъ воспитывался страннымъ вихремъ книжной политики и, еще чуждый сословія, къ которому принадлежалъ, еще не узнавъ на дѣлѣ всѣхъ правъ и отношеній своихъ, уже приставалъ къ той или другой партіи, горячо и жарко принимая къ сердцу всѣ интересы, становясь свирѣпо противъ своихъ противниковъ, еще не зная въ глаза ни интересовъ, ни противниковъ.

Великій писатель чрезвычайно боялся, какъ-бы не водворились въ Россіи подобныя безтолковыя и неестественныя партіи и съ ужасомъ наблюдалъ за ихъ начатками по иностранной модѣ. «Уже ссоры и брани начались не за какія-нибудь существенныя права, не изъ-за личныхъ ненавистей: уже враждуютъ лично изъ-за несладства мнѣній, изъ-за противорѣчій въ мірѣ мысленномъ. Уже образовались цѣлыя партіи, другъ друга невидѣвшія, никакихъ личныхъ сношеній еще неимѣвшія — и уже другъ друга ненавидящія... Злоба,

какъ всепогубляющая саранча, на крыльяхъ журнальныхъ листовъ, нападаетъ на сердца людей повсюду. Уже и самого ума почти не слышно. Уже и умные люди начинаютъ говорить, хоть противу собственнаго своего убѣжденія, изъ-за того только, чтобы не уступить противной партіи» (II, 145; IV, 778—9).

Когда, такъ называемые, образованные классы общества въ Россіи съ головой окунулись въ иностранную литературу и бредили наяву европейскимъ искусствомъ, тогда тяжолое время переживали свои писатели, поэты и художники: выручало ихъ только меценатство на иноземный ладъ. Съ глубокой грустью изображаетъ Гоголь это печальное положеніе дѣлъ: «Русская поэзія, говоритъ онъ, была почти незнаема и невѣдома высшимъ обществомъ, которое воспитывалось другимъ воспитаніемъ, подъ вліяніемъ гувернеровъ французскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ, подъ вліяніемъ выходцевъ изо всѣхъ странъ, всѣхъ возможныхъ сословій, съ различными образами мыслей, правилъ и направленій. Общество наше, чего не случалось еще доселѣ ни съ однимъ народомъ, воспитывалось въ невѣдѣніи земли своей посреди самой земли своей. Даже языкъ былъ позабытъ, такъ что поэзіи нашей были даже отрѣзаны дороги и пути къ тому, чтобы коснуться его уха. Если и пробивалась она къ обществу, то какими-то незаконными и проселочными дорогами: или счастливо написанная музыка заносила въ гостиную стихотворное произведеніе, или же плодъ незрѣлой молодости поэта, ничтожное и слабое его произведеніе, но отвѣчавшее чужеземно-вольнодумнымъ мыслямъ, занесеннымъ въ голову общества чужеземными воспитателями, бывало причиною, что общество узнавало о существованіи среди него поэта... Поэзія наша неслась свыше общества; если же и опускалась къ нему, то развѣ затѣмъ только, чтобы хлестнуть его бичомъ сатиры, а не передать его жизнь въ образецъ потомству». Поэты наши слышали, что

рано еще живописать себя цѣликомъ, нужно прежде стать собою и сдѣлаться русскими, что во всякомъ еще сидитъ безтолковая встрѣча чужеземнаго съ своимъ... «Глубина самобытной русской ироніи еще предъ нами не разоблачилась, потому что, воспитываясь всѣми европейскими воспитаніями, мы и тутъ отдалились отъ родного корня» (IV, 758, 766—8).

То же пустое подражаніе иноземцамъ было и на театрѣ русскомъ; переводныя пьесы, не имѣющія ни малѣйшаго отношенія къ нашей жизни, считались милыми и дорогими. «Я воображаю, отмѣчаетъ Гоголь, въ какомъ странномъ недоумѣніи будетъ потомокъ нашъ, вздумающій искать нашего общества въ нашихъ мелодрамахъ... Русскій водевиль! право, немножко странно—странно потому, что эта легкая, безцвѣтная игрушка могла родиться только у французовъ — націи, не имѣющей въ характерѣ своемъ глубокой, неподвижной физіономіи; но когда русскій, еще нѣсколько суровый, тяжелый характеръ заставляютъ вертѣться петиметромъ... то мнѣ такъ и представляется, что тучный нашъ купецъ съ широкой бородой выступаетъ во французскомъ кадрилѣ, одна нога въ чулкѣ и узенькомъ башмакѣ, а другая осталась въ тяжеломъ сапогѣ. Положеніе русскихъ актеровъ жалко. Предъ ними трепещетъ и кипитъ свѣжее народонаселеніе, а имъ даютъ лица, которыхъ они и въ глаза не видали. Что имъ дѣлать съ этими странными героями, которые—ни французы, ни нѣмцы, но какіе-то взбалмошные люди?... Ради Бога, дайте намъ русскихъ характеровъ, насъ самихъ дайте намъ, нашихъ плутовъ, нашихъ чудаковъ! На сцену ихъ, на смѣхъ всѣмъ! Смѣхъ — великое дѣло: онъ не отнимаетъ ни жизни, ни имѣнія, но передъ нимъ виновный — какъ связанный заяцъ... Мы такъ приглядѣлись къ французскимъ безцвѣтнымъ пьесамъ, что намъ уже боязливо видѣть свое. Если намъ представятъ какой-нибудь живой характеръ, то мы уже думаемъ, не личность ли это, потому что представляемое лицо совсѣмъ не похоже на

какого-нибудь пейзана, театральнаго тирана, риѳмоплета» и проч. (IV, 297—99, 302). Изъ сочиненій Гоголя ясно видно, какъ всѣ казнокрады, взяточники и лжецы служебные держались крѣпко за иностранныя сочиненія и боялись—дозволять выводить на сцену русскихъ людей съ ихъ слабостями и недостатками. Опасаясь, какъ бы не обнаружились ихъ плутни и нечистыя дѣла, они подъ видомъ благонамѣренности кричали, чтобы цензура зорко слѣдила за статьями съ русскими сюжетами и не пропускала ихъ (II, 439, 452, 456, 462). Писатель смѣется надъ этой забавной строгостью цензуры; въ «Запискахъ сумасшедшаго» читаемъ: «Былъ въ театрѣ. Играли русскаго дурака Филатку. Очень смѣялся. Былъ еще какой-то водевиль съ забавными стишками на стряпчихъ, особенно на одного коллежскаго регистратора, весьма вольно написанные, такъ что я дивился, какъ пропустила цензура» *).

Серьезнаго драматическаго искусства недолюбливала русская публика и предпочитала представленія оперныя и балетныя скаканья, великолѣпно-мишурныя зрѣлища для глазъ, которыя угождали разврату вкуса и сердца. Иностранной пошлостью больше всего восторгались, а русскія серьезныя пьесы считали скучными и грубыми. Говорили, выходя изъ театра: «У французовъ все это очень мило. Ну вотъ во вчерашнемъ водевилѣ: раздѣвается, ложится въ постель и проч. Оно, конечно, нескромно, но мило. На все это можно смотрѣть, это не оскорбляетъ... У меня жена и дѣти всякій день въ театрѣ... У французовъ другое дѣло. Тамъ société, mon cher! У насъ это невозможно...» (II, 448; IV, 618). Нѣкоторые изъ литераторовъ комедію «Ревизоръ» считали недостойной и дѣлали такой приговоръ: «Послѣдняя пустѣйшая комедійка Коцебу въ сравненіи съ нею — Монбланъ передъ

*) IV, 253. Цензура строго преслѣдовала сочиненія, въ которыхъ выводились русскіе дворяне, солдаты, крѣпостные и пр. «Рус. Стар.» 1871, VI, 793. «Др. и Нов. Россія» 1875 г. № 1, 55 и д. 1877 № I, 39.

Пулковскою горою!» Вообще тогда въ модѣ было русскихъ писателей ставить на одну доску съ Шекспиромъ, Гёте и проч. (II, 435; IV, 290). О пѣніи и танцахъ Гоголь разсуждаетъ весьма серьезно, стараясь указать въ нихъ народныя черты характера. На оперы трудно достать билетъ, сообщаетъ онъ и размышляетъ: «Ужъ не наша ли славянская пѣвучая природа такъ дѣйствуетъ? И не есть ли это возвратъ къ нашей старинѣ послѣ путешествія по чужой землѣ европейскаго просвѣщенія, гдѣ около насъ говорили все непонятнымъ языкомъ и мелькали все незнакомые люди,—возвратъ на русской тройкѣ, съ заливающимся колокольчикомъ, съ которымъ мы, привставъ на бѣгу и помахивая шляпой, говоримъ: «въ гостяхъ хорошо, а дома лучше!» Какую оперу можно составить изъ нашихъ мотивовъ! Покажите мнѣ народъ, у котораго было бы больше пѣсенъ... Опера Глинки есть только прекрасное начало. Онъ счастливо умѣлъ слить въ своемъ твореніи двѣ славянскія музыки; слышишь, гдѣ говоритъ русскій и гдѣ полякъ; у одного дышетъ раздольный мотивъ русской пѣсни, у другого опрометчивый мотивъ польской мазурки». Но вообще музыка и пѣніе всюду были иностранныя: такъ, у Ноздрева знаменитая шарманка играла мазурку и оканчивала ее пѣсней: «Мальбругъ въ походъ поѣхалъ» (IV, 75, 300; II, 462).

Въ балетахъ Гоголь находилъ мало характерности, между тѣмъ у каждаго народа свои особенные танцы: испанецъ пляшетъ не такъ, какъ швейцарецъ; русскій не такъ, какъ французъ, какъ азіятецъ; сѣверный руссъ не такъ, какъ малороссъ или полякъ. «У одного танецъ говорящій, у другого безчувственный; у одного бѣшеный, разгульный, у другого спокойный; у одного—напряженный, тяжелый, у другого—легкій, воздушный». Разнообразіе это родилось изъ характера народа, его жизни и образа занятій; легкій, воздушный и пламенный языкъ танцевъ можетъ имѣть смыслъ и разнообразіе (IV, 301).

Чаще всего Гоголю приходилось потѣшаться надъ ино-

странной живописью, нашедшей родной пріютъ въ Россіи; картины въ домахъ были итальянскія, сомнительной работы и заходили случайно оттуда въ трактиры. Чичиковъ остановился въ гостинницѣ и осматривалъ общую залу, оглядѣлъ картины, писанныя масляной краской во всю стѣну, и нашелъ, какъ и вездѣ, «только и разницы, что на одной картинѣ изображена была нимфа съ такими огромными грудями, какихъ читатель, вѣрно, никогда не видывалъ. Подобная игра природы, впрочемъ, случается на разныхъ историческихъ картинахъ, неизвѣстно въ какое время, откуда и кѣмъ привезенныхъ къ намъ въ Россію, иной разъ даже нашими вельможами, любителями искусствъ, накупившими ихъ въ Италіи, по совѣту везшихъ ихъ курьеровъ» (III, 5). Въ лавочкѣ на Щукиномъ дворѣ продавались картины въ темножелтыхъ мишурныхъ рамахъ: зима съ бѣлыми деревьями, совершенно красный вечеръ, похожій на зарево пожара, фламандскій мужикъ съ трубкою и выломанною рукою, похожій болѣе на индѣйскаго пѣтуха въ манжетахъ, нежели на человѣка. Что русскій народъ заглядывается на *объѣдалъ и опивалъ*, — это не диво, такъ какъ изображенные на нихъ предметы доступны его пониманію; но кому нужны эти пестрыя малеванья фламандскихъ мужиковъ, красныхъ и голубыхъ пейзажей, глубоко унижающихъ искусство? (II, 3—4). Найдется покупатель — баринъ, который знаетъ толкъ въ картахъ, въ хорошемъ винѣ, въ лошадяхъ, а не въ искусствѣ (II, 50). Впрочемъ тогда и въ академіи художествъ царила мода на все иноземное, а школа живописи подъ управленіемъ нѣмца пришла въ совершенный упадокъ въ сороковыхъ годахъ. Только везло въ нашемъ отечествѣ иностраннымъ плохимъ мастерамъ, которымъ нерѣдко завидовали русскіе художники и досадовали, «какъ заѣзжій живописецъ, нѣмецъ или французъ, иногда даже вовсе не живописецъ по призванью, одной только привычною замашкой, бойкостью кисти и яркостью красокъ производилъ

всеобщій шумъ и накоплялъ себѣ вмигъ денежный капиталъ» *).

Русскіе бояре, чиновники и отчасти купцы безсмысленно гонялись за интересами, навѣянными съ запада, и тѣмъ навлекали на свое отечество горькія невзгоды — общественныя и экономическія. Страсть къ подражанію хозяйству нѣмцевъ и англичанъ заводила ихъ по ложной дорогѣ къ прямому упадку экономіи и обѣднѣнію: помѣщикъ ли вступитъ на этотъ ложный путь иноземнаго усовершенствованія хозяйства,—непремѣнно промотается; купецъ ли потянется туда же, — онъ разорится (III, 252, 377—8). Вотъ купецъ Иванъ Потапычъ наторговалъ полмилліона; да какъ увидѣлъ во всемъ прибыль — и развернулся. «Сына по-французски началъ учить, дочь выдалъ за генерала»; пировалъ по цѣлымъ днямъ, да и обанкротился. Тѣ же исторіи еще чаще случались съ помѣщиками, которые управленіе своихъ имѣній ввѣряли разнымъ иностранцамъ: управляющіе-нѣмцы, наживаясь на счетъ русскихъ баръ, воображали, что они великіе благодѣтели невѣжественнаго народа. Свернувъ въ сторону отъ мѣстнаго хозяйства, они имѣли неудовольствіе скоро видѣть, какъ богатѣйшія имѣнія приходили въ страшный упадокъ, и всю вину сваливали на русскаго мужика, потому что онъ *глюпій*, но никогда не сознавались въ непрактичности своихъ мѣръ и преобразованій. Эти наемники были постояннымъ бичомъ крестьянъ и мучителями ихъ, доводя до страшныхъ крайностей. Вотъ примѣръ — изъ множества.

Князь Н. С. Гагаринъ, въ 1821 г., по смерти родителей, уѣхалъ «на теплыя воды», какъ выражались крестьяне, и оставилъ всѣ свои громадныя имѣнія въ управленіе отставному капитану *И. А. Каппелю*. Полномочія имѣлъ нѣмецъ-форма-

*) Рус. Старина 1881 г. IX, 637, 641, 643, 648—9. П. Соб. сочиненій Гоголя II, 10.

листъ громадныя надъ цѣлой тысячей крестьянъ, за несоблюденіе княжескаго интереса могъ ихъ отдавать въ солдаты и ссылать въ Сибирь. Подъ свою команду Каппель набралъ второстепенныхъ управляющихъ, мелкихъ деспотовъ вотчинъ, изъ нѣмцевъ и поляковъ, и гордился, что подъ его управленіемъ находится владѣніе болѣе нѣкоторыхъ германскихъ княжествъ. Жестокое управленіе народомъ и несправедливые поборы вывели изъ терпѣнія крестьянъ Плещеевской волости Гагарина въ 1826 году: они жаловались на разореніе и безпощадныя наказанія ихъ Каппелемъ. Крестьяне, однако, остались виновны, какъ мятежники; бунтъ продолжался цѣлыхъ два года, пролито было много крови при экзекуціяхъ, сосланы сотни невинныхъ жертвъ въ Сибирь и проч. *). Вообще Гоголь часто и съ ожесточеніемъ говорилъ объ этихъ иностранцахъ-управляющихъ, вредныхъ для Россіи наемникахъ, разорителяхъ помѣщичьихъ имѣній. Сами помѣщики начинали смотрѣть на своихъ крестьянъ съ точки зрѣнія чужеземной и воображали, что ихъ интересы идутъ розно съ народными; баринъ съѣздитъ въ Англію, и глупѣй во сто разъ вернется изъ-за границы; фабрики заведутъ, выпишутъ мастеровъ изъ-за границы — и потомъ, для поддержки ихъ, употребляютъ всѣ гнусныя мѣры и растлѣваютъ несчастный народъ, стараются познакомить его съ пустыми предметами роскоши (IV, 683; III, 334—5).

Гоголь отлично подмѣтилъ, что мишурное образованіе— непрактическое, нахватанное изъ чужихъ книгъ, —совсѣмъ нейдетъ для русскихъ, хотя бы оно прикрывалось именемъ науки. «Хорошъ политическій экономъ! говоритъ Костанжогло. Дальше своего глупаго носа не видитъ, оселъ, а еще лѣзетъ на каѳедру, надѣнетъ очки»... (III, 336). Подмѣтилъ онъ, что дешевое

*) Древн. и Нов. Рос. 1877 г. № 3, стр. 162—8.

образованіе помѣщиковъ оказалось для нихъ весьма невыгоднымъ, когда они гнули свое хозяйство на иноземный ладъ по капризу и по модѣ, чтобы пустить пыль въ глаза сосѣдямъ. Замыслы ихъ были высокіе и основывались на европейскихъ идеяхъ, но совсѣмъ непригодныя для русскаго хозяйства, которое Гоголь совѣтуетъ вести по старому и всматриваться въ это старое насквозь, чтобъ изъ него же извлечь для него улучшеніе (IV, 679). Поразительный контрастъ представляетъ писатель-художникъ, какъ хозяйничали «старосвѣтскіе помѣщики» по завѣту отцовъ; а ихъ наслѣдникъ—новомоднымъ способомъ.

Хозяйничали старички въ своемъ имѣньѣ попросту и безъ затѣй — всего у нихъ было вдоволь, а гостей принимали и угощали всегда на славу; всякаго варенья, соленое и сушеное приготовлялось такое множество, что все это могло бы затопить весь дворъ, если бы большая половина не съѣдалась дворовыми дѣвками, которыя по цѣлымъ днямъ жаловались на животы свои. «Сколько ни обкрадывали хозяйство прикащикъ и войтъ; какъ ни ужасно жрали всѣ во дворѣ, начиная отъ ключницы до свиней, которыя истребляли страшное множество сливъ и яблокъ и часто собственными мордами толкали дерево, чтобы стряхнуть съ него цѣлый дождь фруктовъ; сколько ни клевали ихъ воробьи и вороны; сколько вся дворня ни вносила гостинцевъ своимъ кумовьямъ въ другія деревни и даже таскала изъ амбара старыя полотна и пряжу въ шинокъ; сколько ни крали гости, флегматичные кучера и лакеи,—но благословенная земля производила всего въ такомъ множествѣ, что всѣ эти страшныя хищенія казались вовсе незамѣтными въ ихъ хозяйствѣ». Но вотъ по смерти старичковъ пріѣхалъ наслѣдникъ ихъ имѣнія, служившій прежде поручикомъ въ полку, страшный реформаторъ. «Онъ увидѣлъ тотчасъ величайшее разстройство и упущеніе въ хозяйственныхъ дѣлахъ; все это рѣшился онъ непремѣнно искоренить,

исправить и ввести во всемъ порядокъ. Накупилъ 6 прекрасныхъ англійскихъ серповъ, приколотилъ къ каждой избѣ особенный нумеръ, и наконецъ такъ хорошо распорядился, что имѣніе черезъ 6 мѣсяцевъ взято было въ опеку» (I, 237—8, 254).

Образцомъ нелѣпаго и дикаго устройства помѣстья, глупаго воззрѣнія на модныя заграничныя усовершенствованія у Гоголя представленъ полковникъ Кашкаровъ; онъ настроилъ отдѣльныя зданія, въ родѣ присутственныхъ мѣстъ, съ золочеными вывѣсками: *Депо земледѣльческихъ орудій... Главная счетная экспедиція... Комитетъ сельскихъ дѣлъ... Школа нормальнаго просвѣщенія поселянъ*; словомъ, чортъ знаетъ чего не было. Самъ хозяинъ жаловался на упорство русскаго мужика, котораго онъ старался одѣть въ нѣмецкіе штаны, да заставить почувствовать хотя сколько-нибудь высшее достоинство человѣка; а бабъ, несмотря на всѣ усилія, онъ не могъ заставить—бросить уродливый костюмъ и надѣть корсеты. Полковникъ всѣхъ хотѣлъ спасти отъ невѣжества перемѣной платья. «Въ Германіи, гдѣ онъ стоялъ съ полкомъ въ 14-мъ году, дочь мельника умѣла играть даже на фортепьяно, говорила по-французски и дѣлала книксенъ... Одѣть всѣхъ до одного въ Россіи, какъ ходятъ въ Германіи,—и я вамъ ручаюсь, что все пойдетъ какъ по маслу. Науки возвысятся, торговля подымется, золотой вѣкъ настанетъ въ Россіи»... (IV, 481—87).

При такомъ дикомъ веденіи хозяйства, рѣдкія имѣнія не были въ закладѣ, о чемъ Гоголь упоминаетъ нерѣдко въ своихъ произведеніяхъ: «скоро не останется ни одного имѣнья незаложеннымъ» (III, 251, 313, 332). Дѣйствительно, изъ отчетовъ опекунскихъ совѣтовъ и приказовъ видно, что въ царствованіи Николая I-го почти всѣ помѣстья были заложены и ни одного не выкуплено и многія перезаложены по нѣскольку разъ. Это разореніе имѣній надо приписать какъ

неумѣнью хозяйничать и ложному отношенію помѣщиковъ къ крестьянамъ, такъ и сильному развитію роскоши и мотовства высшихъ классовъ подъ вліяніемъ иностранцевъ.

Каждый баринъ, побывавъ за границей, привозилъ въ свое отечество, вмѣстѣ съ чужими воззрѣніями и обычаями, ненужные и дорого стоющіе предметы роскоши; вязались ли они съ русской жизнью и вкусомъ дѣдовъ, онъ не задавался соображеніемъ, а руководился тогдашней ходячей мѣркой: иностранныя издѣлія — значитъ неизмѣримо выше своихъ. Кромѣ того, сами иностранцы привозили въ столицы и на ярмарки безчисленное множество разныхъ издѣлій, большею частью негодныхъ, и сбывали весьма выгодно. Гоголь терпѣть не могъ этихъ торговцевъ, распространителей роскоши: «вотъ наѣхали на ярмарку, рисуетъ онъ, истребители русскихъ кошельковъ, французы—съ помадами и француженки—съ шляпками, истребители добытыхъ кровью и трудами денегъ—эта египетская саранча, которая, мало того, что все сожретъ, да еще и яицъ послѣ себя оставитъ, зарывши ихъ въ землю», (III, 366).

Проматывая свое состояніе, русскіе помѣщики имѣли утѣшеніе находить защиту своей безалаберности въ иностранной литературѣ, что благодѣтельная роскошь—дѣло самое законное, гуманное и даже необходимое для развитія цивилизаціи. «Противозаконная вещь, увѣрялъ военный, что капиталы держатъ въ однѣхъ рукахъ. Это теперь предметъ трактатовъ во всей Европѣ. Имѣешь деньги,—ну сообщай другимъ: угощай, давай балы, производи благодѣтельную роскошь, которая даетъ хлѣбъ мастерамъ и ремесленникамъ». Съ ожесточеніемъ нападаетъ Гоголь въ одномъ изъ своихъ писемъ на такой безразсудный способъ доказательствъ: оправдываютъ свою роскошь подлыми, жалкими софизмами, будто бы нужна она, чтобы доставить хлѣбъ мастеровымъ, т. е., раззорить полдеревни или полъуѣзда въ пользу богача - столяра. Этотъ вы-

водъ могъ образоваться только въ пустой головѣ эконома XIX в., а не въ здоровой головѣ умнаго человѣка (III, 374, IV, 660—61). За богатыми барами въ роскоши потянулись мелкопомѣстные господа, а чиновники за своими начальниками. «Начитавшись разныхъ книгъ, распущенныхъ съ цѣлью внушить всякія новыя потребности человѣчеству, чиновники возымѣли жажду необыкновенную—испытать всякихъ новыхъ наслажденій». Французъ открылъ на ярмаркѣ какой-то вокзалъ съ ужиномъ, будто бы по необыкновенно дешевой цѣнѣ и на половину въ кредитъ; тутъ развернулись не только столоначальники, но и канцелярскіе, въ надеждѣ на будущія взятки съ просителей (III, 335, 336). Щелкоперы стали уже распространять книжки, въ которыхъ доказывали, что крестьянинъ ведетъ ужъ слишкомъ простую жизнь: нужно познакомить его съ предметами роскоши, внушить ему потребности свыше состоянья... Между тѣмъ довольно было и того, что высшіе классы общества платили тогда иностранцамъ большую подать. Будущій историкъ Россіи навѣрно докажетъ статистическими цифрами, что половина всѣхъ доходовъ государственныхъ и помѣщичьихъ (эти кровные плоды трудовъ крестьянскихъ!) ежегодно шли за границу на улучшеніе быта нѣмцевъ и французовъ въ 1-й половинѣ XIX столѣтія!

Энергическій писатель преслѣдуетъ злой ироніей ложный аристократическій вкусъ русскихъ вельможъ и бояръ, которые перенимали и пересаживали все иноземное въ свое отечество сплеча и безъ разбора. Русскій настоящій помѣщикъ всѣ домашнія затѣи обставляетъ на иностранный образецъ: «игру ведетъ отличную, честности —безпримѣрной, люди у него — воспитаны—камергеры, домъ—дворецъ, сады—по англійскому образцу, словомъ, русскій баринъ въ полномъ смыслѣ слова». И въ одинъ день все спустилъ въ банкъ до копѣйки. Дома и жилища они строили по иностранному вкусу и плану, дворецкаго имѣли француза, мебель выписывали отъ Гамбса;

иногда безтолковый господинъ, убирая свои итальянскія палаты въ послѣднемъ вкусѣ, убивалъ на эту уборку все свое состояніе, такъ что ужъ не-на-что было ѣсть (II, 124, 365—6; III, 251, 367). У помѣщика Манилова господскій домъ открытъ былъ всѣмъ вѣтрамъ и на покатости горы разбросаны были по-англійски двѣ—три клумбы съ кустами сиреней и желтыхъ акацій, пониже стоялъ «прудъ, покрытый зеленью», что впрочемъ не въ диковинку въ аглицкихъ садахъ русскихъ помѣщиковъ. Вездѣ было пустынно, только «видъ оживляли двѣ бабы, которыя, картинно подобравши платья и подтыкавшись со всѣхъ сторонъ, брели по колѣни въ прудѣ, влача изорванный бредень».

Какая злая насмѣшка!...

Бѣдные господа потянулись за богатыми въ убранствѣ дома и обстановки житейской и невольно разорялись отъ этого подражанія; вотъ у помѣщика, нищаго Хлобуева, изображеннаго Гоголемъ, не осталось въ хозяйствѣ и цыпленка, а шампанскаго было вдоволь. «Въ домѣ поражало смѣшенье нищеты съ блестящими бездѣлушками позднѣйшей роскоши. Какой-то Шекспиръ сидѣлъ на чернильницѣ; на столѣ лежала щегольская ручка слоновой кости для почесыванія себѣ самому спины. Хозяйка одѣта была со вкусомъ и по модѣ,—говорила о городѣ да о театрѣ. Четверо дѣтей тоже одѣты были мило и со вкусомъ, и при нихъ даже гувернантка». Куска хлѣба не было у Хлобуева, а дѣтей училъ танцованью! (III, 18, 352, 354; IV, 660).

Надѣленные всѣми внѣшними благами, высокіе бояре, образованные поверхностно и фальшиво, щеголяли внѣшней роскошью насчетъ тяжелаго труда простонародья, которому едва хватало средствъ для пропитанія семейства; заводили кровныхъ англійскихъ рысаковъ и щегольскія вѣнскія коляски. По Невскому тянутся крестьянскія возы горя и тащатъ ихъ столько же клячи, сколько и хозяева; а тутъ рядомъ

мчатся, какъ угорѣлые, съ громомъ и трескомъ и чуть не давятъ пѣшеходовъ, господа летятъ въ великолѣпныхъ экипажахъ, на дивныхъ коняхъ, возбуждая зависть въ людяхъ, «сердце которыхъ горитъ лошадиной страстью». Гордо сидятъ въ нихъ представители высшаго сословія, подбоченясь и не имѣя истиннаго просвѣщенія и патріотическихъ стремленій,— шикомъ и блескомъ экипажей, красотой и дороговизной рысаковъ, изящными ливрейными лакеями и кучерами, да надутой чопорной фигурой своей стараются показать толпѣ свое превосходство и могущество аристократизма, презрительно бросая взглядъ на убогихъ (II, 26, 424, 427—8; III, 366—7; IV, 187).

Пища, напитки и лакомства помѣщиковъ отличались новомодной изысканностью и кухня предпочиталась французская; почтмейстеръ разсказывалъ сотоварищамъ о петербургскомъ ресторанѣ съ удовольствіемъ. «Поваръ тамъ, можете представить, иностранецъ, французъ этакой, съ открытой физіономіей, бѣлье на немъ голландское, фартукъ бѣлизною равный, въ нѣкоторомъ родѣ, съ снѣгомъ, работаетъ фензервъ какой-нибудь этакой, котлетки съ трюфелями—словомъ, разсупеделикатесъ такой, что просто себя, то есть, съѣлъ бы отъ аппетита». Крѣпко подсмѣивается Гоголь надъ иностраннымъ столомъ, модными заграничными кушаньями, которыя убиваютъ аппетитъ у изнѣженныхъ господъ. Не возбуждаютъ зависти во мнѣ, пишетъ авторъ, «всѣ господа большой руки, живущіе въ Петербургѣ и Москвѣ, проводящіе время въ обдумываніи, что бы такое поѣсть завтра и какой бы обѣдъ сочинить на послѣ-завтра, и принимающіеся за этотъ обѣдъ не иначе, какъ отправивши прежде въ ротъ пилюлю, глотающіе устрицъ, морскихъ пауковъ и прочихъ чудъ, а потомъ отправляющіеся въ Карлсбадъ или на Кавказъ» (III, 60, 422; IV, 680). Впрочемъ, оставались еще почитатели русскихъ кушаньевъ, свѣжихъ, простыхъ и вкусныхъ; несмотря на

насмѣшки современныхъ модниковъ, они съ ненавистью и презрѣніемъ отзывались о французской кухнѣ. Собакевичъ разсказывалъ о столѣ губернатора и городскихъ властей. «Вѣдь я знаю, что они на рынкѣ покупаютъ. Купитъ вонъ тотъ каналья, поваръ, *что выучился у француза*, кота, обдеретъ его, да и подастъ на столъ вмѣсто зайца... Все, что ни есть ненужнаго, что бросаютъ въ помойную лохань, они его въ супъ да въ супъ! туда—его!... фрикасе дѣлаются на барскихъ кухняхъ изъ баранины, какая сутокъ по четыре на рынкѣ валяется!... Гадостей я не стану ѣсть. Мнѣ лягушку хоть сахаромъ облѣпи, не возьму ее въ ротъ, и устрицы тоже не возьму: я знаю, нà что устрица похожа... Это все выдумали доктора-нѣмцы да французы; я бы ихъ перевѣшалъ за это! Выдумали діэту—лечить голодомъ! Что у нихъ нѣмецкая жидкостная натура, такъ они воображаютъ, что и съ русскимъ желудкомъ сладятъ!» Въ нѣкоторыхъ помѣстьяхъ умѣли еще приготовлять прекрасные фруктовые квасы, наливки и варенья по старинному (III, 99—100, 361).

Русскихъ винъ большинство помѣщиковъ въ ротъ не брало и не покупало, а все спрашивали заграничныя съ шикарной кличкой.

Ноздревъ утверждалъ, что купецъ Пономаревъ фабрикуетъ самъ иностранныя вина, мѣшаетъ въ нихъ всякую дрянь — сандалъ, жженную пробку, и даже бузиной, подлецъ, затираетъ; но самъ же доказывалъ, что у него въ дальней комнаткѣ такія есть бутылочки, «ну просто, братъ, находишься въ эмпиреяхъ». *Бордо* звали просто *бурдашкой*; шампанское было не простое клико, а *клико-матрадура*, т. е. двойное клико, какъ настойка двойная; пили вино французское *бонбонъ*, *кипрское* или кислятину во всѣхъ отношеніяхъ; а то еще было вино и *бургоньонъ* и *шампаньонъ*—вмѣстѣ. А *мадеру* Ноздревъ имѣлъ такую, лучше которой не пивалъ самъ фельдмаршалъ. Мадера точно горѣла въ рту, поясняетъ

Гоголь, ибо купцы, зная уже вкусъ помѣщиковъ, любившихъ добрую мадеру, заправляли ее безпощадно ромомъ, а иной разъ вливали туда царской водки, въ надеждѣ, что все вынесутъ русскіе желудки (III, 64, 75—6, 83).

Вмѣсто красавицъ въ русскомъ вкусѣ, у которыхъ лицо—кровь съ молокомъ, щеки рѣпой, глаза съ поволокой, коса до пояса,—стали предпочитать уксусныхъ иноземокъ съ интересной блѣдностью, съ перетянутой тальей, не толще бутылочнаго горлышка, и ручками «самой субтильной *суперфлю*». Чтобы пріобрѣсть воздушность стана, поэтическую блѣдность и не походить на мужичку, барышни затягивались до тошноты въ корсеты, ѣли мѣлъ, пили уксусъ и съ большимъ успѣхомъ развивали въ себѣ чахотку. Гоголь смѣется надъ этой уродливой модой, которая во всей красѣ развертывалась на Невскомъ проспектѣ. «Здѣсь вы встрѣтите такія таліи, какія вамъ не снились никогда: тоненькія, узенькія, таліи никакъ не толще бутылочной шейки, встрѣтясь съ которыми вы почтительно отойдете къ сторонѣ, чтобы какъ-нибудь неосторожно не толкнуть невѣжливымъ локтемъ; сердцемъ вашимъ овладѣетъ робость и страхъ, чтобы какъ-нибудь отъ неосторожнаго даже дыханія вашего не переломилось прелестнѣйшее произведеніе природы и искусства». Нерѣдко увидите вы почтенную даму пожилыхъ лѣтъ и даже старуху съ *тальею въ рюмочку* (IV, 62, 155, 225). Впрочемъ, въ среднемъ классѣ русскаго общества не мало еще было людей, которымъ не нравились тонкія и поджаристыя женщины, «какъ бываютъ худенькія нѣмки»; невѣсту искали приличную, *въ тѣлѣ*; иной женихъ говорилъ, что онъ большой аматеръ со стороны женской полноты, а самъ точно кисетъ, изъ котораго вытрясли табакъ, и нога пѣтушья; когда невѣстѣ, купеческой дочери, сваха расхваливала жениха, что онъ *нѣмецкая штука*, такой субтильный и ножки узенькія,—она въ раздумьѣ отозвалась: «мнѣ эти субтильные какъ-то не того...» (II, 311,

329, 335). Пріѣзжимъ иностраннымъ пѣвицамъ и танцоркамъ сыпали деньги безъ счета, а о своихъ бѣдныхъ и голодающихъ совсѣмъ не заботились. Съ омерзеніемъ говоритъ Гоголь, до чего доводятъ молодыхъ людей иностранныя потребности. «Благодаря роскоши, сами стали тряпки, а не люди, и болѣзней чортъ знаетъ какихъ понабрались, и ужъ нѣтъ 18-лѣтняго мальчишки, который не испробовалъ всего: и зубовъ у него нѣтъ, и плѣшивъ какъ пузырь—хотятъ теперь и крестьянъ заразить» (III, 335, 366; IV, 580).

Какой бы отрасли жизни ни коснулся Гоголь, вездѣ онъ преслѣдуетъ иностранную закваску, которая возбудила броженіе не только вверху, но и въ среднихъ слояхъ общества, не только въ большихъ городахъ, но и въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, и вездѣ сопровождалась вреднымъ вліяніемъ. Отупѣло общество отъ этой бездушной чужой жизни. «Всякое истинное русское чувство глохнетъ, и некому его вызвать! Дремлетъ наша удаль, дремлетъ рѣшимость и отвага на дѣло, дремлетъ наша крѣпость и сила, дремлетъ умъ нашъ среди вялой и бабьей свѣтской жизни, которую *привили къ намъ, подъ именемъ просвѣщенія*, пустыя и мелкія нововведенія» (IV, 632). Всѣ добивались шить свои одежды изъ заграничныхъ матерій и товаровъ; убранство и украшенія платья непремѣнно также мастерили по иностраннымъ фасонамъ; понятно, что русскіе купцы на всѣ издѣлія и фабрикаціи придумывали хитрыя иностранныя названія, клали фальшивыя клейма и пустили въ оборотъ цѣлую систему лжи и надувательства. Одинъ изъ благопріятныхъ купцовъ европейскаго просвѣщенія спрашивалъ Чичикова, какое сукно онъ желаетъ получить—англійскихъ мануфактуръ или отечественной фабрикаціи? Чичиковъ, какъ опытный человѣкъ, служившій въ таможнѣ, отвѣтилъ: «Отечественной фабрикаціи, только лучшаго сорта, который называется англійскимъ» (III, 372). Особенно женщинамъ торговцы ловко спускали всякую тряпку, подъ хитрой

иностранной кличкой; у дамъ была вѣчная погоня за модой, за новыми выкройками, которыя по провинціальнымъ городамъ служили яблокомъ раздора, кому прежде сообщить картинку, высланную изъ столицы. Женщины нашивали кучи платья, слѣдя за малѣйшимъ уклоненіемъ моды, тратили кучи денегъ и быстро бросали сшитыя; всѣ заботы и помышленія ихъ сосредоточивались на робронахъ, шаляхъ, фестончикахъ и въ какомъ мѣстѣ сколько подложить ваты. Въ губернскихъ городахъ онѣ старались копировать столицы и даже самый Парижъ; но, разумѣется, выходило постоянное безвкусіе и крайняя уродливость. «Во время обѣдни, повѣствуетъ Гоголь, у одной изъ дамъ замѣтили внизу платья такое руло, которое растопырило его на полцеркви, такъ что частный приставъ, находившійся тутъ же, далъ приказаніе подвинуться народу подалѣе, т. е. поближе къ паперти, чтобы какъ нибудь не измялся туалетъ ея высокоблагородія» (III, 165, 188 — 9, 372—3; IV, 660). Въ Петербургѣ обезьянство моды развилось сильнѣе провинцій: легкіе какъ дымъ башмачки, воздушные летящіе газы, эфирныя ленты и другія прозрачныя созданія Парижа, сотканныя изъ самаго воздуха, увивали женщинъ на вечерахъ. «Тысячи сортовъ шляпокъ, платьевъ, платковъ, пестрыхъ, легкихъ, къ которымъ иногда въ теченіи цѣлыхъ двухъ дней сохраняется привязанность ихъ владѣлицъ, ослѣпятъ хоть кого на Невскомъ проспектѣ». Молоденькая дама оборачиваетъ свою головку къ блестящимъ окнамъ магазина, какъ подсолнечникъ къ солнцу. Петербургъ сталъ совсѣмъ европеецъ, какъ американская колонія или, лучше, какъ сказочная Шехеразада (III, 420—21; IV, 153, 155, 166, 293, 295). Но все тамъ обманъ и мечта, все не то, чѣмъ кажется, и Невскій проспектъ лжетъ во всякое время, а болѣе всего, когда самъ демонъ зажигаетъ лампы, чтобы показать все не въ настоящемъ видѣ (IV, 188). Эта безразсудная погоня за модой, эта гадкая роскошь изъ тщеславія составляетъ язву Россіи,

источницу взятокъ, несправедливостей и всѣхъ мерзостей (III, 181; IV, 569, 664).

Не однѣ женщины «закружились въ вихрѣ моды и пустоты», но и мужчины погнались за этимъ бездѣльемъ, стали наряжаться по картинкамъ, выставляемымъ въ окнахъ, и по цѣлымъ часамъ просиживали передъ зеркаломъ. Одинъ посвящалъ усамъ лучшую половину своей жизни, которые представляли предметъ долгихъ бдѣній во время дня и ночи; другой заботился съ материнской нѣжностью о своихъ бакенбардахъ и долго ломалъ голову,—пустить ли ихъ бахромой или иначе (II, 129, 429; IV, 155—6, 295—6; III, 166).

По поводу безсмысленнаго поклоненія модѣ, Гоголь удивляется, какъ стали править міромъ портные, швеи и ремесленники всякаго рода, руководить мнѣніями и мыслями умныхъ людей! Дьяволъ выступилъ безъ маски и съ дерзкимъ безстыдствомъ смѣется въ глаза людямъ, его признающимъ, издаетъ глупѣйшіе законы—и міръ не смѣетъ ослушаться! «Что значитъ эта мода, ничтожная, которую допустилъ вначалѣ человѣкъ какъ мелочь, какъ невинное дѣло, и которая теперь, какъ полная хозяйка, уже стала распоряжаться въ домахъ нашихъ, выгоняя все, что есть главнѣйшаго и лучшаго въ человѣкѣ? Никто не боится преступить первѣйшіе законы Христа—а между тѣмъ боится не исполнить ея малѣйшаго приказанія, дрожа передъ нею, какъ робкій мальчишка. Что значитъ, что даже и тѣ, которые сами надъ нею смѣются, — пляшутъ, какъ легкіе вѣтреники, подъ ея дудку?» (IV, 779—80). Вся жизнь опутана была мелочными чужими обычаями, принесенными съ Запада, въ которыхъ не было ни смысла, ни нужды для русскаго человѣка. Умѣнье держать себя и обращаться съ другими, поклоны, улыбки, походка—все было заучено, искусственное; стало даже входить въ моду «европейски-открытое обращеніе съ потрепкой по колѣну». Вмѣсто внутреннихъ достоинствъ человѣка по службѣ двигали вверхъ рекомендація и протекціи, не

только въ столицахъ, но «и въ дальныхъ захолустьяхъ». Условныя приличія, этикетъ, визиты и безчисленныя пустыя тонкости, чуждыя простотѣ русскаго взгляда и быта, «стали сильнѣе всякихъ коренныхъ постановленій». Вмѣсто радостныхъ встрѣчъ на Пасху, образуется полусонная бѣготня и суета, пустые визиты и умышленныя незаставанья другъ друга.

«Визитная карточка, подсмѣивается Гоголь, будь она писана хоть на трефовой двойкѣ или бубновомъ тузѣ, но вещь была очень священная. Изъ-за нея двѣ дамы, большія пріятельницы и даже родственницы, перессорились совершенно,— именно за то, что одна изъ нихъ какъ-то манкировала контръвизитомъ. И ужъ какъ ни старались потомъ мужья и родственники примирить ихъ, но нѣтъ,—оказалось, что все можно сдѣлать на свѣтѣ, одного только нельзя: примирить двухъ дамъ, поссорившихся за манкировку визита».

Нѣкоторыхъ мужчинъ трудно было отличить отъ петербургскихъ и по городамъ; зачесаны они были на манеръ *чортъ меня побери*, какъ говорятъ французы, небрежно подсѣдали къ дамамъ, также говорили по-французки «и смѣшили дамъ такъ же, какъ и въ Петербургѣ». Великосвѣтскій разговоръ состоялъ изъ пустой болтовни о картахъ, танцахъ и главнымъ предметомъ его были пересуды и сплетни (III, 11, 43, 163, 239, 282; IV, 259, 774, 779). Пустое, выдохшееся и развратное свѣтское общество было натянуто, фальшиво, и свѣжему человѣку казалось безлюднѣе самаго безлюдья (IV, 570. 572).

Важнымъ развлеченіемъ и препровожденіемъ времени для пожилыхъ людей служила игра въ карты, или «карточный столъ, тѣшащій всю Россію». Дѣйствительно, для помѣщиковъ и чиновниковъ это занятіе было дѣломъ серьезнымъ, а служба—по пословицѣ: не волкъ, въ лѣсъ не убѣжитъ. Гоголь изображаетъ, какъ шла игра на вечерѣ у губернатора: «Сѣли за зеленый столъ и не вставали уже до ужина. Всѣ разговоры совершенно прекратились, какъ случается всегда, когда наконецъ

предаются *занятію дѣльному*. Хотя почтмейстеръ былъ очень рѣчистъ, но и тотъ, взявши въ руки карты, тотъ же часъ выразилъ на лицѣ мыслящую физіогномію, покрылъ нижнею губою верхнюю и сохранилъ такое положеніе во все время игры. Выходя съ фигуры, онъ ударялъ по столу крѣпко рукою, приговаривая—если была дама: «пошла, старая попадья!» и проч. (III, 12—3, 255). Изъ помѣщиковъ не мало встрѣчалось записныхъ игроковъ, въ родѣ Ноздрева, которые спускали все, что было подъ руками: и лошадей, и часы, и все цѣнное; играли въ банкъ или штосъ, въ гальбикъ, въ фортунку, иногда не совсѣмъ безгрѣшно и чисто, за что поколачивали недобросовѣстныхъ сапогами или задавали передерку ихъ бакенбардамъ (III, 63, 65, 70). Игроки патентованные, настоящіе шулера, разъѣзжали по ярмаркамъ цѣлыми компаніями и очищали богатыхъ и тароватыхъ господъ. Одинъ изъ такихъ артистовъ говоритъ въ комедіи Гоголя: «Глубину познаній (карточной игры) началъ я изслѣдовать съ самыхъ юныхъ лѣтъ. Еще въ школѣ, во время профессорскихъ лекцій, я подъ скамьей держалъ банкъ моимъ товарищамъ». Другіе подтвердили, что это искусство не можетъ быть пріобрѣтено безъ практики въ лѣта гибкаго юношества (II, 363). Развлеченіемъ и увеселеніемъ молодыхъ людей были иностранные танцы, а балы по провинціямъ составляли необыкновенное происшествіе и возбуждали все населеніе къ неимовѣрной суматохѣ. Желаніемъ летать по паркету сгорали не только молоденькія женщины, но чуть не старухи; иногда на лицахъ и матушки, и дочки написано было, что онѣ до того исплясались на балахъ, что обѣ сдѣлались чуть не восковыми». Ребяческая страсть къ баламъ превращала ночи въ день и, разстроивая здоровье, убивала всѣ свѣжія чувства. Усердными любителями танцовальныхъ вечеровъ и мастерами своего дѣла считались военные; иной штабсъ-капитанъ отличался въ мазуркѣ на славу, «работалъ и душою и тѣломъ, и руками и ногами, отверты-

вая такія па, какихъ и во снѣ никому не случалось отвертывать». — Гоголь находилъ хорошую сторону и въ бальномъ обществѣ, если дѣйствія его не заходили за предѣлы пустоты; Чичиковъ любилъ балы и общественныя собранія, но раздосадованный находилъ одну худую сторону и говорилъ въ сердцахъ: «Чтобъ васъ чортъ побралъ всѣхъ, кто выдумалъ эти балы!... Невидаль, что иная навертѣла на себя тысячу рублей! А вѣдь на счетъ же крестьянскихъ оброковъ, или, что еще хуже, на счетъ совѣсти нашего брата. Вѣдь извѣстно, зачѣмъ берешь взятку и покривишь душой: для того, чтобы женѣ достать на шаль, или на разные роброны, провалъ ихъ возьми! А изъ чего? Чтобы не сказала какая-нибудь Подстега Сидоровна, что на почтмейстершѣ лучше было платье, да изъ-за нея бухъ тысячу рублей! — Кричатъ: «Балъ, балъ, веселость!» Просто, дрянь балъ, не въ русскомъ духѣ, не въ русской натурѣ, чортъ знаетъ, что такое! Взрослый, совершеннолѣтній, вдругъ выскочитъ весь въ черномъ, общипанный, обтянутый, какъ чортикъ, и давай мѣсить ногами. Иной даже, стоя въ парѣ, переговариваетъ съ другимъ о важномъ дѣлѣ, а ногами въ то же самое время, какъ козленокъ, вензеля направо и налѣво... Все изъ обезьянства, все изъ обезьянства. Что французъ въ 40 лѣтъ такой же ребенокъ, какимъ былъ и въ 15, такъ вотъ давай же и мы!» (II, 25; III, 174, 181; IV, 63).

Отсутствіе родныхъ интересовъ, недостатокъ привязанности къ дѣлу жизненному, и на балахъ и во время визитовъ модныхъ, породили пустословіе и сплетни. Праздные болтуны и лгуны сдѣлались необходимыми людьми общества: конечно, ихъ выдумкамъ не вѣрили, но присутствіе этихъ сплетниковъ считали необходимымъ для развлеченья. «Трудно даже понять, пишетъ Гоголь, какъ устроенъ смертный: какъ бы ни была пошла новость, онъ непремѣнно сообщитъ ее другому смертному, хотя бы именно для того только, чтобы сказать: «По-

смотрите, какую ложь распустили!» а другой смертный съ удовольствіемъ преклонить ухо, хотя послѣ скажетъ самъ: «Да это совершенно пошлая ложь, нестоющая никакого вниманія!» и вслѣдъ затѣмъ сей же часъ отправится искать третьяго смертнаго, чтобы, разсказавши ему, послѣ вмѣстѣ съ нимъ воскликнуть съ благороднымъ негодованіемъ: «Какая пошлая ложь!» И это непремѣнно обойдетъ весь городъ...» (II, 461; III, 177, 179, 192 — 5, 417). Оторвавшись отъ родныхъ старинныхъ началъ, не зная отечественныхъ нуждъ и потребностей, люди даровитые и образованные не могли найдти себѣ увлекающаго ихъ дѣла и занятій; отъ бездѣлья и холоднаго равнодушія ко всему окружающему нападала на нихъ одуряющая лѣнь и модная скука. У Гоголя представленъ богатый помѣщикъ, красавецъ Платоновъ, который не зналъ, что ему дѣлать, не находилъ ничего хорошаго ни въ русскомъ столѣ, ни въ русской пѣснѣ—и тоска грызла его безотступно. Въ противоположность бездѣльному Платонову изображенъ русскій хлѣбосолъ, юркій и дѣятельный по своему, П. П. Пѣтухъ, который доказывалъ, что только въ послѣднее время выдумали скуку, а прежде никто не скучалъ, да и времени нѣтъ для скуки. Между тѣмъ его дѣти гимназисты, хотѣвшіе просвѣщенія столичнаго, тоже скучали и думали о Москвѣ, о кондитерскихъ, о театрахъ, о которыхъ натолковалъ имъ заѣзжій кадетъ (III, 315, 319, 320, 324). Въ своихъ письмахъ Гоголь часто касался недуга своего времени — лѣни и скуки, разслабленья и развращенья общаго, повсемѣстной ничтожности общества и спячки, точно въ Россіи обитали неживыя души. «Въ обществѣ, замѣчаетъ онъ, съ одной стороны представляется утомленная образованность гражданская, а съ другой — какое-то охлажденіе душевное, какая-то нравственная усталость, требующая оживотворенія» (IV, 569, 629, 639, 704). Наконецъ онъ видѣлъ недостатокъ тогдашняго общества въ томъ, что не понимало оно современныхъ задачъ, не со-

образовало съ ними свою дѣятельность, не видѣло, что у него передъ глазами, и кидалось въ туманъ отдаленныхъ вопросовъ и искало разгадки въ фантастическомъ будущемъ. Оттого вся и бѣда наша, говорилъ онъ, что мы не глядимъ въ настоящее, а глядимъ въ будущее: когда находимъ въ Россіи, что иное горестно и грустно, другое просто гадко, мы махнемъ рукой *и давай пялить глаза въ будущее* (IV, 675).

Гоголь прекрасно сознавалъ, что русскимъ народомъ управляютъ другіе инстинкты, отличные отъ чужеземныхъ, его міровоззрѣніе не подходитъ подъ мѣрку европейскую, юридическія понятія несогласны съ теоріей судовъ заграничныхъ, складъ ума и языка самостоятельны и своеобразны, нѣмецкая острота коробитъ русскаго человѣка, шутка француза кажется ему ребяческой. И вотъ великій писатель ждалъ спасенія и оживленія общества русскаго отъ своихъ родныхъ началъ, отъ возврата изъ области чужихъ убѣжденій и привычекъ къ своимъ самостоятельнымъ народнымъ воззрѣніямъ и стариннымъ обычаямъ. Поэтому напрасно думаютъ, что въ произведеніяхъ Гоголя выставляется одна отрицательная сторона жизни: нѣтъ, въ нихъ есть и положительная.

Ему хотѣлось изобразить «несмѣтное богатство русскаго духа», высшія свойства русской природы, которыя не всѣми еще оцѣнены,—хотѣлось, чтобы «предсталъ, какъ-бы невольно, весь русскій человѣкъ, со всѣмъ разнообразіемъ богатствъ и даровъ, доставшихся на его долю, преимущественно передъ другими народами, и со всѣмъ множествомъ недостатковъ» своеобразныхъ (III, 233; IV, 799). Онъ ярко рисуетъ вредъ иностраннаго вліянія, гдѣ бы оно ни обнаружилось въ русской жизни, и указываетъ единственный выходъ въ опорѣ на свои отечественныя начала; русскій правитель и судья тогда будетъ хорошъ, когда узнаетъ народъ изъ близкаго обращенія съ нимъ, а не изъ нѣмецкихъ книгъ; помѣщикъ чужестранными нововведеніями разоряетъ имѣнія; поэтому онъ дол-

женъ держаться стараго хозяйничанья и изъ него же извлекать улучшенія, а не съ вѣтру. Въ хорошемъ помѣстьѣ русскомъ не было ни англійскихъ парковъ и газоновъ, ни бесѣдокъ и мостовъ со всякими затѣями по иностранному; а шелъ длинный проспектъ амбаровъ и рабочихъ домовъ. Въ комнатахъ хоромъ не встрѣчалъ взоръ ни фресковъ, ни бронзъ, ни этажерокъ съ фарфоромъ и проч. (III, 323; IV, 679). Дѣльный русскій человѣкъ много можетъ принести добра безъ шуму, «не сочиняя проектовъ и трактатовъ о доставленіи благополучія всему человѣчеству», не то, что столичный шаркатель по паркетамъ, любезникъ гостинныхъ (III, 345). У насъ есть свой языкъ, лучше и живописнѣе иностранныхъ языковъ; онъ незримо носится по всей русской землѣ, несмотря на чужеземствованіе наше въ землѣ своей. «Намъ надо было выболтать» на чужеземныхъ нарѣчіяхъ всю дрянь, какая ни пристала къ намъ вмѣстѣ съ чужеземнымъ образованіемъ, «чтобы не помрачилась младенческая ясность нашего языка» и возвратились бы къ нему, уже готовые мыслить и жить своимъ умомъ, а не чужеземнымъ. У насъ столько пѣсенъ, какъ ни у одного народа въ мірѣ нѣтъ, и кого не шевелитъ наша пѣсня, тотъ не русскій въ душѣ. У насъ свой здоровый и сытный столъ, свои варенья, напитки и т. п. (III, 230, 319, 361; IV, 641, 717—18, 773).

Такимъ образомъ, Гоголь постоянно, хотя и мимоходомъ, даетъ понять, что многіе русскіе обычаи и привычки неизмѣримо выше и лучше пустыхъ, искусственныхъ, занесенныхъ безъ нужды и не кстати съ запада; а предпочитаются своимъ изъ пустаго тщеславія, по обезьянству. Онъ уже видѣлъ «страждущихъ и болѣющихъ отъ своего европейскаго совершенства», слышалъ ропотъ на чуждую гражданственность и просвѣщеніе. Уже и безчувственные подвигаются, передаетъ онъ свѣдѣніе. Уже крики на безчинства, неправды и взятки слились въ одинъ потрясающій вопль всей земли, «послышав-

шей, что чужеземные враги—душевные вторгнулись въ безчисленномъ множествѣ, разсыпались по домамъ и наложили тяжелое ярмо на каждаго человѣка» (IV, 591, 653). Поэтъ съ удовольствіемъ привѣтствовалъ наступившее новое время, когда стали раздаваться новые вопросы, обращенные къ изученію прошлаго Россіи, къ познанію жизни народа и ознакомленію съ отечествомъ, и восторженно восклицалъ: «Не умретъ изъ нашей старины ни зерна того, что есть въ ней истинно-русскаго!» (IV, 781). Онъ очень радъ былъ, когда стало развиваться, въ отпоръ западныхъ заимствованій и подражаній, ученіе славянофиловъ о самобытномъ развитіи въ жизни народнаго русскаго духа, о поднятіи собственнаго народнаго русскаго міровоззрѣнія и земскихъ стремленій. Споры ихъ съ западниками для Гоголя служили признакомъ, что русскіе начинаютъ просыпаться, и онъ говорилъ: «Разумѣется, правды больше на сторонѣ славянистовъ и восточниковъ, потому что они все-таки видятъ фасадъ и, стало быть, все-таки говорятъ о главномъ, а не о частяхъ. «Только жаль, что нѣкоторые, бредя славянскими началами и пророча о будущемъ Россіи, не умѣютъ вынашивать въ головѣ своихъ мыслей и торопятся объявлять ихъ міру. Молодежь стала не въ мѣру хвастаться русскими доблестями, и думаютъ вовсе не о томъ, чтобы ихъ углубить и воспитать въ себѣ, но чтобы выставить ихъ на показъ и сказать Европѣ: «Смотрите, нѣмцы: мы лучше васъ! Это хвастовство — губитель всего (IV, 598, 611—12, 651). Но настанетъ благодатное время, когда мысль о внутреннемъ построеніи человѣка въ такомъ образѣ, въ какомъ повелѣлъ ему строиться Богъ изъ самородныхъ началъ земли своей, сдѣлается у насъ наконецъ общею по всей Россіи и равно желанною всѣмъ, чтобы мы увидѣли, что есть дѣйствительно въ насъ лучшаго собственно нашего» (IV, 768). Въ благоустроенныхъ съ виду государствахъ Европы, которыхъ наружнымъ блескомъ мы такъ восхищаемся, стремясь отъ нихъ все

перенимать и приспособлять къ себѣ, «заварятся скоро сумятицы и закружится голова. И когда на однихъ концахъ Россіи еще доплясываютъ польку и доигрываютъ преферансъ, уже незримо образовываются на разныхъ поприщахъ истинные мудрецы жизненнаго дѣла. Еще пройдетъ десятокъ лѣтъ, и вы увидите, что Европа пріѣдетъ къ намъ не за покупкой пеньки и сала, но за покупкой мудрости, которой не продадутъ больше на европейскихъ рынкахъ» (IV, 701, 703).

Немало воды утекло со времени кончины Н. В. Гоголя въ послѣднія 30 лѣтъ, но доселѣ его пророчество о самобытномъ теченіи русской жизни далеко еще не оправдалось. Иноземщина до такой степени въѣлась въ мозгъ русскихъ полуиностранцевъ, что имъ сначала показался даже дикимъ народный путь, на который указывалъ геніальный писатель для спасенія русскихъ отъ дикихъ наростовъ и уродливости. Даже послѣ освобожденія крестьянъ, они упорно продолжали жить чужимъ умомъ и внѣшней европейской обстановкой. Не понимая своего народа, не зная жизненныхъ его основъ, полуобразованные люди преклонялись передъ всей заграничной цивилизаціей, не находя ничего хорошаго въ землѣ своей. Это лакейство передъ всѣмъ чужимъ привело къ отрицанью историческаго склада русской жизни, вѣры отцовъ своихъ, народной формы правленія и всего бытового отечественнаго строя.

Правда, въ 25-лѣтнее царствованіе Александра II-го русская жизнь во многомъ потекла согласно съ духомъ и направленіемъ, указаннымъ Гоголемъ, выработала много опредѣленныхъ воззрѣній на отечество и привлекла на свою сторону большое количество поклонниковъ доморощенныхъ отличій. Подъ вліяніемъ развитія идеи русской народности, двинулась по широкой дорогѣ отечественная наука, воскресъ основательный взглядъ на самобытный складъ русской жизни и міровоззрѣнія русскаго человѣка,—явилось убѣжденіе, что жизнь

и судьбы западно-европейскихъ народовъ не похожи на наши и не могутъ служить намъ всегдашнимъ образцомъ для подражанія. Однако нельзя удавляться, какъ еще много въ наше время найдется между русскими, такъ называемыми образованными людьми, защитниковъ чужеземныхъ началъ; можно сказать, что теперь половина русскаго общества склоняется на ихъ сторону и пробавляется по прежнему всецѣло иностранной жизнью, а другая половина убѣдилась въ необходимости возсозданія Россіи на ея собственныхъ основахъ.

Гоголь не могъ предвидѣть или угадать, что среди этихъ двухъ направленій возникнетъ въ русскомъ обществѣ еще межеумочная партія или горсть молодежи, которая не держится ни иностранныхъ, ни народныхъ началъ жизни и отрицаетъ всякія основы для созданія порядка и дѣятельности человѣческихъ обществъ. Когда нѣкоторые изъ русскихъ утратили свои вѣрованія въ силу народныхъ корней и въ то же время сознали безжизненность чужихъ идеаловъ, сталъ нарождаться у насъ матеріализмъ и всевозможныя отрицательныя направленія, а потомъ уже обнаружились стремленія нигилистовъ къ разрушенію всего внутренняго строя Россіи, совсѣмъ ими непонятаго. Нарядились они въ крестьянское платье и пошли въ народъ, который считалъ ихъ не русскими, какъ прежнихъ шаловливыхъ барчуковъ; онъ отвергнулъ ихъ дикія затѣи, взлелѣянныя за моремъ, и указалъ на православіе, какъ на основу общества и братства, на трудовую дѣятельность каждаго для блага родины, вмѣсто ихъ фантастическихъ разглагольствованій о совершенствѣ человѣческомъ.

Нѣжинъ.
1881 г., 31-го дек.
